АРВИД НОРД

ПЯТАЯ ЖЕРТВА

ХРОНИКИ СЕВЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хроники северных преступлений

Арвид Норд

Пятая жертва

«Автор»
2026

Норд А.

Пятая жертва / А. Норд — «Автор», 2026 — (Хроники северных преступлений)

ПЯТАЯ ЖЕРТВАОсло, лето 2013 года. Убийство журналистки Эвы Нюгорд возвращает на поверхность историю, которую многие предпочли забыть. Инспектор Элиас Виртанен приезжает из Хельсинки и вместе с норвежским следователем Ингрид Мёэн разбирается в цепочке смертей, показаний и чужих умолчаний. На местах преступлений остаётся знак из пяти параллельных линий. Но чем дальше продвигается расследование, тем опаснее оказывается привычка считать однажды вынесенный приговор окончательной правдой.

© Норд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Квартира на четвёртом этаже 5
Глава 1. Чужой город 15
Глава 2. Третья чашка 27
Глава 3. Пятнадцать лет 36
Глава 4. Соседка напротив 44
Глава 5. Часы мертвеца 53
Глава 6. Человек после тюрьмы 62
Глава 7. Незнакомый номер 71
Глава 8. Подземный этаж 81
Глава 9. Чужая кровь 92
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Арвид Норд
Пятая жертва

Пролог. Квартира на четвёртом этаже

Осло. 8 июля 2013 года.

Утреннюю газету Рагнхильд Эвенсен обычно забирала после чая. Так меньше приходилось нагибаться на пустой желудок: в семьдесят шесть лет даже такое движение иногда отзывалось болью в пояснице. Но в понедельник, восьмого июля, она вышла раньше. Чайник ещё остывал на плите, на блюдце лежала недоеденная булочка, а в прихожей пахло влажным картоном — ночью дождь забрался под оконный откос.

Будильник щёлкнул в шесть двадцать, уже после того, как она открыла глаза. Этот звук Рагнхильд берегла по привычке. Когда-то муж ворчал, что она заводит часы даже в выходные; теперь часы стояли на его половине тумбочки, а заводить их было некому, кроме неё. Одиннадцать лет — срок достаточный, чтобы перестать разговаривать с пустым креслом, но не для того, чтобы выбросить стоявшую возле него лампу.

За окном двора на Марквейен дворник вытаскивал из решётки водостока размокший пакет. Он потянул сильнее, пакет разорвался, и мужчина выругался. Влажный воздух с улицы пах липовыми листьями, мусорными баками и асфальтом, который за ночь так и не остыл до конца. Лето в Грюнерлёкке не обещало тишины: снизу уже доносились голоса, кто-то двигал велосипеды, а за стеной недолго работала кофемолка.

Дочь из Бергена накануне прислала сообщение о детях. Сын обещал позвонить в воскресенье, но не позвонил. Рагнхильд отметила это, не обидевшись. Если бы все люди делали то, что обещают, жизнь, вероятно, стала бы скучнее. По крайней мере, так она обычно говорила сыну, когда тот извинялся.

Она накинула лёгкий кардиган, сунула ноги в домашние туфли и вышла на лестничную площадку. Замок снова заел. Пришлось приподнять ручку и одновременно повернуть ключ, как учил покойный муж. К тому времени он уже плохо различал лица, но мог за полчаса объяснить, как устроена дверная защёлка.

Газета лежала у коврика, слегка отсыревшая по краю. Рагнхильд подняла её и только тогда увидела пятно у двери напротив.

Тёмная капля на серой плитке. Ещё одна — возле латунной цифры 12, там, где край двери почти касался порога. Между ними тянулась короткая полоска, неровная, словно кто-то провёл по полу мокрым пальцем.

Она сперва подумала о красном вине. Эва Нюгорд часто возвращалась с бумажными пакетами из магазина; бутылка могла разбиться, вытечь, а остатки — уйти под дверь. Но края пятен подсохли до бурого цвета, и в самой большой капле было что-то плотное, чего у вина не бывает. Рагнхильд присела, ухватившись за косяк собственной двери, и тотчас выпрямилась. Она уже знала, что не должна ничего трогать.

Соседку она знала около девяти лет. Знала — слово слишком сильное. Эва здоровалась первой, могла помочь с сумкой, но никогда не задерживалась обсудить погоду, хотя Рагнхильд предлагала. Худощавая женщина с быстрым шагом и неизменно аккуратной одеждой. В последние недели она заметно уставала. Однажды у лифта так долго не могла попасть ключом в скважину, что Рагнхильд спросила, не вызвать ли врача.

— Нет, спасибо. Просто трудный день.

— На работе?

Эва посмотрела на неё с неожиданной настороженностью, потом коротко кивнула.

— Да. На работе.

Вспоминать эту беседу сейчас оказалось неприятно: Рагнхильд поняла, что её забота тогда прозвучала как допрос. Она сложила газету пополам и постучала в дверь квартиры двенадцать.

— Эва? Это соседка.

Внутри не отозвались.

Она постучала ещё раз, уже не заботясь о том, слышат ли её на лестнице.

— Эва, откройте, пожалуйста. У вас там что-то пролилось.

Раздался короткий щелчок. Не шаг, не голос — что-то сухое, почти механическое. Рагнхильд повернула голову. Звук мог прийти от холодильника в соседней квартире, от старых труб, от двери на другом этаже. Она ждала, пока за дверью станет слышно хоть какое-нибудь движение, но услышала только, как снизу хлопнули входной дверью.

Тогда она вернулась к себе, положила газету на табурет и позвонила в полицию.

Оператор попросил объяснить, что она видит. Рагнхильд принялась описывать лестничную площадку, даже ширину плиток, и услышала, как её мягко остановили.

— Вы уверены, что это кровь?

— Нет. Именно поэтому и звоню.

Её попросили не приближаться к двери. Она согласилась, хотя уже успела приблизиться. После разговора обнаружила, что крепко держит телефон двумя руками. На кухне всё ещё пахло чаем, в котором давно растворился сахар.

Патруль приехал через четырнадцать минут. Первым поднялся молодой полицейский с коротко остриженными волосами; воротник форменной рубашки натёр ему шею. Второй присел возле пятен и сразу попросил Рагнхильд отойти за собственный порог.

— Когда вы видели госпожу Нюгорд?

— Вчера. Около четырёх. Она несла покупки.

— Одна?

— Я видела только её.

Полицейский посмотрел на неё поверх блокнота.

— То есть одна?

— Вы хотите, чтобы я сказала то, чего не видела?

Он опустил ручку.

— Нет. Извините.

Замок был закрыт. Свежих повреждений на двери не обнаружили. Пока вызывали специалиста для вскрытия, один из полицейских разговаривал с соседкой, другой следил, чтобы любопытные не выходили на площадку. Кто-то на третьем этаже спросил, не случилась ли протечка; ответа ему не дали.

Когда дверь открыли, наружу вышел застоявшийся квартирный воздух. Сладковатый запах срезанных цветов смешивался с кофе и слабой металлической нотой. Молодой патрульный вошёл первым. В прихожей лежали туфли, на крючке висела сумка, у зеркала стояла начатая бутылка воды. Он сделал ещё несколько шагов и остановился.

— Позови группу, — сказал он коллеге.

— Что с ней? — спросила Рагнхильд из-за своей двери.

Полицейский не стал изображать спокойствие, которого не было. Попросил её войти к себе и пообещал, что с ней поговорят.

— Скажите хотя бы, жива ли она.

Он задержался у открытого проёма. Потом тихо произнёс:

— Мне очень жаль.

. . .

В гостиной Эвы Нюгорд стояли диван, низкий столик и зелёное кресло, обивка которого протёрлась на подлокотнике. На столике была раскрыта газета с перечёркнутым объявлением, возле ножки лежала хозяйская заколка для волос. Два высоких окна выходили во двор; с карниза после ночного дождя ещё срывались капли.

Ваза разбилась рядом с диваном. Вода растеклась по доскам, увлекая мелкие осколки. Под опрокинутым стулом лежали белые цветы, и один длинный стебель оказался прижат ножкой. Полиция сфотографировала их до того, как кто-либо попытался пройти через комнату.

Эва лежала на паркете. Ей было тридцать девять лет. Светлая блузка на груди потемнела от крови, брюки собрались складками у коленей. На шее виднелись повреждения, происхождение которых нельзя было определить с первого взгляда. Одна рука была вытянута вдоль тела, другая согнулась возле плеча. Патрульный проверил признаки жизни и сообщил результат коллегам; позже этот короткий осмотр требовалось восстановить по секундам и движениям.

На левой кисти не было безымянного пальца. Молодой полицейский заметил это лишь тогда, когда убрал руку от запястья. Он едва заметно отшатнулся и выругался себе под нос. Его напарник положил ладонь ему на плечо, не произнеся ничего. От этого прикосновения молодому стало только неловче.

На стене напротив окна был знак: пять отдельных вертикальных тёмно-красных линий. Четыре заканчивались примерно на одной высоте, пятая уходила ниже. Линии шли параллельно, не соприкасаясь; между ними оставались узкие полоски светлой стены. От третьей к плинтусу тянулся подсохший потёк. Знак находился на уровне, доступном взрослому человеку без подставки. Из дверного проёма его нельзя было не заметить.

Криминалисты установили штатив, зафиксировали комнату общим планом, отдельными кадрами сняли тело, положение мебели, осколки и стену. Каждому предмету предстояло получить номер. Пока у них не было ни серии убийств, ни послания, которое можно было прочесть, — только факты, часть которых ещё следовало проверить.

Кари Странд приехала незадолго до девяти. На лестнице её встретил сотрудник, протянувший бахилы и краткую сводку. Кари выслушала его, но вопросы задала уже у порога: кто входил, что трогали, в каком положении нашли тело. Снаружи она сняла мокрую куртку и передала коллеге, чтобы ничем не задеть предметы в квартире.

Возле Эвы она присела на корточки. Кари была опытным судебным медиком и давно перестала считать первые минуты осмотра временем для эффектных выводов. Она попросила увеличить свет, затем осмотрела кисти. На правой ладони — ссадина, под ногтями — частицы, требующие отдельного исследования. Левую руку фотографировали ещё раз, прежде чем к ней приблизились.

— Палец нашли?

— Поиск продолжается, — ответил следователь.

— Не формулируйте пока, когда он был отделён. И тем более не пишите, чем. Это мы установим, если будут основания.

Следователь сделал пометку.

— А время смерти?

— После осмотра назову рабочий интервал. Точность до минуты оставьте часам в коридоре.

Она говорила без раздражения. Ей и самой хотелось получить ответ, но желание было плохим основанием для заключения.

Кари поднялась и подошла к стене. Кто-то из следственной группы спросил, похож ли знак на ритуальный.

— Я не знаю, для чего он здесь, — ответила она. — Проверьте состав вещества и способ нанесения. Тогда будет о чём говорить.

— Образцы взяли после съёмки.

— Хорошо. Отметьте точные места отбора.

Кухня была тесной и неожиданно светлой. Над раковиной всё ещё горела лампа, хотя через окно хватало дневного света. На столе стояли две чашки: в одной оставался кофе, другая была почти пустой, с тёмным осадком. Третья чашка разбилась возле ножки стула. Пятно пролитой жидкости пахло чаем. Рядом с сахарницей лежали две ложки; на подоконнике сохли три чистых стакана.

— У хозяйки были гости? — спросил молодой следователь.

— Посуда не умеет давать показания, — сказала Кари, и он невольно усмехнулся.

Она показала, где следует сфотографировать каждую чашку до изъятия. Удобно было бы принять число чашек за число присутствовавших, но Кари знала, как часто людям приходится наливать себе чай второй раз.

На одном из осколков обнаружилась светлая крупинка. Криминалист заметил её под направленным светом. Кари попросила выделить фрагмент отдельно, не счищая частицу на месте.

— Штукатурка? — предположил следователь.

— Возможно. У лаборатории будет своё мнение.

Пока работали на кухне, по двору проехала машина с доставкой. Водитель несколько раз нажал на сигнал, не сумев разъехаться с велосипедистом. Звук проник через окно, и молодой следователь почти обрадовался ему: можно было на секунду вспомнить, что за пределами квартиры продолжается обычный понедельник.

В спальне Эвы пахло лавандовым средством для белья. На тумбочке были очки и часы; постель заправлена. В книге между страницами лежал автобусный билет, раскрыта она была на сто восемьдесят седьмой. Вещи снимали и описывали, не решая заранее, какие окажутся важными.

Письменный стол стоял у стены. В верхнем ящике нашли квитанции, конверты, фотографии и несколько медицинских документов. В нижнем — синюю папку, на корешке которой аккуратно было написано «1998». Следователь зафиксировал её положение и только после этого раскрыл.

Внутри лежали копии судебных материалов и газетные вырезки. На фотографии темноволосого молодого мужчину выводили из здания суда два полицейских. Подпись сообщала: «Йонас Вик признан виновным в убийстве Кристин Фосс». Ноябрь 1998 года.

На газетном поле шариковой ручкой были вписаны четыре слова: «Он не убивал её».

— Снимите оборот тоже, — попросил следователь, передавая вырезку криминалисту.

— Чей почерк?

— Пока неизвестно. И дата надписи тоже.

Папка была устроена с нарочитой аккуратностью: листы с номерами, даты, отдельные приложения. После страницы четырнадцать сразу шла семнадцатая. Следователь проверил корешок и прозрачные карманы обложки. Пятнадцатой и шестнадцатой не было.

Он не записал «вырваны». Только «отсутствуют в представленном комплекте». Между этими формулировками помещалось слишком много возможных историй.

Внизу книжного шкафа стоял старый фотоальбом. Между его страницами лежала карточка: две девушки у деревянного причала, низкие сосны, спокойная вода, хотя волосы одной из девушек трепал ветер. Светловолосая смеялась прямо в объектив. Темноволосая, старше её на вид, смотрела в сторону.

С обратной стороны синими чернилами: «Кристин и Сигне. Лето 1997». Позже кто-то тонко обвёл карандашом имя Кристин. Ни надпись, ни карандашный овал пока не объясняли, как фотография попала к Эве.

Ещё два листа обнаружились в лотке принтера. На первом, в правом верхнем углу, было напечатано: «Инспектору Элиасу Виртанену. Хельсинки, Финляндия».

Следователь присел к столу, чтобы не читать их на весу. Письмо было на английском. Без даты. Без подписи. Он начал с первой строки и, дочитав до конца, вернулся к середине.

«Уважаемый инспектор Виртанен.

Вы не знаете меня. Меня зовут Эва Нюгорд. Я работала с медицинскими материалами одного уголовного дела в Норвегии в 1998 году.

Я читала о вашей работе в Финляндии. Меня заинтересовало, как вы возвращались к свидетельствам, которые многие уже считали окончательными, и проверяли выводы, не доверяя одной только уверенности их авторов.

Я обращаюсь к вам, потому что больше не уверена, кому могу доверять здесь.

Пятнадцать лет назад я подписала документ, который не должна была подписывать.

Тогда мне сказали, что это формальность. Что результаты уже проверены. Что от меня требуется только подтвердить правильность оформления.

Я была молодой. Я боялась потерять работу.

Но страх не оправдывает того, что я сделала».

Следователь перевернул страницу. От ветра стукнула неплотно закрытая створка. Он попросил коллегу зафиксировать положение окна, прежде чем прикрыть её.

«Человек, которого осудили, не должен был оказаться в тюрьме.

Я сохранила материалы, которые могут это подтвердить. Не все они относятся непосредственно к медицинскому заключению.

Я хочу передать их лично.

Пожалуйста, не связывайтесь со мной через местное отделение полиции, пока мы не договоримся о безопасном способе передачи.

Я понимаю, насколько подозрительно звучит такая просьба.

Но один человек уже предупредил меня, что некоторые ошибки лучше не исправлять».

Дальше текста не было. Письмо обрывалось после последней точки; два белых листа оставались без конверта и адреса отправителя.

— В папке есть оригиналы? — спросил один из коллег.

— Пока вижу копии. Отдельно укажите это в перечне.

Они зафиксировали положение листов в лотке и приготовили их к изъятию. Ноутбук стоял закрытым на кухонном столе, подключённый к зарядному устройству. Специалист по цифровым доказательствам записал состояние устройства и подготовил его к исследованию. Возможно, в памяти обнаружится отправленный текст. Возможно — только черновик. Утверждать сейчас было рано.

Над верхней строкой письма следователь на секунду задержал карандаш. Имя финского инспектора никак не сочеталось у него с этой маленькой квартирой и чашкой, разбитой возле ножки стула. Он записал вопрос о том, отправлялось ли обращение, и положил листы в отдельный пакет.

. . .

Рагнхильд не включала радио с тех пор, как полицейские увели её с площадки. Ей казалось неприличным слушать прогноз погоды, пока за стеной работают незнакомые люди, хотя она не могла объяснить, кому именно этим помешала бы. Чай остывал в чашке. Половина булочки лежала там же, где утром.

Женщина из следственной группы пришла ближе к полудню. На ней были тёмные брюки и лёгкая куртка, волосы собраны без особенной аккуратности; на запястье виднелась красная полоска от часов. Она показала удостоверение, спросила, можно ли сесть, и отказалась от кофе.

— Вчера около четырёх вы встретили госпожу Нюгорд?

— Да. С пакетами. Я сама шла из магазина, поэтому помню время.

— Вы разговаривали?

— Поздоровались. Она торопилась.

— Выглядала испуганной?

Рагнхильд попробовала повторить в памяти лицо соседки. Сумка сползала у той с плеча, и Эва пыталась подхватить её, не выпуская ключи. Больше ничего определённого.

— Не знаю. В последнее время она была нервной, но вчера я не разглядывала её как на фотографии.

Полицейская кивнула, хотя в блокноте Рагнхильд успела заметить слово «тревога», написанное прежде, чем она закончила ответ.

— Кто-нибудь приходил к Эве?

— Иногда. Здесь много квартир. Я не могу помнить каждого.

— Я спрашиваю не про каждого. Может, был кто-то необычный?

— А кто у вас считается необычным?

Женщина поджала губы, потом улыбнулась одним уголком рта.

— Вы правы. Спросила неправильно.

Рагнхильд потянулась к чашке, но чай давно стал холодным. Отставила её и вспомнила шаги. Она слышала их накануне вечером, после новостей; тяжёлые, размеренные. Человек поднялся на четвёртый этаж, остановился возле её двери и пошёл дальше.

— Вы его видели?

— Нет.

— Можете сказать, мужчина это был или женщина?

— По шагам? Нет, конечно.

— Когда он ушёл?

— Не знаю, ушёл ли. Я легла спать.

Полицейская записала. Потом спросила, почему Рагнхильд не сказала об этом патрульным.

— Ваш коллега спрашивал о криках и ссоре, — ответила старуха. — Он не спрашивал, кто ходил по лестнице. Если бы я начала перечислять все звуки, мы с ним до сих пор сидели бы здесь.

Женщина отложила ручку. Ей, кажется, было стыдно за вопрос, но она всё-таки задала следующий:

— Криков вы действительно не слышали?

— Нет. И телевизор у меня был включён. Запишите оба обстоятельства.

Под окном ударили крышкой контейнера. Рагнхильд вздрогнула, а потом рассердилась на себя за это. Она поправила салфетку на столе и произнесла:

— Эва вчера попросила меня об одной странной вещи.

— Какой?

— Сказала, что если кто-то станет спрашивать, давно ли она живёт здесь, мне нужно сказать правду. Именно так: «Скажите правду».

— Вы спросили, зачем?

— Разумеется. Я сказала, что мне нечего скрывать о соседях.

— И что она ответила?

Рагнхильд посмотрела на вторую чашку в шкафчике, оставшуюся со времён мужа. Почему-то именно сейчас ей стало важно, что она не выбросила её.

— Сказала, что устала от людей, которые заставляют её сомневаться в собственной памяти.

Полицейская повторила фразу вслух, сверяясь с записью. Рагнхильд попросила не менять ни слова.

— Я могу ошибиться в том, как она выглядела, — сказала она. — Но это я запомнила.

После ухода следовательницы она снова подошла к двери. В коридоре пахло моющим средством: кто-то пытался оттереть грязь, оставшуюся от полицейской обуви. За порогом

соседней квартиры двигались люди в защитной одежде. Рагнхильд вернулась на кухню, так и не забрав газету с табурета.

. . .

К полудню следственная группа закончила первичный осмотр. Тело отправили на судебно-медицинское исследование; квартиру подготовили к опечатыванию. В предварительном перечне изъятого насчитали сорок семь позиций. Туда вошли образцы со стены, три чашки и остатки жидкости, отдельный осколок, синяя папка, фотография, распечатка письма, электронные устройства и другие предметы. К каждому прилагались указания о месте обнаружения и упаковке.

Перед выходом криминалист снова поставил штатив в дверном проёме гостиной. Он хотел получить кадр именно с той точки, откуда знак впервые увидел патрульный. Сдвинул штатив на полшага в сторону, проверил прямоугольник стены на экране. Пять линий сразу оказывались в центре, хотя сбоку оставались сломанные цветы и мокрый паркет. Он сделал два снимка. Ему не требовалось решать, хотел ли кто-то привлечь внимание; достаточно было показать, что внимание действительно привлекало.

В половине третьего в управлении полиции Осло началось совещание.

Ингрид Мёэн пришла раньше остальных и успела просмотреть первичные фотографии. Ей было сорок восемь. За двадцать с лишним лет службы она привыкла, что самая громкая версия редко бывает самой полезной. На столе лежали снимки тела, кухни, двух листов письма и стены со знаком. У края — список вещей, которые ещё не успели доставить в лабораторию.

Юнас Эйде вошёл с бумажным стаканом кофе и блокнотом. Его рубашка помялась на спине после нескольких часов за рулём. Он сел напротив, потянулся за фотографией, но Ингрид придвинула её к себе.

— Сначала то, что мы знаем, — сказала она. — Не то, на что это похоже.

Юнас открыл блокнот.

— Эва Нюгорд, тридцать девять лет. Найдена в квартире сегодня утром. Вероятное убийство. Замок закрыт, явного взлома до вскрытия не отмечено. Точный интервал смерти пока не установлен.

— Палец?

— Не найден. Продолжают поиск.

— Не забудьте проверить, нет ли старых медицинских документов о повреждении кисти.

Он записал распоряжение. Ингрид выложила фотографию стены.

— Этот знак сделан так, чтобы его увидели сразу от входа.

— Думаешь, убийца хотел что-то сообщить?

— Возможно. Или хотел, чтобы мы слишком долго пытались его расшифровать.

— Разница невелика.

— Разница в том, будем ли мы сначала проверять людей или рисовать объяснения на доске.

Юнас кивнул, не став спорить. Ингрид заметила, что у него остался с вечера след от маркера на пальце, и подумала: вечером он, наверное, так и ушёл домой, не вымыв руки. У неё самой в сумке второй день лежало письмо из банка, которое она обещала разобрать.

— Что с распечаткой для финского инспектора?

— Адресована Элиасу Виртанену. Хельсинки. Эва ссылалась на его участие в одном давнем финском расследовании и просила о личной встрече. Отправку пока не подтвердили. Ноутбук изъяли.

— Что можем подтвердить о девяносто восьмом?

Юнас перевернул страницу.

— Кристин Фосс убили, Йонаса Вика осудили. Он недавно вышел на свободу. У Эвы хранилась копия вырезки о приговоре, поверх неё — надпись, что Вик невиновен. Из папки не хватает двух нумерованных листов.

— Само отсутствие не доказывает, что их забрали из этой квартиры.

— Я так и записал. В документах ещё есть ссылки на исследования, к которым могли привлекать финских специалистов. Подтверждения нет.

— Значит, отправляем запрос в архив и отдельно в Финляндию. Не смешиваем предположения с ответами.

Юнас раскрыл другую страницу.

— Среди фамилий по делу 1998 года есть Томас Рууд.

Ингрид подняла глаза.

— Бывший полицейский?

— Да. Уже не служит. Предположительно живёт в Осло.

— Найдите адрес. Предложите встретиться. Пока речь идёт о выяснении обстоятельств старого дела, а не об обвинении.

Она посмотрела на фотографию двух девушек у причала.

— Сигне Фосс. Сестра Кристин?

— Судя по старым материалам, да.

— Попросите Нору найти её контакт. И выясните, когда Эва получила снимок. Это может быть важно, а может оказаться чужой семейной фотографией.

Юнас допил кофе и посмотрел на знак.

— Если появится ещё один такой?..

— Пока у нас один. Работай с одним, — ответила Ингрид.

Он собрал бумаги и вышел. Ингрид осталась за столом. В кабинете негромко гудел кондиционер, за дверью кто-то обсуждал неисправный принтер. Она ещё раз изучила снимок стены. Четыре черты примерно одинаковые, пятая заметно длиннее. Сделала запись: «Виден от входа. Уточнить последовательность нанесения».

Телефон высветил сообщение от бывшего мужа: «В воскресенье будешь на семейном обеде?» Ингрид набрала «Конечно», стёрла и написала: «Не обещаю. Новое дело».

Ей не нравилось, что пришлось отвечать именно так. Но она не стала обещать того, чего не могла обеспечить. Затем открыла папку с фотографией Кристин и Сигне и попросила Нору позвонить, как только найдётся адрес сестры.

. . .

В Хельсинки вечер держался над двором дольше, чем хотелось Элиасу Виртанену. В открытое кухонное окно доносились детские голоса, дребезжал автобус на повороте. Он стоял у подоконника с горшком в руках и вытряхивал из него мёртвые листья.

Растение продавщица когда-то назвала почти неубиваемым. Элиас купил его из-за этого слова и теперь испытывал неловкость: даже такое не удалось сохранить. На подоконнике остался круг засохшей земли. Он взял тряпку, но прежде чем успел вытереть след, позвонил телефон.

Софи.

— Ты дома?

— Если не считать моего участия в гибели одного комнатного растения, да.

— Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

— Только на вопросы, которые задают вместо приветствия.

Софи хмыкнула. В трубке слышался коридорный шум, затем хлопнула дверь, и её голос стал отчётливее.

— Из Осло пришёл запрос. Пока предварительный, но с нами хотят поговорить срочно.

— По какому делу?

— Убийство. Женщина по имени Эва Нюгорд.

Элиас поставил горшок возле раковины.

— Не знаю такого имени.

— У неё в квартире нашли распечатку письма тебе.

Он не стал отвечать сразу. На запястье осталось пятно от земли, которое пришлось стереть о край полотенца.

— Что в нём?

— Она изучала материалы дела 1998 года и сомневается в одном из выводов. В письме упоминает тебя и твою работу в Хельсинки, но не объясняет, откуда о ней узнала.

— На то старое расследование в Хельсинки?

— Да.

Он сел за стол. На его краю лежала папка, которую Элиас давно собирался убрать подальше от кухни. Дело закончилось, но некоторые записи так и оставались без убедительного ответа. От бумаги всегда трудно было отделить то, что установили, от того, чего хотели бы не помнить.

— Она отправила письмо?

— Пока неизвестно. Норвежцы нашли два распечатанных листа. Никаких сведений о доставке.

— Кем работала Нюгорд?

— В медицинской лаборатории. В девяносто восьмом участвовала в оформлении материалов по убийству Кристин Фосс. За него осудили Йонаса Вика.

— Есть связь с финскими экспертами?

— В старых документах упоминаются сравнительные исследования. Неизвестно, проводились ли они у нас. Я уже запросила архив.

Элиас потянулся за блокнотом, лежавшим под газетой, и записал два имени. Софи знала, что он делает: шелест листа дошёл до неё через телефон.

— Расследование ведёт Ингрид Мёэн, полиция Осло, — добавила она. — Пока спрашивают о возможных документах и твоей работе. Не о твоём участии в этом деле.

— Разумно.

— После этого слова ты обычно делаешь что-нибудь, чего никто не просил.

— Сегодня я ещё даже из квартиры не вышел.

— Тем более. Береги эту редкую традицию.

Он улыбнулся, но недолго. Перед глазами стояли слова «женщина убита» и два листа, которые та, по-видимому, так и не отправила.

— Посмотри отдельно приложения к материалам девяносто восьмого, — сказал он. — В тех делах иногда основное заключение лежит в одном архиве, а переписка — в другом.

— Уже попросила проверить.

Он услышал, как Софи перелистнула бумагу.

— Элиас, — сказала она спокойнее. — Я понимаю, почему ты зацепился за письмо. Но ты слышишь, что я сказала первым?

— Что её убили.

— Да. Не теряй женщину за документами.

Он посмотрел на горшок у раковины, на влажную землю, приставшую к ручке полотенца.

— Не потеряю. Позвони, когда будет ответ.

После разговора Элиас включил ноутбук. Ввёл в поиск «Кристин Фосс», потом «Йонас Вик». На экране появилась фотография молодой светловолосой женщины. Снимавший, похоже, поймал её в тот момент, когда она засмеялась. Элиас прочёл подпись под изображением, открыл следующий материал и перенёс чашку подальше от клавиатуры.

. . .

В управлении Осло к вечеру опустели многие кабинеты. В коридоре пахло бумажной пылью и разогретым пластиком копировального аппарата. Ингрид закрыла папку с первыми материалами, надела лёгкое пальто и подошла к доске, которую Юнас успел поставить у стены.

На ней пока было немногое: Эва Нюгорд, Кристин Фосс, фотография знака и две девушки на причале. Ингрид передвинула снимки, чтобы они не перекрывали друг друга. Между именами осталось белое место, и она написала туда: «Почему Эва искала Виртанена?»

Она собиралась уходить, но заметила на одной фотографии перекошенный уголок. Поправила скрепку, затем записала ещё два вопроса: откуда у Эвы снимок 1997 года и кто встречался с ней накануне смерти.

Когда Ингрид выключила настольную лампу, отражение коридорного света легло на фотографию стены. Длинная пятая линия оказалась в тени, остальные четыре — на свету. Она перевернула лист снимком вниз: ночью от этого знака всё равно нельзя было получить ответ.

На Марквейен, 42, к тому времени опечатали дверь квартиры двенадцать. Из гостиной увезли цветы и осколки; после отбора образцов часть тёмного вещества на стене побледнела, но рисунок оставался различимым. Вода под окном высыхала вдоль швов паркета.

Рагнхильд остановилась у собственной двери с мусорным пакетом. Снизу поднимались чьи-то шаги — быстрые, неровные. Она дождалась, пока на площадке покажется сосед с велосипедом, и спросила, не нужна ли ему помощь с дверью. Он удивлённо поблагодарил и прошёл мимо.

У себя на кухне Рагнхильд поставила пакет возле ведра. Потом достала оставшуюся половину булочки и выбросила её. Газету она так и не прочла.

Глава 1. Чужой город

Осло. 9 июля 2013 года.

Самолёт сел в Гардермуэне под мелким дождём. Сначала качнулся на шасси, потом покатился по мокрой полосе, и люди вокруг Элиаса Виртанена почти одновременно потянулись к телефонам. Кто-то сообщил, что прилетел. Женщина через проход заговорила с ребёнком по-фински, уже не стараясь шептать. Элиас выключил режим полёта, увидел сообщение от дежурного из Хельсинки и не открыл его. На четыре дня он приехал сюда по делу, в котором пока даже не имел права задавать официальные вопросы от имени полиции Норвегии.

В ручной клади лежали два комплекта документов: сведения об убийстве Эвы Нюгорд, присланные коллегами, и копия письма, адресованного лично ему. На последнем листе оставалась фраза о том, что некоторые ошибки лучше не исправлять. Элиас не любил такие предупреждения. Они ничего не объясняли человеку, который должен решить, где искать факты, и слишком многое объясняли задним числом, когда дело уже заканчивалось плохо.

В зале прилёта пахло разогретым хлебом и мокрыми куртками. Очередь перед кофейной стойкой изгибалась вокруг рекламного щита. Элиас пропустил вперёд мужчину с двумя чемоданами, поправил лямку сумки и остановился у стеклянных дверей. Встречавшую его женщину он узнал не сразу. Она стояла чуть в стороне от основной толпы, не поднимая листа с фамилией: телефон в одной руке, ключи от машины — в другой. Среднего роста, лет пятидесяти, светлые волосы собраны в строгий узел. Тёмный пиджак был помят на локте, как бывает после долгой дороги за рулём. Женщина посмотрела не на его лицо, а на удостоверение, которое он доставал из внутреннего кармана.

— Инспектор Виртанен?

— Да. Ингрид Мёэн?

— Полиция Осло. — Она убрала телефон. — Прежде чем вы попросите кофе: мы опаздываем на совещание.

— Тогда не буду.

— Удивительно быстро договорились.

Её рукопожатие было крепким, без попытки произвести впечатление. Элиасу это понравилось. Ингрид оглянулась на табло отправлений, будто проверяла время не на собственных часах, и повела его к выходу.

— В вашем письме было сказано, что нашли моё имя, — произнёс он, когда автоматические двери раскрылись. — Но не было сказано, где именно.

— В бумагах Эвы. Оригинал сейчас у криминалистов. Сегодня увидите копию и место, где её обнаружили.

— Я никогда с ней не встречался.

— Это мы уже проверили настолько, насколько возможно за сутки. — Ингрид застегнула пиджак, но дождь оказался сильнее: на плече сразу выступили тёмные точки. — Мой автомобиль там.

Серый «Вольво» стоял на открытой парковке. У заднего крыла тянулась неглубокая царапина. Ингрид сама подняла крышку багажника, дождалась, пока он уложит чемодан, и только потом села за руль. На приборной панели лежала квитанция с заправки, в подстаканнике остывал кофе без крышки. От этой мелкой небрежности её собранный вид становился человеческим.

На выезде из аэропорта она проверила боковое зеркало и сказала:

— У нас четыре дня. Это подтверждено вашим руководством?

— Четыре. Если потребуется дольше, придётся согласовывать отдельно.

— Хорошо. И ещё один вопрос. Ваши полномочия здесь?

— Консультирую. Могу изучать материалы, участвовать в согласованных беседах, объяснять, что относится к расследованию в Хельсинки. Официальные допросы и изъятия проводите вы.

Ингрид кивнула, не скрывая облегчения.

— Я предпочитаю выяснять это до первого конфликта.

— И часто конфликтуете?

— С иностранными коллегами редко. Со своими — регулярно. Вы можете считать это обнадёживающим знаком.

Он усмехнулся. За окном начинались развязки, мокрые полосы шоссе, полосы тёмного леса. По соседней полосе двигался грузовик с открытым тентом; вода стекала с него на асфальт. Элиас достал из сумки папку, но Ингрид попросила пока не читать.

— Скажите своими словами, что вы знаете об Эве Нюгорд.

— Тридцать девять лет. Работала в медицинской лаборатории. Убита в квартире на Марквейен. Перед смертью подготовила письмо мне, человеку, которого знала только по материалам одного финского дела.

— Человеку, который разбирался в старом финском расследовании.

— Да.

— И который, как она считала, мог разобраться с судебной ошибкой.

— Мы не знаем, была ли ошибка именно судебной, — сказал Элиас. — Знаем, что она в это верила.

Ингрид коротко взглянула на него и снова вернулась к дороге.

— Значит, вы умеете различать утверждение свидетеля и установленное обстоятельство.

— Когда выговариваюсь, да.

В Хельсинки у него когда-то ушла почти неделя на простую, как казалось, вещь: выяснить, почему две карточки с разными датами называли одним и тем же документом. Номер в углу выглядел надёжнее памяти людей. Потом выяснилось, что и номер можно перенести с одного листа на другой. Элиас помнил об этом, но не собирался делать из опыта прошлого расследования универсальный ответ на чужое преступление. Норвежцам он был нужен не для того, чтобы повторить финскую историю.

— В девяносто восьмом Эва участвовала в оформлении лабораторных сравнительных материалов по делу Кристин Фосс, — продолжила Ингрид. — Ей было двадцать четыре. Она подписывала один из документов после руководителя лаборатории. По описи существует дополнительное исследование, но самого приложения сейчас нет.

— Отдельное хранение?

— Не исключено. Мы запросили учётные записи и движение дела.

— Руководителя нашли?

— Проверяем, кто может подтвердить подпись и порядок оформления. Пока я не хочу называть потерянное приложение подделкой.

— И правильно.

Ингрид сжала руль ладонями. Её раздражало, когда соглашались слишком легко, но спорить она не стала.

— Ещё там есть часы.

— Какие?

— Наручные часы с гравировкой «J. V.». Их предъявляли как улику против Йонаса Вика.

— Где нашли?

— У склада, возле которого обнаружили Кристин.

— При первичном осмотре?

— Через несколько дней. После того как территорию уже проверяли.

Элиас придержал папку, чтобы она не соскользнула с колен.

— Кто зафиксировал обнаружение?

— Томас Рууд. Один из тогдашних следователей.

— Будем разговаривать с ним?

— Сегодня. Я договорилась о встрече.

— Тогда мне хотелось бы услышать сначала его собственный рассказ.

— Вот об этом, — сказала Ингрид, — мы и можем договориться.

К моменту, когда они добрались до управления, дождь почти закончился. На перекрёстке велосипедист без шлема ругался с водителем автобуса; женщина с коляской ждала зелёного сигнала, прикрывая ладонью лицо ребёнка от брызг. Чужой город жил без всякого интереса к фамилии человека, из-за которого два следственных дела вновь стали тревожить полицию.

В служебном коридоре пахло кофе, бумагой и влажной шерстью. Ингрид остановилась, чтобы поздороваться с дежурным, и провела Элиаса в кабинет. Здесь не было ничего похожего на комнаты следователей из телевизионных сериалов: два занятых стола, коробка с неработающим принтером, журнал регистрации на подоконнике, доска с фотографиями. С одной стороны — Эва Нюгорд; с другой — молодая женщина с тёмными волосами, снятая у воды. Между снимками закрепили фотографию пяти линий на стене.

— Кристин Фосс? — спросил Элиас.

— Да. Фото сделано при её жизни.

Он подошёл к изображению знака. На стене были пять вертикальных полос. Две казались почти одинаковыми, у первой было неровное начало, у третьей — тонкий подтёк; пятая тянулась чуть ниже остальных и сужалась к концу. В обычном протоколе такие особенности легко становились словами «пять параллельных линий». На фотографии они выглядели менее похожими друг на друга.

— Материал исследуют?

— Предварительно установлено присутствие крови. Происхождение ещё не определено.

— А последовательность нанесения?

— Не установлена. Почему спрашиваете?

— Разные окончания. Я не утверждаю, что это делали разные люди. Просто не хочу раньше времени записывать всё одним жестом.

Ингрид взглянула на снимок не так, словно увидела его впервые, а так, будто проверяла собственную привычку смотреть на знакомую вещь.

— Наши криминалисты это тоже зафиксировали, — сказала она. — Другой вопрос, что с этим делать.

Вошёл мужчина с папкой под мышкой, лет тридцати пяти, с короткими тёмными волосами и рукавами рубашки, закатанными до локтей. На указательном пальце у него осталось чернильное пятно.

— Юнас Эйде, — представила его Ингрид. — Работает с нами по делу.

— Привет. Вам достался не лучший день для знакомства с городом, — сказал Юнас и положил папку на свободный угол стола. — Зато документы уже здесь.

Он не стал изображать радость от иностранного гостя. Сразу развернул схему старого дела и обвёл пальцем дату.

В августе 1998 года двадцатилетнюю Кристин Фосс обнаружили мёртвой возле заброшенного складского здания. Она училась, подрабатывала в небольшом магазине, жила с матерью в пригороде Осло. Установили тяжёлую травму головы и насильственный характер смерти. Но старое медицинское заключение не давало достаточно точного ответа на вопрос, когда именно девушка умерла относительно получения травмы. Пятнадцать лет назад это расхождение не остановило расследование.

— Вы видели оригинал? — спросил Элиас у Юнаса.

— Медицинского заключения? Копию в деле. Оригинал и приложения запрошены отдельно.

— Значит, пока у нас не весь документ.

— Именно.

Йонасу Вику в 1998 году было тридцать четыре года. Механик, жил один, некоторое время встречался с Кристин. После разрыва отношений следствие приняло версию, что он не смирился с её решением. Показания, отдельные экспертные выводы и найденные часы стали частью обвинения. В ноябре того же года суд вынес обвинительный приговор. Вик почти пятнадцать лет провёл в заключении.

Ингрид положила перед Элиасом копию решения о пересмотре дела.

— Комиссия по пересмотру уголовных дел разрешила повторное рассмотрение. Суд оправдал Вика весной этого года. Важно различать эти два решения: комиссия не выносила оправдательный приговор.

— Важно и другое, — добавил Юнас. — Оправдание не отвечает на вопрос, кто убил Кристин.

— А что стало достаточным основанием, чтобы вернуться к делу? — спросил Элиас.

— Противоречия в показаниях, вопросы к тому, как хранили отдельные предметы, и новая оценка некоторых экспертиз. Не одна волшебная улика, — ответил Юнас. — Несколько вещей, которые раньше рассматривали по отдельности.

Элиас перелистнул документы. На полях копии кто-то давно оставил карандашную пометку; было не разобрать, принадлежала она сотруднику суда или архивисту.

— Аксель Брандт, — прочитал он имя под обвинительным заключением. — Это прокурор?

— Был, — уточнила Ингрид. — Несколько лет назад ушёл с государственной службы, теперь консультирует по юридическим вопросам. По пересмотру дал письменные пояснения.

— Вы с ним работали?

— Пересекались. Он из тех, кто внимательно слушает вопрос, прежде чем решить, на какую его часть отвечать.

— Полезное качество для юриста.

— И не всегда полезное для следователя, — сказала Ингрид.

Юнас, севший на край стола, откинулся назад, освобождая место для следующей папки.

— Сегодня ещё Рууд. Потом вернёмся к списку подписантов. Не хочу, чтобы один разговор съел полдня.

— Начните с часов, — сказал Элиас. — Только не говорите ему заранее, на каком ответе он должен споткнуться.

Ингрид посмотрела на него с явным неодобрением.

— В наших опросах мы тоже стараемся не подсказывать.

— Я не сомневался. Неудачно выразился.

— Вы уже один раз так сказали с утра.

Он закрыл папку. У них, похоже, будет много возможностей поправлять друг друга.

После полудня Ингрид вновь привела его на Марквейен. На входной двери дома висело объявление о ремонте водопровода. Возле велосипедной стойки двое подростков спорили, кому чинить спущенное колесо. Элиас не стал задерживаться во дворе. Снаружи адрес ничего не говорил о том, как в одном помещении могло оказаться столько причин для старого преступления вернуться в настоящее.

На лестнице пахло полиролью и сырым деревом. У квартиры номер двенадцать их встретил сотрудник, отвечавший за доступ к месту происшествия; Ингрид отметила посещение в журнале. На дверной коробке оставался след от служебной пломбы. Внутри уже убрали часть предметов и отобрали образцы, но расположение мебели не меняли без фиксации.

В прихожей висело лёгкое пальто. Под ним стояли женские туфли; на полке лежали ключи от велосипеда и несколько рекламных листков. Не убрано, не приготовлено для чужих глаз — просто оставлено в тот момент, когда хозяйка ещё собиралась жить здесь дальше. Элиас прошёл в гостиную и остановился у отметок на полу, обозначавших прежнее положение тела.

Пять полос на стене после взятия проб выглядели иначе, чем на фотографиях. На некоторых участках была нарушена поверхность краски; внизу темнели неровные края.

— Человек не скрывал знак, — сказала Ингрид.

— Не скрывал. Но и не расположил так, чтобы его сразу увидели целиком.

Элиас отошёл в прихожую. Оттуда первую часть рисунка было видно хорошо. Конец пятой линии заслонял выступ книжного шкафа.

— Это было видно на первоначальном осмотре? — спросил он.

— Есть общие фотографии комнаты и снимки со стороны двери.

— Давайте сравним. На крупном плане всё кажется очевидным. С порога — другое впечатление.

Ингрид сделала пометку. Не восторженную, не униженную чужим замечанием; обычную рабочую запись человека, который не собирался спорить со стоящим перед ним шкафом.

На кухне пустое место на столе имело странную форму: после изъятия чашек остались только слабые кольца на поверхности. Ингрид разложила фотографии первоначального осмотра.

— Три чашки, — сказала она. — В двух кофе. Третья разбита, в ней был чай. Исследования следов ещё идут.

— По словам соседки, Эва обычно пила кофе?

— Да. Но и чай иногда.

Элиас присел, чтобы рассмотреть расположение осколков на снимке. Один из них лежал не возле ножки стола, а ближе к проходу. Этого было недостаточно, чтобы сказать, где разбили чашку; фотография лишь помогала не забыть вопрос.

— Мы уверены, что она разбилась на кухне?

— Положение осколков допускает такую версию, — ответила Ингрид. — Но мы не исключаем, что их перемещали.

— Значит, не станем пока считать, что все трое сидели здесь одновременно.

— Именно этого мы и не делаем.

На стене возле стола выделялся более светлый участок. Можно было подумать, что там недавно протёрли штукатурку или сняли вещь, закрывавшую часть поверхности.

— Снимков кухни до убийства пока нет? — спросил Элиас.

— Ищем. В том числе фотографии из телефона Эвы.

Элиас выпрямился и машинально поправил рукав. Ингрид убрала снимки в папку. В тесной кухне пришлось пройти мимо друг друга боком, и он заметил, что она не любит, когда чужой человек оказывается за спиной. Профессиональная привычка или просто маленькая особенность — пока понять было нельзя.

В спальне, где осматривали бумаги из стола Эвы, Ингрид передала ему копию письма. Оригинал находился у криминалистов. Элиас читал без спешки. Письмо не содержало просьбы немедленно приехать, не называло убийцу и всё же было обращено к нему точнее, чем случайная жалоба в полицию. В нём упоминались неверное заключение, материалы за пределами медицинского исследования и человек, предупредивший Эву, что некоторые ошибки лучше не исправлять.

Он задержался на словах: «Но один человек уже предупредил меня, что некоторые ошибки лучше не исправлять».

— Кто это сказал, не установили?

— Нет. Изучаем звонки, почту, её рабочие связи.

— Почему она выбрала меня, она объясняет. Но откуда узнала, что я не пройду мимо её письма?

— Вы стали известны после расследования в Хельсинки.

— Газеты писали об убийствах, — сказал Элиас. — Но не о том, как мы работали. Если Эва знала обо мне что-то ещё, хотелось бы понять, от кого.

Ингрид задержала взгляд на распечатке письма. За аккуратными строками не было ни одного имени, которое объясняло бы выбор адресата.

— То есть Эва могла узнать о вас что-то не из газет?

— Могла. Или просто надеялась, что я вникну. Пока это две разные возможности.

— А письмо почему не отправила?

— Это хотел спросить у вас.

— Мы не знаем, собиралась ли она отправлять именно бумажную версию.

Элиас повернул лист. На сгибе копии виднелась темноватая полоса от сканера.

— Значит, выясним и это. Не будем сочинять за неё намерения.

На выходе они встретили Рагнхильд Эвенсен. Пожилая женщина поднималась по лестнице, неся продукты в двух пакетах. В одном явно лежало что-то тяжёлое: тонкие ручки впились ей в ладонь. Она остановилась, увидев открытый дверной проём соседки, и теперь смотрела уже не на полицейских, а на номер двенадцать.

— Госпожа Эвенсен, — обратилась Ингрид. — Мы говорили вчера. Это инспектор Виртанен из Финляндии, он помогает нам с материалами дела.

— Из Финляндии? — переспросила Рагнхильд. — Далеко приехали.

— Не надо угадывать, — мягко сказал Элиас. — Расскажите только то, что помните.

Старушка поискала удобное место, чтобы поставить пакеты, но не решилась положить их на пол у той самой двери.

— Она боялась, — сказала она наконец.

— Вы говорили вчера, что она выглядела испуганной, — напомнила Ингрид.

— Вчера я говорила о её лице. Теперь — о том, что она делала. Усталость легко принять за страх, но Эва в последние дни проверяла, кто идёт за ней, даже когда несла хлеб домой.

— Был конкретный случай? — спросил Элиас.

— В магазине. Мы стояли у кассы. Она купила молоко, хлеб и кофе. У неё зазвонил телефон. Она посмотрела на экран, звонок не приняла. А потом вдруг не смогла набрать код карты. Кассир уже помогала следующему человеку, Эва вся покраснела.

— Номер на экране вы видели?

— Нет. Я стояла не так близко.

— Вы слышали, что она сказала?

— Ничего. В том-то и дело.

Рагнхильд подняла пакет повыше. Хлебная упаковка шуршала между бутылкой молока и чем-то металлическим.

— Она помнила дни рождения моих внуков, — добавила женщина. — Всегда. А там стояла и смотрела на эти цифры, как на чужие.

Ингрид записала рассказ, попросила назвать магазин и приблизительное время. Рагнхильд объяснила, что чек, вероятно, выбросила, но день сможет уточнить по обычным покупкам. Из её слов не следовало ни личности звонившего, ни того, что именно напугало Эву. Это было важно оставить так, как оно прозвучало.

— Вы уже знаете, кто её убил? — спросила Рагнхильд.

— Нет, — ответила Ингрид.

— Тогда хотя бы не делайте из неё плохого человека только потому, что она не всё рассказала.

— Мы и не собирались, — сказал Элиас.

— Люди иной раз делают неправильные вещи и после всю жизнь живут рядом с ними, — произнесла Рагнхильд. — Я не знаю, что сделала Эва. Просто мне кажется, она пыталась с чем-то разобраться.

Женщина поднялась на следующую ступеньку, нащупывая ключи. Ингрид не стала удерживать её ещё одним вопросом. Они дождались, пока соседка откроет собственную дверь, и спустились вниз.

— Вы всегда так оставляете разговор на половине? — спросил Элиас.

— Она уже рассказала всё, что могла сейчас вспомнить, — ответила Ингрид. — Если начнём спрашивать, что именно Эва натворила, получим не воспоминания, а предположения.

Элиас придержал перед ней входную дверь.

— Согласен.

— В третий раз за день, — заметила она. — Я начинаю беспокоиться.

У Норы Санд в кабинете лежала разобранная упаковка от компьютерной мыши. Сама мышь всё ещё не работала; аналитик двигала курсор клавиатурой и раздражалась на это громче, чем на сообщения, которые принёс сотрудник лаборатории. Нора была невысокой, рыжеволосой, в очках с тонкой металлической оправой. Говорила быстро, но не проглатывала цифры — напротив, каждую повторяла так, чтобы её можно было записать.

— По телефону Эвы есть предварительная сводка, — сказала она, когда Ингрид вошла. — Один номер повторяется в течение двух недель. Семь входящих. Два принятых, остальные пропущены.

— Длительность? — спросила Ингрид.

— Сорок три секунды и почти четыре минуты. Последний звонок — в день предполагаемого убийства. Владельца пока достоверно не установили. Оператору направлен запрос.

Элиас не стал спрашивать, можно ли вычислить человека по одному номеру. Нора сама положила на стол лист с перечнем того, что ещё требовалось подтвердить.

— В компьютере нашли несколько версий письма вам, — продолжила она. — В раннем черновике есть предложение, которое не попало в распечатку.

Она развернула экран. Элиас прочитал строку прежде, чем Нора успела её произнести: «Я знаю, кто приказал изменить заключение».

— Когда исчезло предложение? — спросила Ингрид.

— Можем назвать время сохранения файлов, — ответила Нора. — Но не человека, который вносил изменения. И пока не установили, почему фраза исчезла.

— Это не имя, — сказал Элиас. — Но она думала, что могла назвать кого-то.

— Или боялась обвинить не того, — возразила Ингрид.

Нора подняла руку, чтобы их остановить.

— Подождите. Ещё есть удалённые файлы. Мы восстанавливаем содержимое. Названия некоторых каталогов сохранились. Один — «Пятеро».

Элиас посмотрел на снимок пяти линий, лежавший возле клавиатуры. Нора не следила за его взглядом; она уже записывала, какие носители надо передать на дальнейший анализ.

— Пока мы знаем только слово, — сказала Ингрид. — Не символ и не список людей.

— Именно, — ответила Нора. — Поэтому я называю каталог, а не версию.

Они оставили её рядом с непослушным курсором и стопкой распечаток. На лестнице Элиас спросил:

— Она всегда такая?

— Какая?

— Успевает предупредить все вопросы до того, как их задашь.

— Когда у нас появляется дополнительный компьютер, немного спокойнее.

В офисе Томаса Рууда было прохладно. Консультационная фирма занимала несколько помещений; за стеклянной перегородкой сотрудница перепечатывала документ, не снимая

наушников. Рууд встретил их в собственном кабинете. В пятьдесят один год он оставался крупным мужчиной с тяжёлой шеей и широкими плечами. Волосы у висков заметно поредели, лицо легко краснело. На столе стояла чашка, в которой чайная ложка лежала поверх использованного пакетика. Перед визитом гостей Рууд, по-видимому, пытался придать кабинету более официальный вид: стопка папок была выровнена, но один конверт остался прижат кромкой клавиатуры.

— Ингрид, — сказал он, пожимая ей руку. — Не думал, что дело Эвы будет требовать такого внимания.

— Это дело об убийстве, Томас.

— Я имел в виду историю пятнадцатилетней давности.

Она представила Элиаса, объяснив его консультативную роль. Рууд посмотрел на финское удостоверение, не попросив подержать его в руках.

— Иностранная помощь? — спросил он.

— Есть обстоятельства, связанные с Хельсинки, — ответила Ингрид. — Не будем терять время на вопросы о границе.

Рууд сел, не пригласив их сделать то же самое, затем заметил неловкость и указал на два кресла. Сначала они говорили об Эве: давно знакомы по работе, в последние годы, по его словам, не встречались и не переписывались. Он дважды повторил «насколько помню», но на вопрос о служебных контактах 1998 года ответил сразу — подпись Эвы на документах ему была известна.

— Вы участвовали в расследовании гибели Кристин Фосс, — сказала Ингрид.

— Да. Я давал пояснения при пересмотре.

— Нас интересует не пересказ судебного дела. Обстоятельства обнаружения наручных часов.

Рууд взял чашку, но не отпил. В чашке не осталось жидкости.

— Всё указано в протоколе.

— Расскажите, как помните.

— Повторный осмотр возле складского здания. Несколько сотрудников. Среди камней заметили предмет.

— Кто заметил?

— Прошло пятнадцать лет, Ингрид.

— Я понимаю. В протоколе указан вы.

— Значит, я оформил находку. Не могу сейчас сказать, кто именно увидел часы первым.

Элиас подал голос впервые:

— Вы говорите «оформил», а протокол позволяет понять, что вы обнаружили их лично. Это разные действия. Поможете восстановить последовательность?

Рууд посмотрел на него долго, почти без выражения. Левой рукой под столом он, похоже, крутил колпачок ручки; иногда доносился короткий пластмассовый щелчок.

— Я не могу восстановить то, чего не помню, — сказал он. — И не хочу, чтобы мою забывчивость приняли за доказательство подброса.

— Никто пока не говорит о подбросе, — ответила Ингрид. — Мы спрашиваем, почему часы не обнаружили при первом осмотре и кто их заметил позже.

— Тогда было давление. Девушка погибла, семья ждала ответа, журналисты следили за каждым нашим шагом.

— Давление изменяло ваши решения? — спросила она.

— На любого влияет происходящее. Вам ли не знать.

Он произнёс это не как признание, скорее как упрёк всем, кто задавал вопросы через пятнадцать лет после событий.

— Кто определял ваши первоочередные задачи? — уточнил Элиас.

— Руководитель группы. Все работали вместе.

— Я спрашиваю, кто именно велел возвращаться к складу.

Рууд подался вперёд, теперь обе руки лежали на столе.

— Вам нужно изучить документы. И не пытаться заставить меня выбирать имя наугад.

— Хорошо, — сказал Элиас. — Тогда оставим вопрос открытым.

Ингрид предложила согласовать более подробный опрос на следующий день. Рууд обещал проверить расписание, но не назвал времени. Они уже направились к двери, когда Элиас остановился.

— Когда узнали, что Эва погибла?

— Из новостей.

— Вы пытались узнать подробности?

— Нет, — ответил Рууд. — Меня бы всё равно не стали информировать.

— Понятно.

Он не стал добавлять прежний вопрос о чувствах к бывшей коллеге. Ответ ничего бы не установил. В коридоре секретарь продолжала печатать; на экране её компьютера мигал курсор, и этот обыденный звук клавиш почему-то оказался громче разговора, который только что закончился.

В лифте Ингрид нажала кнопку первого этажа.

— Вы нарочно спрашивали о том, кто руководил поисками?

— Да. Сначала он говорил «мы», потом «сотрудник», потом «я оформил». Это может быть обычной неточностью памяти. Но последовательность надо выяснить.

— Вы не доверяете ему?

— Я не доверяю тому, что воспоминание пятнадцатилетней давности уже стало готовой справкой. И своему впечатлению тоже не доверяю.

Она коротко посмотрела на него.

— По крайней мере, это не ответ «я сразу всё понял».

На улице дождя не было. Асфальт ещё блестел, а под тенью здания оставалась холодная лужа. Ингрид открыла машину, но прежде чем сесть, сказала:

— Он ни разу не спросил, как умерла Эва.

— Может быть, не хотел знать, — ответил Элиас.

— Может. Но я отмечу.

— Отметьте, что именно не спросил. Не записывайте, что знал заранее.

Ингрид убрала ключи в ладонь.

— Я и не собиралась.

Вечером в управлении утомление стало заметнее всего по мелким ошибкам. Юнас принёс распечатку с чужой датой, заметил это ещё в дверях и вернулся к принтеру. Нора попросила подписать журнал передачи цифровых копий, потом сама обнаружила, что поставила закладку не на ту страницу. Из лаборатории пришла предварительная информация об исследовании чашек без окончательного вывода; дело 1998 года готовили к повторному изучению. Каждый из них делал работу, которая не превращалась в немедленную разгадку.

Элиас нашёл сообщение от Софи Коскела из Хельсинки. Она писала, что в финских регистрационных материалах обнаружена запись о получении документов из Норвегии в 1998 году. Проверяли, какие именно бумаги поступили и где находился оригинал.

Он показал экран Ингрид.

— Значит, у вас есть финская связь, — сказала она.

— Административная. Номер регистрации ещё не подтверждает содержимое пакета.

— И получателя надо установить.

— Да. Софи этим занимается.

Ингрид отодвинула стул. На краю стола стоял пластиковый стакан с нетронутой водой. Она вспомнила о нём только сейчас и выпила половину сразу.

— На сегодня достаточно. Иначе завтра будем перечитывать собственные записи, пытаясь понять, кто из нас их сделал.

— Согласен.

— Это уже слишком часто, — сказала она и позволила себе усталую улыбку.

Гостиница находилась недалеко от центра. Ингрид остановила «Вольво» у входа, но мотор не заглушила. Элиас взял чемодан с заднего сиденья и вернулся к водительской дверце. Он хотел поблагодарить её так, чтобы это не прозвучало дежурной вежливостью, и не нашёл слов лучше самых простых.

— Спасибо за сегодняшний день.

— Не уверена, что он заслуживает благодарности.

— За то, что не пытались сделать вид, будто я здесь всё знаю.

Ингрид прислонила локоть к окну.

— Завтра в восемь тридцать, если Рууд подтвердит встречу. Пока он только обещал проверить расписание.

— Буду на связи.

— И ещё. Если у вас появится версия, сначала скажите мне. Не журналисту, не знакомому из старого дела и не тому, кого хочется проверить без протокола.

— Финским коллегам тоже нельзя?

— По рабочему каналу — можно. Я говорю о том, чтобы мы не узнали от третьих лиц о вашей инициативе.

Элиас посмотрел на неё внимательнее.

— Вы мне не доверяете.

— Я вас сегодня впервые встретила. Доверие не выдаётся вместе с пропуском в управление.

— Справедливо.

— Но я хочу довести это расследование до конца, — добавила она. — И мне не нужен ещё один человек, который знает, что случилось, но предпочитает объяснить это после.

Он кивнул. Ингрид впервые назвала его просто Элиасом, когда он уже повернулся к входу.

— Завтра не забудьте позавтракать.

— Это профессиональное предписание?

— Совет человека, который видел, как вы сегодня обедали.

Он посмотрел на пустой стаканчик из-под кофе в собственной руке и признал её правоту. Машина уехала прежде, чем он успел придумать ответ.

Под козырьком гостиницы было сухо, но прохлада тянула с улицы. Элиас не считал, что за один день узнал Ингрид. Он лишь заметил, что она умеет спорить без того, чтобы превращать спор в личную войну, и не торопится принимать иностранного инспектора за человека, которому можно переложить ответственность. В чужом городе этого оказалось достаточно для начала работы.

Томас Рууд покинул свой офис в девять сорок вечера. К тому времени остальные сотрудники давно ушли, а задача, из-за которой он задержался, так и осталась незаконченной. Он открывал почту, закрывал её, снова проверял телефон. В ящике стола лежала папка, которую он несколько раз брал в руки и возвращал назад нераскрытой.

Экран наконец засветился. Сообщение пришло с неизвестного номера.

«Ты ведь помнишь, что произошло после того, как нашли часы?»

Рууд прочитал его два раза. По привычке потянулся к чашке и только тогда вспомнил, что чай давно закончился. Он набрал номер отправителя. Ответил механический голос: абонент недоступен.

В списке контактов Рууд нашёл другое имя и нажал вызов. После четвёртого гудка ответили.

— Да?

— Это я. Эва мертва. Ко мне сегодня приходили полицейские.

— Я знаю.

— Один из них из Финляндии.

— И что ты сказал?

— Ничего такого, чего нет в материалах.

— Тогда зачем звонишь?

Рууд подошёл к окну. Внизу стояли припаркованные автомобили. Между ними мужчина пытался закрыть багажник, прижав чемодан локтем.

— Они спрашивали о часах. Кто их нашёл. Кто велел возвращаться к складу.

— Не по телефону, Томас.

— Я не собираюсь снова отвечать за чужие решения.

— Ты сейчас взволнован.

— А у тебя есть причина не волноваться?

Собеседник промолчал. Рууд услышал негромкий звук на другом конце линии — то ли дверь, то ли человек поставил стакан на стол.

— Нам нужно встретиться, — сказал он.

— Не сегодня. Езжай домой. И больше никому не звони.

Связь оборвалась. Рууд ещё некоторое время смотрел на экран, затем положил телефон лицом вниз. Он не знал, был ли это разговор с человеком, который поможет ему, или с тем, кому он только что сообщил слишком много. Само это сомнение разозлило его больше, чем визит полиции.

В подземном гараже пахло бетоном и старой водой. Вентиляция гудела за решёткой, лампы отражались в тёмных пятнах на полу. Рууд дошёл до машины, нажал кнопку брелока и заметил грязный отпечаток ладони на колонне рядом с водительской дверцей. Раньше он не обращал на него внимания. Отпечаток мог остаться здесь неделю назад, а мог — утром; по форме и цвету ничего установить было нельзя.

Он остановился, оглядел ряд машин, пожарный шкаф и служебную дверь. Никого. Сел за руль, заблокировал замки и снова открыл сообщение про часы.

«Кто ты?» — набрал он в ответ и стёр.

Потом написал: «Я больше не буду молчать».

Отправить не смог. Он удалил и эти слова. Завёл двигатель, выставил заднюю передачу и посмотрел в зеркало. Возле служебной двери на мгновение мелькнуло движение. Кто-то вышел из тёмной части гаража, но Рууд резко обернулся и увидел лишь закрывающуюся дверь. Он не стал выходить из автомобиля проверять, кто там был.

В гостинице Элиас открыл окно. По улице прошёл трамвай; снизу донёсся смех, потом ругань человека, чью дорогу перекрыл припаркованный фургон. В номере пахло чистящим средством и слишком тёплым воздухом кондиционера. Элиас снял пиджак, положил на стол копию письма Эвы и фотографию Кристин Фосс.

Две женщины, разделённые пятнадцатью годами, не могли ответить ему, почему в старом деле появился документ, которого теперь не находили, и почему найденные позже часы оказались таким удобным подтверждением уже принятой версии. Он не знал, связаны ли эти вещи с убийством Эвы. Знал только, что теперь связь придётся проверять по отдельности.

Он открыл блокнот на чистой странице и записал четыре вопроса.

«Кто изменил заключение?»

«Почему часы нашли лишь при повторном осмотре?»

«Чего боялась Эва?»

«Кто знал, что она собиралась заговорить?»

Последний вопрос он подчеркнул, затем зачеркнул линию: она заставляла смотреть на него как на главный, а оснований для этого пока не было. Внизу страницы осталось свободное место. Элиас поставил будильник, выпил воды из гостиничного стакана и отправил Ингрид короткое сообщение, что утром будет в управлении к восьми тридцати.

Дождь возобновился позже, когда он уже выключил свет. За стеной кто-то долго искал ключ от номера; слышались негромкие удары металла о замок. Элиас полежал, прислушиваясь, потом повернулся на другой бок. Завтра им предстояло говорить с Руудом — если тот ответит на звонок.

Глава 2. Третья чашка

Осло. 10 июля 2013 года.

В семь восемнадцать под гостиничным окном остановился мусоровоз. Машина коротко подала назад, уткнулась бампером в контейнер, и по двору прокатился неприятный скрежет. Элиас открыл глаза. На тумбочке мигал телефон; занавеска, которую он вечером не сумел закрыть до конца, пропускала узкую полоску серого света.

Он не сразу взял аппарат. Вчерашний день ещё не сложился в последовательность: кухня Эвы Нюгорд, чашки, краска на стене, фотографии из дела Кристин Фосс, усталые лица норвежских следователей. В незнакомом гостиничном номере всё это казалось чужим, хотя квартира, где нашли Эву, находилась всего в нескольких кварталах.

На экране было сообщение от Ингрид Мёэн: «Рууд не подтвердил встречу. Позвоните, когда проснётесь».

Он набрал номер. Ответили сразу.

— Вы проверяете, сплю ли я? — спросил Элиас.

— Юнас с шести утра пытается найти человека, с которым мы должны были поговорить сегодня. Мне хотелось понять, есть ли смысл заказывать вам машину.

— Вы сказали «найти».

— Томас Рууд вечером не ответил нашему сотруднику. Утром — тоже. В офисе ещё никого нет. Юнас едет туда.

Элиас прижал телефон плечом и поднял с пола рубашку. Вчера он повесил её на спинку стула, но она сползла за ночь.

— Родственники?

— Бывшая жена, взрослая дочь. С нынешней партнёршей он, насколько мы знаем, живёт отдельно. Им позвонят. Машину проверяют.

— Вы полагаете, он скрывается?

В ответ послышался глухой стук: Ингрид, вероятно, закрыла дверь кабинета.

— Я полагаю, что он вчера соглашался ответить на вопросы, а сегодня перестал брать трубку. Для вывода этого мало.

— Тогда что случилось с третьей чашкой?

— Нора принесла предварительный отчёт. Приезжайте. И поешьте что-нибудь: у нас на этаже опять сломался автомат с бутербродами.

— Это служебное распоряжение?

— Нет. Совет человека, которому придётся слушать вас до вечера.

Связь прервалась. Элиас оставил телефон на кровати и подошёл к окну. Водитель мусоровоза стоял у машины с бумажным стаканчиком, другой работник ругался из-за застрявшего контейнера. Двор был занят обычной утренней работой; никому здесь не было дела до пяти линий, нарисованных на стене чужой квартиры.

К восьми Элиас добрался до управления. За стеклянной дверью у входа спорили двое мужчин в рабочих жилетах — один пытался объяснить охраннику, почему привёз оборудование не в тот корпус. Запах влажного асфальта ещё держался на его куртке, когда он поднялся на этаж Ингрид.

На её столе стояли три чашки кофе. Одну оставили у пустого стула, две придвинули к папкам.

Элиас посмотрел на них, потом на Ингрид.

— Это для наглядности?

— Третью принёс Юнас. По его убеждению, кофе начинает действовать только после обеда.

Нора Санд, сидевшая за компьютером, не оторвалась от экрана.

— Я говорила, что одна лишняя. Но теперь лучше оставить.

Ингрид протянула Элиасу распечатку.

— Две чашки с кухни Эвы содержали остатки кофе. В одной — молоко. Третья была разбита возле стула; судя по остаткам, в ней был чёрный чай.

Нора вывела на монитор увеличенный снимок черепка.

— На наружной стороне одного осколка нашли мелкие частицы старой краски. Сначала мы проверили сам факт их присутствия. Сравнение с образцами из квартиры ещё не закончено.

— Они попали на осколок до того, как чашка упала? — спросил Элиас.

— Ответа пока нет. Могли оказаться на полу раньше. Могли перенестись при ударе или соприкосновении с окрашенным предметом. Даже если состав совпадёт со стеной, порядок событий сам собой не выяснится.

Ингрид указала карандашом на вторую фотографию.

— По отпечаткам тоже осторожно. На одной кофейной чашке — Эва. На другой есть фрагменты следов ещё одного человека, для идентификации их недостаточно. На разбитой чайной пригодных отпечатков нет.

— Генетика?

— В работе, — ответила Нора.

Элиас поставил свою чашку чуть дальше от разложенных снимков.

— Вы говорили, что Эва обычно пила кофе?

— Соседка так считает, — сказала Ингрид. — Но она не сидела у Эвы на кухне каждый вечер.

— Если чай был для гостя, а обе кофейные чашки использовали в тот же вечер, гостей могло быть двое. Но это две предпосылки, а не два человека.

— И мы не знаем, из скольких чашек пила сама Эва, — добавила Нора.

Элиас кивнул. Чашки казались простым счётом лишь до тех пор, пока не приходилось объяснять, кто наливал напитки, в какое время и почему один сосуд разбился.

— Можно посмотреть общий план кухни?

Нора вернула снимок. Возле стула, отодвинутого от стола, на полу тянулся слабый след перемещения. У плинтуса выделялось более светлое прямоугольное пятно.

— Вот это вы заметили вчера? — спросила Ингрид.

— Да. Теперь хочу понять размер.

Нора открыла снимок с масштабной линейкой.

— Примерно двадцать на тридцать сантиметров.

— Предмет стоял там достаточно долго, чтобы пол вокруг потемнел?

— Возможно. Может быть коврик. Или там иначе убирали, — сказала Нора. — По фотографии мы не выберем один вариант.

— Надо попросить осматривавших квартиру проверить на месте, — сказал Элиас. — Не ради красивой версии, а ради следов у основания плинтуса. Если предмет убрали недавно, могли сохраниться пыль, отпечатки опоры, царапины.

— Согласую дополнительный осмотр, — ответила Ингрид. — А вы пока не называйте этот прямоугольник тайником.

— Я ещё не назвал.

— Вижу по лицу, что собирались.

Элиас слегка улыбнулся. Ингрид вернулась к отчёту. За этими короткими обменами чувствовалась её привычка спорить не ради последнего слова: она удерживала их от преждевременного вывода. Он ценил это больше, чем хотел показать.

Около десяти секретарь Рууда подтвердила: он не появился в офисе, хотя обычно приходил до девяти. Домашний телефон оставался без ответа. Последний зарегистрированный сиг-

нал мобильного устройства относился к району его консультационной фирмы; точное местонахождение по этому факту установить не удавалось.

Ингрид поручила Юнасу заняться гаражом и связаться с близкими Рууда. Сама она задержалась возле двери комнаты для совещаний: на другом конце коридора следователь пытался объяснить недовольному посетителю, почему тот должен подождать. Рабочий день двигался сразу во многих направлениях, ни одно из которых не позволяло отменить остальные.

В комнате для совещаний лежали четыре папки дела Кристин Фосс. На корешках сохранились выцветшие наклейки, кое-где бумагу надорвали старые металлические скрепки. В эти материалы уже заглядывали десятки людей. Элиас начал с описи, а не с фотографий: ему нужно было знать, что именно содержится в деле, а чего там уже нет.

— Первичный осмотр, повторные осмотры, допросы, экспертиза, — перечислила Ингрид. — Дело тогда считали закрытым. Мы сейчас собираем заново то, что раньше представлялось последовательным.

На снимках заброшенного склада Кристин лежала у бетонной стены. Молодая женщина в одежде, выбранной утром без мысли, что её будут фотографировать мёртвой. Одна туфля оставалась на ноге, вторую нашли в нескольких метрах. Взгляд Элиаса задержался на щебне возле подошвы; затем он отложил снимок и попросил схему местности.

— Она собиралась уехать из Осло? — спросил он.

— Некоторые знакомые говорили о Бергене. Там жила её тётя. Кристин училась на социального работника, подрабатывала в магазине. Причины отъезда в показаниях расходятся. Кому-то она говорила, что устала от города, кому-то — что хочет всё начать заново.

— После разрыва с Йонасом Виком?

— Возможно. Ему тогда было тридцать четыре, ей двадцать. Вик описывал их отношения как недолгие. Друзья Кристин понимали их иначе.

Элиас открыл протокол одного из друзей. Тот употреблял слово «серьёзно», но не пояснял, что под ним подразумевал. Смерть Кристин дала чужим определениям вес, которого при её жизни они, вероятно, не имели.

На двадцать третьей странице лежал протокол обнаружения часов с инициалами «J. V.». Элиас подвинул к нему схемы осмотров.

— Часы указаны вот здесь, — сказал он, показывая место между бетонной стеной и кустарником. — Но этот участок значится в первичном осмотре.

— И в повторном, — подтвердила Ингрид.

— Дважды пройденная территория. На следующий день в протоколе записано применение технических средств поиска металлических предметов. А часы обнаружили позже.

Ингрид прочитала строку, на которую он указал.

— Там не расписан маршрут. Металлоискателем могли пройти другую часть площадки.

— Могли. Значит, нужны схема поиска и показания тех, кто работал на месте. Я не хочу называть часы подброшенными только потому, что документы составлены небрежно.

— А если окажется, что по этому месту действительно прошли дважды?

— Тогда придётся спрашивать, почему предмет появился позже. Но сначала — установить, проходили ли.

Она записала фамилии сотрудников из протокола и отодвинула папку.

— Вы не торопитесь обвинить людей, которых здесь знают много лет. Для нас это полезно.

— В Хельсинки тоже были люди, которых знали много лет, — ответил Элиас. — Иногда они ошибались. Иногда нет. Одного знакомства недостаточно для обоих выводов.

На несколько секунд Ингрид перестала листать документы. Он заметил, что она хотела о чём-то спросить, но не стала. Вместо этого подняла телефон и попросила найти дополнительные материалы осмотра склада 1998 года.

К Йонасу Вику они поехали без служебного сопровождения. Дорога вывела их к низкому дому над автомастерской. Перед входом стояли два велосипеда, один без переднего колеса. Из открытого бокса пахло машинным маслом, и оттуда время от времени вырывался короткий сухой треск гайковёрта.

На звонок ответили не сразу. Щёлкнул дверной глазок. Затем замок. На пороге появился худой мужчина лет сорока девяти с плечами человека, привыкшего проходить боком через узкие двери. На нём была выцветшая футболка; на предплечье темнела полоса старого ожога. Он внимательно изучил удостоверение Ингрид, особенно фотографию, и только после этого посмотрел на Элиаса.

— Я уже давал показания, — сказал Вик.

— Знаем. Мы расследуем смерть Эвы Нюгорд.

Мужчина перестал придерживать дверь.

— Эвы? Она умерла?

— Её нашли убитой. Нам нужно задать несколько вопросов о её участии в вашем деле.

— Я её не знал.

— Она работала с медицинскими материалами, которые использовались при расследовании смерти Кристин.

Йонас отошёл в сторону, разрешая войти. Квартира была убрана без особенного старания: на столе лежал сложенный счёт за электричество, у телевизора — пульт с приклеенной крышкой батарейного отсека. На подоконнике стояла фотография мальчика в полосатой куртке. Ничто здесь не объясняло прожитые Виком годы; всё выглядело так, будто человек просто недавно переехал.

Он предложил воду. Ингрид отказалась, Элиас тоже. Йонас остался стоять у стола.

— Я не убивал Кристин.

— Сейчас мы не предъявляем вам обвинение, — сказала Ингрид. — Хотим проверить сведения, которые могли не попасть в прежние материалы.

— Так говорили и в девяносто восьмом. Только тогда мне было проще им верить.

Он сел, положив ладони на колени. На левой руке ноготь указательного пальца был коротко обрезан до самого края.

— Сначала меня спрашивали в полиции, потом в суде. Потом приезжали журналисты. Каждый раз надо было рассказывать одно и то же, будто от количества повторений что-нибудь изменится. Когда я вышел, некоторые всё равно говорили: значит, сумел выкрутиться.

Ингрид не возразила и не стала утешать.

— Эва могла сомневаться в части материалов по делу Кристин. Вы когда-нибудь слышали об этом?

— Нет. — Йонас поднял голову. — Если знала что-то важное, почему не пришла раньше?

— Это один из наших вопросов.

Он провёл большим пальцем по краю стола, там, где от лака отслоилась тонкая полоска.

— Сыну было десять. Я запомнил его в той куртке. А теперь он взрослый. Два раза приезжал ко мне после освобождения. Я не знал, спрашивать ли его о работе, он не знал, можно ли рассказывать мне о своей жизни. Оба раза мы сидели вот здесь и говорили о погоде.

Элиас посмотрел на фотографию, но не стал переводить беседу в сочувствие. Йонас, кажется, и так пожалел, что рассказал столько.

— Нам нужно уточнить обстоятельства появления ваших часов возле склада, — сказал Элиас.

— Какие часы?

— С инициалами «J. V.».

Йонас поднял голову слишком быстро, затем заставил себя говорить спокойнее.

— Я потерял их ещё до смерти Кристин. За несколько дней. Говорил об этом тогда.

— Кому именно?

— Томасу Рууду. На первом допросе.

Ингрид посмотрела в заранее отмеченную строку протокола.

— Вы сами рассказали о часах?

— Нет. Он спросил. Поинтересовался, были ли у меня часы с инициалами. Я ответил, что потерял. Он хотел знать где, но я не знал.

— Вы помните вопрос дословно? — уточнил Элиас.

— Нет. Пятнадцать лет прошло. Я помню, что он спросил первым. Для меня тогда это было странно.

— По протоколу первого допроса такого разговора нет, — сказала Ингрид.

Йонас стиснул края сиденья.

— Значит, не записали.

— Возможно. Но нам придётся это проверить. В судебных материалах есть ваши слова, что часы пропали раньше. Сведений о вопросе Рууда там нет.

— Адвокату я говорил. На суде тоже.

— Мы сверим записи и попробуем установить, кто находился при первом допросе, — сказала Ингрид.

Он встал и дошёл до окна. Во дворе механик закрыл капот машины; тяжёлый хлопок отчётливо прозвучал через приоткрытую форточку.

— Вы хотите, чтобы я снова стал помнить точно, — сказал Йонас, не поворачиваясь. — Но я уже не уверен, какие из этих слов действительно помнил тогда, а какие выучил за годы, повторяя их другим людям.

Элиас подождал, пока мужчина обернётся.

— Именно поэтому мы будем искать независимые записи, а не просить вас говорить увереннее.

Йонас коротко кивнул. На прощание он не пожал им руки, но открыл дверь сам и дождался, пока они выйдут.

На улице стало теплее. Под крышей мастерской била музыка из радиоприёмника, заглушаемая компрессором. Ингрид шла к машине молча, листая заметки на телефоне.

— Его слова помогают версии о часах, — сказала она.

— Помогают поставить вопрос. Он мог ошибаться в том, кто начал разговор.

— Вы сами хотите, чтобы Рууд знал о часах заранее.

— Хочу проверить, знал ли он. Пока доказательств нет.

Ингрид заперла телефон и положила его в сумку.

— Что ж, в таком случае у нас ещё нет красивого ответа.

— Красивые ответы редко выдерживают вторую проверку.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Порой вы ужасно неудобны.

— Мне уже говорили.

В управлении Юнас ждал у лифта, опираясь на подоконник. Увидев Ингрид, он убрал телефон в карман.

— Машину Рууда нашли. Он сам не появился.

— Где?

— В гараже его офиса, на втором подземном уровне. Не на обычном месте. Секретарь говорит, он всегда парковался у лифта на первом.

— Машину кто-нибудь видел в движении?

— Въездная камера записала её вчера вечером. За рулём, вероятно, Рууд. Выезда нет. Записи других камер неполные — часть оборудования на ремонте.

— Ключи? Повреждения?

— Ключей в салоне не нашли. Видимых повреждений нет. Последний телефонный сигнал — всё тот же район. Теперь аппарат недоступен.

Ингрид на секунду закрыла глаза, словно расставляла задачи по порядку, и открыла блокнот.

— Нужны управляющая компания, сотрудники с доступом и журналы электронных карт. Что со служебными помещениями?

— Осматривают. Проход к технической лестнице проверили, но пока без результата.

— Поедем туда, — сказала она.

На втором уровне гаража лампы горели через одну. Свет от проезда обрывался у последнего ряда машин; между колоннами пахло влажным бетоном, бензином и средством, которым недавно протирали пол. Серебристый седан Рууда стоял боком к колонне. Криминалисты уже работали у открытой двери; Ингрид остановилась у обозначенной границы осмотра и показала удостоверение сотруднику, отвечавшему за место.

— След ладони на колонне, — сообщил Юнас, не заходя за ограждение. — Пока не знаем чей. На полу у заднего колеса — короткий фрагмент прозрачной упаковочной ленты. Зафиксирован, ещё не сопоставлен ни с чем.

Элиас присел так, чтобы видеть пространство под машиной, но не приблизился к следам.

— Где был автомобиль на записи при въезде?

— Направлялся вниз. Дальше камер нет или записи не сохранились.

— Тогда не будем говорить, что его кто-то переставил, — сказала Ингрид. — Он мог сам выбрать другое место.

Юнас кивнул.

Они подошли к служебной двери. На ней висела табличка для персонала, дверной доводчик медленно возвращал тяжёлое полотно на место после каждого прохода рабочих.

— Коридор ведёт к лестнице и подсобкам, — пояснил Юнас. — Часть сотрудников офисов имеет карточки. Управляющая компания и обслуживающие службы — свои ключи.

— Журнал доступа получите? — спросил Элиас.

— Запросили. Но сначала надо выяснить, все ли считыватели работали.

Ингрид прислонила блокнот к ладони, записывая перечень камер.

— Проверьте, можно ли уйти отсюда на улицу, не попав на основной въезд. И не забудьте людей, которые возят сюда оборудование: у них могут быть временные пропуска.

— Займусь, — сказал Юнас.

Элиас вернулся взглядом к машине. Рууд не отвечал на звонки, а его автомобиль стоял там, где никто не ожидал его увидеть. Пока это могло значить почти что угодно. Тревогу вызывало другое: исчез человек, которому следователи собирались задать вопросы о часах и о том, как пятнадцать лет назад составлялись протоколы.

К вечеру пришли сведения дополнительного осмотра кухни Эвы. На полу возле стула обнаружили короткое серое синтетическое волокно. Частицы на наружной стороне осколка чайной чашки определили как старую краску; сопоставление с конкретными окрашенными поверхностями квартиры продолжалось. По прямоугольному участку у плинтуса можно было сказать лишь то, что там, вероятно, некоторое время лежал или стоял предмет подходящего размера.

— Ящик? — спросил Юнас, разглядывая снимок.

— Коробка, коврик, что угодно, — ответила Нора. — Пока мы даже не знаем, когда его убрали.

— Узнаем у тех, кто бывал у Эвы дома, — сказала Ингрид.

Элиас попросил добавить отдельный вопрос для Рагнхильд: помнит ли она какие-нибудь коробки или небольшие предметы, которые Эва переносила из кухни. Повторный опрос дол-

жен был опираться на новое обстоятельство, а не на надежду, что соседка вдруг вспомнит всё остальное.

Ингрид потерла переносицу ребром ладони. Утренний кофе давно остыл на её столе, и она так и не нашла времени поесть.

— Вам нужен перерыв, — заметил Элиас.

— Вы уже второй день пытаетесь распоряжаться моим расписанием.

— Я не распоряжаюсь. В коридоре есть автомат с водой и крекерами. Это всё, что я могу предложить.

— Автомат, как назло, работает. Придётся признать поражение.

Она вышла за водой и вернулась как раз тогда, когда Нора подняла голову от ноутбука.

— У меня есть частично восстановленный файл с компьютера Эвы. Папка называлась «Пятеро».

Нора повернула экран к остальным. Таблица имела пять строк. Три были заполнены:

«Эва Нюгорд — Заключение».

«Томас Рууд — Допрос».

«Хенрик Даль — Документы».

Четвёртая и пятая строки оставались пустыми. Под таблицей стояла фраза: «Не все виновные совершили одно и то же».

— Дата создания? — спросила Ингрид.

— Метаданные ещё проверяем, — ответила Нора. — Но файл существовал до смерти Эвы. Это можно подтвердить по восстановленным данным.

— Хенрик Даль? — спросил Элиас.

— Адвокат, — сказал Юнас. — Его фамилия несколько раз встречается в бумагах по делу Вика. С чьей стороны он участвовал в отдельных действиях, уточним по документам.

Ингрид достала фотографию знака на стене Эвы и положила рядом с изображением таблицы. Пять линий и пять строк смотрелись слишком подходящей парой. Она не спешила объявлять их одним и тем же.

— Кто составил список, мы пока не установили, — сказала она. — И слово «виновные» — оценка автора файла, а не юридический статус.

— Зато у нас есть два человека, которым стоит обеспечить безопасность, — ответил Элиас. — Один исчез. Второго надо разыскать и спросить, что он знает.

— Юнас, Даль — первым делом. Уточните адрес, телефон и местонахождение. И осторожно выясните, кто ещё мог быть связан с этой пятёркой.

— Рууда не снимаем с поиска?

— Нет. Его ищут отдельно.

Нора сохранила изображение и журнал восстановления файла. Ингрид попросила не смешивать в одном рапорте данные компьютерной экспертизы и догадки о связи таблицы с рисунком на стене.

Элиас ещё раз прочитал нижнюю строку. Не все виновные совершили одно и то же. Кто-то разделял ответственность — или хотел, чтобы следователи разделяли её определённым образом. Ни одно из двух объяснений пока не было доказано.

Управление постепенно пустело. За стеклом переговорной гасли мониторы, в коридоре несколько раз прошла уборщица с тележкой. Элиас остался у доски, где рядом висели фотография Кристин, портрет Эвы, данные Вика, изображение гаража и перечень вопросов по старому делу. На доске не было аккуратной картины. Её заменяла цепь незаполненных промежутков.

Ингрид вошла, держа две чашки свежего кофе.

— Вы так и не ушли.

— Юнас обещал перезвонить по камерам.

— Тогда хотя бы возьмите это. Без сахара.

Элиас принял чашку.

— Вы запомнили?

— Утром вы отодвинули пакетики, как будто они могли помешать делу.

Несколько минут они смотрели на доску. Ингрид присела на край стола; в её волосах застряла тонкая бумажная пылинка из папок, которые она таскала весь день. Элиас заметил её, но промолчал.

— Знаете, о чём я иногда жалею? — спросила она.

— О сегодняшнем ужине?

— Его хотя бы ещё можно исправить. Я жалею, что слишком часто обещала семьям: мы найдём ответ. Когда люди стоят рядом с тобой и ждут, очень трудно сказать, что ты не знаешь.

— Можно не обещать ответа, — сказал Элиас. — Можно обещать работу.

— Звучит недостаточно утешительно.

— Для некоторых честнее. Я сам не всегда умел так говорить.

Ингрид повернула чашку за ручку.

— В Хельсинки кто-нибудь ждёт вашего звонка?

— Есть люди, которым я должен звонить чаще, — ответил он после короткой паузы.

— Это не ответ на вопрос.

— Другого сейчас не будет.

Она приняла границу без обиды. Вместо дальнейших расспросов сообщила, что завтра придётся говорить с сотрудниками архива и снова проверять сроки хранения старых материалов. Так разговор вернулся к работе, но пауза между ними не показалась Элиасу неловкой.

По коридору быстро прошёл Юнас. Дверь он открыл плечом — руки были заняты планшетом и листом с отметками времени.

— Нашли запись с камеры возле служебного выхода гаража. Там двое. Один похож на Рууда по одежде и росту.

Ингрид поставила кофе.

— Второй?

— Ниже, в капюшоне. Лицо не видно. Они вышли вчера вечером. Крупный мужчина двигается неуверенно.

— Он сопротивляется?

— На этом качестве записи сказать нельзя. Второй держит его под руку.

Они перешли в комнату просмотра. Нора запустила видео и сразу предупредила: камера снимала только узкий двор возле двери, без звука; автоматическое время на записи требовало сверки с журналом системы.

Два человека вышли из тёмного проёма. Один — высокий, в куртке, похожей на ту, что носил Рууд. Другой — ниже ростом, в капюшоне. Высокий на мгновение остановился у края ступеньки. Второй подхватил его за предплечье. Они сделали ещё несколько шагов и пропали из кадра.

— Можно определить, ранен он или пьян? — спросила Ингрид.

— По этой записи — нет, — ответила Нора. — Даже уверенно сказать, что это Рууд, пока нельзя.

— Проследить, куда пошли?

— Камера не захватывает улицу. Соседние записи запрашиваем.

Ингрид отодвинула стул.

— Передайте ориентировку по установленным признакам, но без категоричной идентификации. Проверьте близлежащие камеры, такси, приёмные отделения. Семье сообщите, что мы разыскиваем Рууда и ещё выясняем обстоятельства. Не высказывайте предположений о похищении как о подтверждённом факте.

Юнас записывал быстро, не поднимая головы.

Элиас попросил повторить фрагмент, где человек в капюшоне касается руки высокого мужчины. На замедленной записи движение казалось то поддержкой, то удержанием. Различие заключалось в намерении, которого камера не показывала.

— Сохраните оригинал и копию для просмотра отдельно, — сказал он. — Нам ещё возвращаться к этим секундам.

— Уже сделано, — ответила Нора.

Он посмотрел на время в углу экрана. Вчера вечером — пока всё, что можно было сказать надёжно. Сегодня вопросы к Рууду уже нельзя было задать. Завтра, возможно, они будут смотреть тот же фрагмент и понимать его иначе.

. . .

Томас Рууд пришёл в себя от боли в затылке. Он лежал на узкой поверхности и сперва подумал, что заснул на диване в офисе; потом различил низкий потолок и лампу с пластиковым плафоном. Во рту было сухо. Окно, если оно здесь существовало, находилось вне поля зрения.

Он попробовал сесть. Мир накренился, и пришлось упереться ладонью в край стола. На столе стоял стакан воды, рядом лежала фотография молодой женщины возле причала. Светлые волосы, лицо, повернутое к фотографу. Кристин Фосс.

Рууд узнал снимок прежде, чем понял, где видел его в последний раз. В памяти всплыли обрывки старого дела: коридор управления, листы, которые клали перед свидетелями, голос человека, требовавшего определённого ответа.

За дверью скрипнула подошва. Кто-то вошёл. Рууд увидел движение у края лампового света, но лицо оставалось в тени.

— Я рассказал всё, что тогда знал, — произнёс он.

Ему не ответили.

Рууд взял стакан. Вода дрогнула у края, и он поставил его обратно, так и не отпив.

— Я делал то, что мне велели. Вы же знаете, как это было.

Человек не приблизился. Рууд посмотрел на фотографию ещё раз.

— Но Кристин я не убивал.

Он услышал, как у двери задели металлическую деталь замка.

— Пожалуйста. Дайте мне объяснить.

Шаги остановились. Ответа не последовало.

Глава 3. Пятнадцать лет

Осло. 11 июля 2013 года.

Комната для просмотра записей прежде служила кладовой. В углу всё ещё стоял пустой шкаф с наклейками от старого оборудования, а вентилятор под потолком ходил с едва слышным металлическим постукиванием. На экране двое мужчин выходили из служебной двери подземного гаража. У крупного была куртка, похожая на ту, в которой накануне видели Томаса Рууда. Второй, ниже ростом, носил капюшон.

Элиас попросил вернуть запись на несколько секунд назад. Нора Санд, сидевшая у компьютера, потянулась к клавиатуре. Картинка дёрнулась, замерла, снова пошла. Крупный мужчина остановился перед краем ступеньки, и незнакомец взял его за предплечье. С такого расстояния жест одинаково походил и на помощь, и на принуждение. Камера снимала без звука; часы в углу кадра ещё предстояло сверить с журналом системы.

— Вы смотрите на эту руку в четвёртый раз, — сказала Ингрид.

— Потому что каждый раз вижу другое.

— А сейчас?

— Человек в капюшоне не тащит его. Но и не отпускает. Если Рууд хотел уйти, он мог опереться на него. Если не хотел — этим же движением его можно удержать.

Нора увеличила изображение. От этого края курток стали ступенчатыми, а лицо под капюшоном не обрело ни одной новой черты.

— Лучше не стало, — признала она.

— Вернитесь к оригиналу, — попросил Элиас. — И сохраните увеличенную копию отдельно. Не хочу, чтобы завтра мы спорили о пикселях, которых в исходной записи нет.

Нора сняла очки, протёрла стёкла краем свитера и снова надела. С начала смены ей уже трижды звонили из отдела розыска с вопросом, нельзя ли «сделать картинку чётче». Она честно отвечала, что программа способна сделать её крупнее, но не вернуть лицо, которого камера не сняла. Теперь это пришлось объяснять и приехавшему из Финляндии инспектору. Он, к её облегчению, понял с первого раза.

Ингрид придвинула к себе папку с ориентировкой. Вчера Рууд перестал отвечать на звонки, автомобиль нашли в гараже, а к концу дня появилась эта запись. Ничего из перечисленного не доказывало похищения. Но и считать исчезновение обычным уходом она уже не могла.

— Юнас связался с дочерью? — спросил Элиас.

— Она дома, с ней всё в порядке. С отцом отношения сложные; о его исчезновении она узнала от полиции.

— Когда она была ребёнком, он работал по делу Кристин Фосс. Она знала, что теперь оно пересматривается?

Ингрид подняла глаза. До этого они спрашивали дочь только о том, когда она в последний раз видела отца.

— Узнаем. И пусть Юнас спросит, не было ли звонков с угрозами. Только не навязывая ей этот ответ.

Ингрид записала вопрос на обратной стороне ориентировки. Её раздражало не отсутствие ясного объяснения, а соблазн заполнить пустоту тем, что напрашивалось само собой. Вчера перед ними был живой свидетель, которого можно было спросить об опросе Пера Энгера и пропавшем приложении. Сегодня они выясняли, кто вывел его из гаража. Разница между двумя задачами измерялась одним вечером, но последствия могли оказаться непоправимыми.

Она набрала номер и кратко объяснила задачу. Нора тем временем открыла схему здания. Служебная дверь выводила во двор, где камера покрывала лишь узкую полосу асфальта.

Другая камера принадлежала соседнему зданию; запись обещали передать сегодня. Журнал электронного замка показывал последнее открытие примерно за сорок минут до выхода двух фигур.

— Значит, кто-то оставил дверь открытой? — спросила Ингрид.

— Или прошёл с механическим ключом, — ответила Нора. — Электронная система его не фиксирует. У обслуживающей компании есть такие ключи.

— Запросите ведомость выдачи и возврата. Нам нужны не только фамилии сотрудников, но и отметки о фактическом наличии ключей. А ещё выясните, кто знал о неработающих камерах внутри гаража.

Элиас поднялся со стула. На экране крупный мужчина навсегда оставался на пороге, в той секунде, когда ещё не решено, поддерживают его или удерживают. Рууд мог идти добровольно, мог быть ранен, пьян или напуган. Все четыре слова звучали правдоподобно — и ни одно пока не было доказано.

К девяти дождь иссяк. Когда они вышли из здания, тёплый ветер пах мокрым бетоном и бензином со стоянки. Ингрид предложила съездить к Арне Сольбергу, бывшему защитнику Йонаса Вика. Она уже договорилась с ним о встрече.

— Я хотел спросить его вчера, — сказал Элиас, садясь в машину. — Почему вы сначала отправили нас к материалам обвинения?

— Потому что в деле есть Хенрик Даль. Его имя слишком часто появляется там, где документы обвинения расходятся с приложениями.

— А Сольберг?

— Он видел, как эти бумаги выглядели с другой стороны. И, надеюсь, помнит то, чего не осталось в протоколах.

В узких улицах утренние машины двигались медленно. У киоска мужчина складывал мокрые газеты в пластиковый ящик; женщина на велосипедной дорожке поправляла на ребёнке шлем. Элиас привык замечать такие мелочи в чужом городе: они позволяли не превращать Осло в карту мест, связанных с убийством.

— Одно условие, — сказала Ингрид, когда они остановились на светофоре. — Вы не будете начинать с вопроса, кто сфальсифицировал дело.

— Я собирался спросить, каким он помнит процесс.

— Вот с этого и начните. Вчера Рууд после разговора с вами выглядел так, будто ему уже предъявили обвинение.

— Я спрашивал о часах.

— А он слышал другое. Не всегда то, что мы произносим, совпадает с тем, что человек в состоянии услышать.

Элиас хотел возразить, но вспомнил собственные разговоры в Хельсинки: люди иногда соглашались с удобной формулировкой просто для того, чтобы допрос закончился. Он кивнул. Ингрид заметила это, но торжествовать не стала.

Дом Сольберга стоял в Беккелагете, за разросшейся живой изгородью. Зелёная краска на ставнях выгорела по краям. На крыльце два горшка с геранью были переставлены так, чтобы оставалось место для трости. Хозяин открыл дверь сам — высокий, седобородый мужчина, в рубашке с закатанными рукавами. Он внимательно рассмотрел удостоверение Ингрид, затем пригласил их в гостиную.

В доме пахло яблоками и табаком, въевшимся в обивку ещё до того, как здесь перестали курить. На книжном стеллаже юридические справочники теснили фотографии детей, давно уже взрослых. Сольберг показал на диван и опустился в кресло, поставив трость у подлокотника.

— Я думал, с делом Йонаса Вика покончено, — сказал он.

— Мы расследуем смерть Эвы Нюгорд, — ответила Ингрид. — И проверяем, имело ли убийство отношение к событиям девяносто восьмого.

Услышав имя Эвы, Сольберг несколько раз провёл пальцем по шву своего кресла.

— После освобождения Йонаса мне звонили люди, которые пятнадцать лет не хотели со мной говорить. Обычно это дурной знак. Впрочем, я теперь подозрителен даже к приглашениям на встречи выпускников.

Он улыбнулся; никто не ответил улыбкой. Сольберг поправил очки.

— Что именно вам нужно?

— Расскажите, что в судебном деле вы считали слабым ещё тогда, — попросил Элиас. — Не после отмены приговора. Тогда.

Сольберг медлил. На столике стояли две чашки с неиспользованными пакетиками чая. Он подвинул одну ближе к Ингрид.

— Слабым было не одно доказательство. Меня тревожило, что всё объясняло слишком много. У обвинения нашёлся мотив, свидетель, часы, медицинское заключение. Каждая бумага выглядела завершённой. А когда я пытался проверить, откуда взялась одна подробность, появлялась ссылка на другую.

— На какую подробность? — спросила Ингрид.

— Автомобиль Йонаса. Свидетель, Пер Энгер, утверждал, что видел его у склада в вечер смерти Кристин. Во время второго опроса он описал машину, на которой якобы приехал Йонас. Но за месяц до убийства тот её продал. Я представил договор.

— И Энгер отказался от показаний?

— Нет. Сказал, что мог перепутать марку. Суд решил, что эта ошибка не отменяет узнавания человека.

Сольберг говорил ровно, словно много раз пересказывал этот разговор и отточил в нём всё, что можно было сказать без злости. Но при слове «ошибка» его голос стал суше.

— Самое неприятное другое. В первом письменном объяснении Энгера автомобиля не было вовсе. Он появился после повторного опроса. Его проводил Томас Рууд.

Ингрид посмотрела на Элиаса, но он продолжал слушать.

— Обе версии были приобщены? — спросил он.

— Да. Это не спрятанный документ. Дело в последовательности. По моим записям, свидетель назвал автомобиль прежде, чем следствие официально установило, что Йонас когда-то им владел. Тогда я не смог доказать, кто сообщил ему эту деталь. И сейчас не утверждаю, что Рууд подсказал ответ. Вы должны поднять даты, оригиналы протоколов, служебные пометки. Не полагайтесь на память старого адвоката.

— У вас сохранились записи? — спросила Ингрид.

— Часть. Дам перечень; о передаче копий договоримся отдельно. Я не хочу, чтобы моя собственная запись через пятнадцать лет стала истиной просто потому, что кто-то записал её аккуратнее других.

Элиас отметил эту оговорку. Он видел опытных людей, которые подменяли доказательства хорошей памятью и уверенным голосом. Сольберг, напротив, сам указал границу своих слов.

— Хенрик Даль связывался с вами? — спросила Ингрид.

— В апреле. Впервые за одиннадцать лет. Хотел узнать, сохранились ли у меня личные записи по делу.

— Вы сказали, что сохранились?

— Часть. Тогда он спросил, есть ли запись моего разговора с Кристин Фосс.

— Вы с ней разговаривали?

— Никогда. И, думаю, Даль об этом знал. Поэтому звонок мне и не понравился. Он словно проверял, не осталось ли документа, которого не должно было существовать. Но это моя догадка, не больше.

Ингрид записала дату звонка и попросила Сольберга вспомнить, с какого номера звонил Даль и сохранилась ли переписка. Тот обещал поискать. Когда они поднялись, он проводил их до дверей и неожиданно сказал:

— Я защищал Йонаса в сорок восемь лет и был уверен, что знаю, как устроена справедливость. За следующие пятнадцать выяснилось: правила существуют, но их соблюдение всё равно приходится проверять людям.

На крыльце Элиас остановился, чтобы застегнуть куртку. Воздух прогрелся, но с ветвей ещё падали капли ночного дождя. Из дома доносился приглушённый голос Сольберга — старик отвечал на телефонный звонок. Жизнь человека, проигравшего один из главных процессов в своей карьере, продолжалась среди чашек, лекарств и заросшей дорожки. Элиас подумал о Йонасе, которому этих пятнадцати лет никто не вернёт.

В машине Ингрид включила кондиционер и выехала к центру.

— Сольберг не сказал, что Рууд подделал показания, — заметила она.

— И не должен был. Мы проверим, когда полиция узнала о продаже машины и кто имел доступ к первому объяснению Энгера. Без этого мы только повторим старую ошибку — начнём с подходящего обвиняемого.

— Вы умеете быть разумным, когда захотите.

— Я просто не хочу проиграть спор из-за документа, который мы ещё не видели.

Ингрид рассмеялась и тут же поморщилась, перехватывая руль другой рукой. Элиас заметил, как она осторожно размяла пальцы правой кисти.

— Болит?

— После долгой дороги. Старая служебная травма. Один человек посчитал, что имеет право не ехать со мной в отделение, и решил объяснить это кулаками.

— Убедил?

— Мне сломал запястье. Себе — нос. Моя аргументация оказалась долговечнее его.

Элиас улыбнулся, но больше расспрашивать не стал. Через некоторое время она сама сказала, что врач рекомендовал операцию, обещая вернуть часть подвижности. Несколько месяцев восстановления тогда казались ей невозможными. Потом нашлась другая работа, новое дело, ещё одно; прошло почти пятнадцать лет.

— У меня есть знакомый врач, — начал Элиас и осёкся.

— Не нужно. Я знаю, что следовало сделать. Иногда человек просто не делает того, что давно решил сделать.

Она произнесла это без раздражения. Элиас не стал утешать её тем, что сам не всегда справлялся с собственными обещаниями. Из окна тянуло запахом прогретой листвы; город жил обычным четвергом.

В управлении их встретил Юнас Эйде. Он держал телефон и лист с пометками дочери Рууда.

— Она вспомнила о коробке с отцовскими вещами. После развода часть оставили у бывшей жены: фотографии, награды, какие-то документы. В мае Рууд позвонил поздно вечером и попросил ничего не выбрасывать. Он и раньше мог не выходить на связь неделями, но в последние месяцы звонил несколько раз и говорил странно осторожно.

— Коробка сохранилась? — спросила Ингрид.

— Дочь говорит, что стоит в кладовой. Согласилась показать. Коллеги договорились о визите, но её согласие осмотреть содержимое ещё нужно уточнить. Нельзя изъять семейные вещи только потому, что отец исчез.

Элиас кивнул. Коробка могла содержать что-то важное, а могла оказаться набором школьных фотографий. Пока они знали лишь то, что сам Рууд вспомнил о ней в мае.

— Что с ключами от гаража?

— Три сотрудника имели механический доступ. Один уволился месяц назад, говорит, что ключ сдал. В журнале отметка есть, фактическую сверку ещё проводим.

— И соседняя камера?

— Запись запрошена, обещают передать до вечера. С управляющей компанией отдельно выясняем, какая из внутренних камер не работала и с какого числа.

Нора появилась с распечаткой, пока Юнас договаривался о проверке ключей. На листе была таблица из частично восстановленного файла «Пятеро», который накануне нашли на компьютере Эвы. Теперь удалось извлечь предыдущую сохранённую версию. Под тремя заполненными строками — «Эва Нюгорд — Заключение», «Томас Рууд — Допрос», «Хенрик Даль — Документы» — оставались два пустых места. А ниже обнаружилась фраза: «Если один из них заговорит, остальные скажут, что ничего не знали».

— Кто это написал? — спросил Юнас.

— Мы пока не знаем, — ответила Нора. — Файл находился на компьютере Эвы, но этого недостаточно для установления автора. По восстановленным данным строка существовала не позднее конца июня. Точную дату ещё проверяем.

Ингрид положила рядом фотографию пяти линий на стене квартиры. По виду они подходили к пяти строкам, но одинаковое число не было подтверждением связи. Элиас вспомнил и другую фразу из документа: «Не все виновные совершили одно и то же».

— Если автор пытался разделить ответственность, он мог знать, что именно сделали эти люди, — сказал Элиас. — А мог хотеть, чтобы мы поверили в такое разделение.

— Поэтому не объявляем список признанием или обвинением, — ответила Ингрид. — Проверяем каждого по отдельности. И пусть к пяти линиям никто пока не пририсовывает пять убийств.

Юнас убрал фотографию под прозрачную обложку дела. Разговор не дал им пятого имени. Зато показал: для проверки старого процесса нужно проследить не только судьбу документов, но и тех, кто распоряжался ими.

После обеда они поехали на Марквейен. Рагнхильд Эвенсен открыла почти сразу. На кухне у неё остывал кофе; рядом лежал пакет печенья, разрезанный сверху слишком аккуратно, чтобы можно было назвать это случайностью.

— Вы опять по поводу Эвы? — спросила она и сама отступила от двери. — Конечно, по поводу неё. Проходите.

Ингрид объяснила, что при осмотре квартиры возле стула у стены заметили светлый прямоугольник на полу. Они хотели установить, стоял ли там какой-нибудь предмет. Элиас не достал фотографию сразу: сначала дал Рагнхильд описать кухню по памяти.

— Коробка, — сказала она после паузы. — Синяя, с крышкой. Деревянная, не картонная. Я видела её, когда заходила за солью. Эва иногда брала у меня соль, а потом приносила целую пачку взамен: стеснялась оставаться в долгу даже по мелочам.

— Что было внутри?

— Однажды она открывала. Кажется, там лежали фотографии. Но я не подходила близко.

Ингрид показала снимок кухни и предложила указать место. Рагнхильд приложила палец к светлому пятну возле плинтуса, потом отняла руку.

— Нет. Боюсь, что вы сейчас помогли мне вспомнить то, чего я не помню. Коробка была, это точно. Где стояла именно в тот день — не скажу.

— Тогда так и запишем, — ответила Ингрид. — Нам важнее ваше собственное воспоминание, чем совпадение с нашей фотографией.

Рагнхильд опустила очки на стол. Она заметно устала от необходимости быть полезной.

— Последние месяцы Эва чаще доставала коробку. После того как освободили Йонаса Вика. Что-то перебирала, а потом долго не выходила на лестницу. Один раз сказала, что люди слишком многого ждут от времени. Будто оно обязано всё исправить.

— Что вы ей ответили? — спросил Элиас.

— Что иногда нужно хотя бы дождаться извинений. Она сказала: «Время только делает последствия привычными». И больше мы об этом не говорили.

Ингрид поблагодарила её, уточнила, когда происходил разговор, и не стала просить определить точную дату. Уходя, Элиас заметил маленькую стопку открыток у двери. На самой верхней была надпись чужой рукой: «С Рождеством». Рагнхильд проследила его взгляд и перевернула открытку чистой стороной вверх. Он не спросил зачем. У каждого человека было право оставить что-то не произнесённым, пока это не становилось необходимым для дела.

К вечеру Нора получила сообщение из Хельсинки. Софи Коскела нашла регистрационную карточку: в сентябре 1998 года из норвежской лаборатории в финское экспертное учреждение поступили материалы для дополнительного сравнительного исследования. На карточке имелась отметка о получении копий. Не оригинала и не готового заключения.

Элиас подвёл Ингрид к экрану, где Нора открыла две даты рядом. Норвежское приложение, фигурировавшее в деле Вика как результат исследования, было датировано на несколько дней раньше финской регистрации поступления материалов.

— Если эти записи относятся к одному комплекту, последовательность странная, — сказала Ингрид.

— Да. Но мы ещё не знаем, что передавали раньше: факс, копии или предварительные сведения. И дата регистрации не всегда совпадает с датой фактического получения, — ответил Элиас.

Нора открыла сообщение Софи. Та проверяла архивную цепочку и пока обнаружила только запись о поступлении копий; итогового финского заключения не нашла.

— Значит, нам нужны оригиналы обоих документов, регистрационный журнал и сведения об отправке, — сказала Ингрид. — Никаких заявлений, что заключение подделано, пока нет подтверждений.

— И понять, кто с норвежской стороны называл этот документ заключением, — добавил Элиас.

В коридоре кто-то громко захлопнул шкаф. В соседнем кабинете принтер несколько раз захватил бумагу по две страницы, и дежурный с досадой выдернул застрявший лист. Обычный вечер в полицейском управлении. На столе перед ними лежал документ пятнадцатилетней давности, и единственное, что они могли утверждать, — его происхождение ещё не восстановлено.

К девяти в отделе осталось немного людей. Ингрид сняла пиджак и осторожно потянула за рукав блузки, чтобы расправить ткань у больного запястья. Элиас складывал копии в папку по датам, не по фамилиям. Она подошла к его столу.

— Вы снова собираетесь спать над этими бумагами?

— Проверяю, сколько ещё можно успеть до закрытия гостиничного ресторана.

— Судя по вашему обеду, его отсутствие вас не остановит.

— Юнас принёс сэндвич. Я собирался съесть.

— Он так и лежит в переговорной. Давайте хотя бы сегодня вы выполните простую рекомендацию врача: поужинаете.

Элиас посмотрел на её сумку и ключи.

— Если у вас тоже не было времени поесть, рядом можно найти что-нибудь открытое?

— Есть кафе в нескольких кварталах. Кухня закрывается скоро.

— Успеем, если вы покажете дорогу?

Она прищурилась, оценивая его, и впервые за весь день улыбнулась без усталости.

— Это приглашение или просьба о навигации?

— Пока не решил. Зависит от вашего ответа.

— Тогда пойдёмте, пока вы не придумали ещё три версии.

Кафе оказалось узким помещением с потемневшими деревянными столами. На стенах висели фотографии старого Осло; у окна стояло пианино с закрытой крышкой. Официант, уже собиравший со столиков свечи, согласился принять последний заказ. Они взяли рыбу с картофелем и минеральную воду. Оба устали настолько, что сначала ели молча, без необходимости заполнять каждую паузу разговором.

Потом Ингрид спросила, давно ли Элиас живёт один. Вопрос прозвучал просто — без следовательского нажима, с которым она днём уточняла даты показаний.

— Давно, — ответил он. — Я привык жить один. Женат никогда не был.

— Я тоже. Семь лет как развелась. Иногда мы с бывшим мужем обедаем вместе, и всё кажется совершенно обычным. А потом кто-нибудь обязательно спрашивает, почему мы расстались.

— Почему?

Она коротко рассмеялась.

— Вот видите. Мы оба много работали. Он был хорошим человеком, но в какой-то момент домой мы стали возвращаться как в место, где нужно только отдохнуть до следующего рабочего дня. Разговоров не оставалось.

— У меня было иначе, — сказал Элиас. — Я долго думал, что молчанием можно уберечь близкого человека от тяжёлых вещей. В итоге мы всё реже понимали друг друга.

— Дети? — тихо спросила Ингрид.

— Нет.

Она кивнула и не стала выяснять, хотел ли он их когда-нибудь иметь. За соседним столом мальчик пытался удержать вилкой слишком большой кусок картофеля, а его мать придерживала тарелку локтем. Ничего общего с тем, о чём они говорили, и потому особенно трудно было отвести взгляд.

Ингрид положила вилку и некоторое время рассматривала узор на тарелке.

— Мне бы тогда хотелось услышать хотя бы такую фразу, — сказала она. — Не объяснение всего на свете. Просто признание, что между нами что-то происходит.

Элиас почувствовал, что мог бы рассказать ей больше. Об Эве, о детстве, о том, как трудно отделить собственную память от чужих рассказов. Но это был не тот вечер и не тот человек, которому следовало наспех отдавать длинную историю за остатками ужина. Он не хотел подменять знакомство признанием.

— Я всё ещё учусь говорить раньше, чем становится поздно, — сказал он.

— Тогда это не самое плохое занятие для взрослого мужчины.

Они рассмеялись оба. Элиасу было непривычно, что его не просят объяснить всю жизнь за один вечер. Он заметил у Ингрид на запястье светлую полоску кожи, но не стал делать из неё повод для очередного вопроса. Она сама знала, что захочет рассказать, а что оставить при себе.

Разговор постепенно ушёл к обычным вещам: её привычке покупать хлеб в одной и той же пекарне, его неудачным попыткам готовить рыбу, тому, как по-разному в двух городах люди понимают слово «недалеко». Ингрид рассказала, что терпеть не может слишком крепкий кофе из автомата, хотя в управлении пьёт его каждый день. Элиас обнаружил, что слушает её, не ожидая новой информации для протокола.

Когда они вышли, снова моросило. Под навесом остановки несколько человек теснились вокруг расписания; по рельсам прошёл трамвай, оставив за собой короткий визг колёс. Ингрид подняла воротник, и Элиас подумал, что теперь будет помнить этот вечер не по номеру дела.

— Завтра у нас по-прежнему нет Рууда, — сказала она у машины.

— Знаю. И многое зависит от того, что он сможет рассказать, если мы его найдём.

— Спасибо, что не предложили разоблачить всех до полуночи.

— Я хотел, но решил не портить ужин.

Она засмеялась, открывая дверь.

— До завтра, Элиас.

— До завтра, Ингрид.

Он дождался, пока она выедет с парковочного места, и пошёл к гостинице. Дождь был мелким и тёплым; он не стал раскрывать зонт.

. . .

Томас Рууд сидел на стуле у маленького стола. Сколько времени прошло с тех пор, как его привели сюда, он не знал. На столе лежала фотография Кристин Фосс — та же молодая женщина у причала, с волосами, убранными за ухо. Рууд узнавал снимок слишком хорошо. Когда-то он уже видел его среди материалов дела; тогда фотография была для него всего лишь листом с номером приложения.

В комнате пахло пылью, влажной одеждой и старым пластиком. Стакан воды оставался нетронутым. От поворота головы болезненно тянуло затылок. За дверью двигался человек, но Рууд не мог разобрать, один он или там кто-то ещё.

— Я вспомнил ещё кое-что, — сказал Рууд. Голос прозвучал хрипло. — О том вечере. О том, что было после допроса.

Шаги остановились. Он облизнул сухие губы, посмотрел на фотографию.

— Я делал то, что мне велели. Но Кристин я не убивал. Если вы хотите услышать остальное, дайте договорить.

Из замка донёсся короткий металлический звук. Дверь приоткрылась, и на полу выросла полоска света. Рууд поднял глаза. Человека за дверью он по-прежнему не видел.

. . .

В гостинице Элиас не включал верхнего света. Открыл окно на несколько сантиметров, положил телефон на тумбочку и попытался прочесть две страницы книги, взятой с собой из Хельсинки. Не вышло. В голове снова соединялись автомобиль в показаниях Энгера, исчезнувшее приложение, синяя коробка и запись с гаражной камеры. Он закрыл книгу, не запомнив ни одного предложения.

На экране вспыхнуло сообщение Софи Коскела. Из финского архива пришла новая регистрационная запись: в 2001 году Хенрик Даль запрашивал копии материалов, связанных с норвежским делом. Основанием в карточке значилось распоряжение прокурора. Имя — Аксель Брандт.

Элиас сел на кровати и перечитал строки. Три года после приговора, когда дело по документам уже было закончено. Запрос мог иметь законную причину, а запись — быть оформлена чужой рукой. Ни текста распоряжения, ни подтверждения подписи у них пока не было.

«Пришли карточку по защищённому каналу. Есть само распоряжение?» — написал он.

Ответ пришёл быстро: «Пока нет. Проверяю выдачу и основания». Элиас положил телефон на стол и достал блокнот. Он не стал выписывать рядом фамилии как имена заговорщиков. Написал лишь три вопроса: кто запросил документы, зачем и какие именно копии получил.

Снаружи проехала машина, фара на секунду высветила потолок. Элиас выключил настольную лампу. Утром он расскажет Ингрид о Брандте. А пока это было ещё одно обстоятельство, которое требовалось доказать, прежде чем оно станет ответом.

Глава 4. Соседка напротив

Рагнхильд Эвенсен оставила ложку в чашке. Она всегда вынимала её — терпеть не могла, когда металл звенел о фарфор, — а сегодня даже не заметила, как поставила чай на стол вместе с ложкой. Внизу, под окнами, выгружали хлеб. Ящики стукались друг о друга, кто-то ругался из-за перекрытого проезда. По комнате прошла слабая дрожь от трамвая, и ложка негромко звякнула.

Напротив её двери, через площадку, была квартира Эвы. Теперь её открывали полицейские — осторожно, не касаясь косяка без перчаток. Иногда они выходили с пакетами, и Рагнхильд следила за ними из прихожей, будто по форме пакета можно было понять, что произошло с женщиной, которая столько лет просила принять за неё посылки и помнила дни рождения соседских детей.

Вчера она не сказала инспектору всего. Та спросила, слышала ли Рагнхильд шаги посетителя, когда он уходил от Эвы. Рагнхильд ответила, что не помнит. На самом деле помнила довольно хорошо: на лестнице кто-то задержался, потом подошёл к её двери, и только после этого шаги стали удаляться вниз.

Ложь получилась легко. Это беспокоило её не меньше самих шагов.

Она сняла с полки жестяную коробку, в которой держала рождественские открытки. Под поздравлениями от дальней родни лежал снимок шестилетней давности. Четыре женщины за столом, покрытым бумажной скатертью; в углу кадра виднелась рука мужчины, который их фотографировал. Две женщины уже умерли, третья уехала к дочери в Тронхейм. Четвёртая, Эва Нюгорд, сидела сбоку и смотрела не в объектив, а на кого-то за его пределами.

После того вечера Эва задержалась у Рагнхильд на кухне. Помогала собирать стаканы, отказалась от второго куска пирога и вдруг спросила:

— Вы когда-нибудь боялись человека, который ни разу вам не угрожал?

Рагнхильд тогда усмехнулась: ей показалось, соседка говорит о каком-нибудь неприятном родственнике.

— Если человек ничего не сделал, откуда мне знать, что его нужно бояться?

— Иногда знаешь, что он сделал с кем-то другим, — ответила Эва. И тут же предложила вымыть оставшиеся тарелки.

Рагнхильд помнила не столько слова, сколько то, как буднично Эва продолжила уборку. Не просила совета. Не ждала утешения. И тем более не называла человека.

На листке возле телефона был записан номер Ингрид Мёэн. Рагнхильд набрала несколько цифр, остановилась, положила трубку. Посидела, слушая двор, затем поднялась, задвинула дверную цепочку и снова взяла телефон.

— Инспектор Мёэн? Это Рагнхильд Эвенсен. Я вчера говорила с вами о соседке. Мне нужно кое-что исправить.

— Вы можете рассказать по телефону?

Она посмотрела на узкую полоску света под собственной дверью.

— Лучше, если вы придёте. И не одна.

. . .

Элиас проснулся до будильника и несколько минут лежал неподвижно, пытаясь понять, откуда доносится гул. За гостиничным окном шёл первый утренний транспорт. В Хельсинки под его окнами тоже шумели машины, но там он умел различать их, не просыпаясь. Здесь каждый звук казался чужим.

На экране телефона оставалось вчерашнее сообщение Софи Коскела: в 2001 году Хенрик Даль запрашивал финские материалы по норвежскому делу; регистрационная карточка назы-

вала основанием распоряжение Акселя Брандта. Элиас ещё ночью записал три вопроса — кто запросил, зачем и что именно получил. Ответов не прибавилось.

Софи ответила, когда он позвонил.

— Я ещё не в архиве, — предупредила она вместо приветствия. — И если ты решил, что одно имя на карточке означает подпись прокурора, сразу клади трубку.

— Я как раз хотел узнать, кто заполнил карточку.

— Лучше. Запрос проходил через административный отдел. В журнале выдачи стоят три позиции, а в записи о возврате — две.

Элиас подошёл к столу, раздвинул шторы. Под окнами мужчина возился с велосипедом, пытаясь поставить соскочившую цепь.

— Третья позиция какая?

— Дополнительная таблица сравнительных результатов. Название напоминает то приложение, которого не хватает в норвежском деле. Но номера не совпадают. Это могут быть разные документы.

— Копию самой таблицы видела?

— Нет. Только регистрационные записи. И от руки приписано: «Получение через представителя». Фамилию пока не разобрали.

— А распоряжение Брандта?

— Его у нас нет. И сейчас я не знаю, хранилось ли оно вместе с материалами или отдельно. Не делай из отсутствующего листа преступление, Элиас.

— Постараюсь. Пришли мне обе карточки.

— Уже отправила по защищённому каналу. Найду и сотрудника, который оформлял выдачу, если он жив и согласится разговаривать. Только без твоих историй о том, что пенсионеры помнят лучше действующих служащих.

— Я ещё ничего такого не сказал.

— У тебя это обычно следующий вопрос.

Софи отключилась. Элиас открыл присланные копии. Неровные строки журнала, разные обозначения приложений, одно чужое имя в графе основания. На экране всё выглядело убедительнее, чем было на самом деле. Он переписал в блокнот: «Три выданы? Две возвращены? Проверить оригиналы и правила учёта». Вопросительные знаки оставил.

В управлении Ингрид разговаривала с управляющей компанией здания, где находился гараж Томаса Рууда. На столе лежали распечатки со схемой въездов. Один край схемы придавливала пустая картонная чашка из-под кофе.

— Я не спрашиваю, как часто у вас обслуживают камеры, — говорила она. — Мне нужен график именно на эту неделю. И отметки о том, кто отключал питание на этом уровне.

Она выслушала ответ, попросила прислать журнал и положила телефон.

— Доброе утро. Если вы пришли с хорошими новостями, скажите их прежде, чем я снова позвоню этим людям.

— У меня новости из Финляндии. Насчёт хороших не уверен.

Элиас передал ей копии. Ингрид прочитала обе страницы, вернулась к первой.

— Здесь вообще не установлено, что Даль уносил оригинал, — сказала она. — И запрос мог быть законным.

— Да. Мы ещё не проверили, что именно запрашивали и получали.

— Брандт мог дать распоряжение в рамках пересмотра материалов. А кто-то в архиве — ошибиться с возвратом.

— Тоже возможно. Но пока мы не найдём распоряжение, его подпись существует только как запись другого человека.

Ингрид провела пальцем по рукописной приписке и остановилась на неразборчивой фамилии представителя.

— Значит, спрашивать надо не об исчезнувшей улике, а о порядке получения. С Далем поговорим, когда уточним, что можно ему предъявить.

— Согласен.

— Не привыкайте соглашаться со мной каждое утро. Мне нужны коллеги, с которыми можно спорить.

— Тогда подождите моего второго кофе.

Она собиралась ответить, когда взглянула на часы.

— Нам ещё нужно на Марквейен. Звонила Рагнхильд Эвенсен. Попросила приехать и уточнить вчерашние показания. По телефону говорить не стала.

Элиас взял пальто. Ингрид заметила, что он не задал обычного вопроса — что именно вспомнила свидетельница.

— Тоже думаете, что она что-то скрыла?

— Думаю, человек, который сам просит повторного разговора, должен иметь возможность рассказать всё своими словами.

— Это очень вежливый способ сказать «да», — заметила Ингрид.

. . .

Дверь Рагнхильд была приоткрыта, но Ингрид всё равно постучала и дождалась разрешения. В прихожей пахло средствами для пола и свежим хлебом. На крючке висели два зонта; один с надломленной ручкой, перевязанной бечёвкой.

Рагнхильд сидела у кухонного стола. На ней был синий кардиган с расстёгнутой нижней пуговицей. Чай в чашке остыл. Услышав их, она встала, но Ингрид попросила её оставаться на месте и села напротив. Элиас устроился сбоку, чтобы не заставлять женщину всё время поворачивать голову.

— Я солгала, — сказала Рагнхильд, прежде чем Ингрид успела открыть блокнот. — Не потому, что не помнила. Я испугалась.

— Вы сказали, что не слышали, как уходил посетитель Эвы?

— Да. Я слышала шаги. Но этого человека не видела, когда он поднимался. По лестнице кто-то шёл тяжело, остановился здесь, на площадке. Я подумала, что мужчина. Не знаю почему. Наверное, из-за шагов.

— Вы слышали, как открылась дверь Эвы?

— Дверь открылась. Какая — я не видела. Но решила, что к ней.

Ингрид записала ответ, не прерывая свидетельницу.

— А позже?

— Я услышала, как кто-то вышел. Подошла к глазку. На площадке была женщина. По крайней мере, мне так показалось: тёмное пальто, волосы собраны. Через плечо сумка. Не маленькая, но и не дорожная.

— Лицо?

— Нет. Она уже повернулась к лестнице.

Рагнхильд потянулась к чашке, но не стала пить. Пальцы задержались на блюдце.

— Я боялась, что вы скажете: это я должна была открыть дверь, посмотреть, помочь Эве. А я стояла и смотрела через глазок.

Ингрид не ответила поспешным утешением. Она спросила, сколько времени прошло между шагами на лестнице и уходом женщины. Рагнхильд не могла назвать даже приблизительный интервал. Она делала уборку, включала радио, выходила на кухню. В тот вечер время не казалось ей чем-то, что нужно запоминать.

— Вы уверены, что видели женщину после того, как услышали закрывшуюся дверь квартиры Эвы? — спросил Элиас.

— Я слышала хлопок. Откуда — не могу сказать. На этаже есть и другие квартиры.

— А тот, кто поднялся раньше, мог остаться внутри?

— Мог. Я же не смотрела всё время.

Ингрид повернула блокнот так, чтобы свидетельница видела её записи.

— Я отмечу отдельно, что вы слышали, и отдельно, что смогли увидеть. Вы не обязаны придумывать ответ там, где не знаете.

Рагнхильд чуть заметно расправила плечи.

— Есть ещё кое-что. У моей двери она остановилась.

— Женщина с сумкой?

— Да. Прямо передо мной. То есть перед глазком. Я лица не видела — только тёмную ткань и волосы сбоку. Она подняла руку к голове. Может быть, телефон. А может, поправляла волосы. Потом ушла.

— Вы решили, что она заметила вас?

— Именно это я подумала. Не знаю, могла ли она видеть движение за дверью. Но мне стало страшно. И когда пришла полиция, я сказала, что не помню ничего.

Элиас вспомнил, как в Хельсинки свидетели иногда извинялись за то, что не сохранили в памяти нужную следствию минуту. Рагнхильд тоже ждала от них оценки. Он не хотел превращать её страх в очередной повод для уверенного вывода.

— Нам нужно проверить, что вообще видно через глазок с вашей стороны, — сказал он. — Можно?

Она принесла им маленькую стремянку — Элиас оказался выше удобного для неё уровня, — затем передумала и попросила его просто немного наклониться. Изображение было сильно выгнуто по краям. Дверь Эвы попадала в поле зрения не целиком; возле лестницы оставался слепой участок. Если человек стоял вплотную, лицо действительно могло исчезать из обзора.

Ингрид прошла по площадке так, как описала свидетельница, затем вернулась и попросила Рагнхильд самой посмотреть. Та указала место, где находилась фигура с сумкой. Элиас сделал пометку для последующей проверки фотографий общего плана, не пытаясь использовать эту реконструкцию как доказательство маршрута.

— Вы сказали, что сумка была через плечо. Человек придерживал её?

— Кажется. Я видела руку у ремня.

— Не знаете, тяжёлая она была или нет?

— Нет. Это я бы сейчас уже придумала.

Ингрид поблагодарила её. Перед уходом Рагнхильд показала старую фотографию с рождественского вечера и рассказала об Эвином вопросе про страх. Ингрид попросила разрешения зафиксировать снимок и воспоминание как отдельное свидетельство, предупредив, что тот разговор не указывает ни на определённого человека, ни на день убийства.

— Эва не была трусливой, — сказала Рагнхильд. — Просто некоторые вещи она предпочитала не рассказывать. А я делала вид, что так и надо.

На площадке Ингрид ещё раз посмотрела на двери. У каждой была своя старая краска, своё покрытие вокруг глазка. Чужие квартиры казались одинаковыми только со стороны лестницы.

— Сумка могла вместить синюю коробку, — заметил Элиас, когда они спустились.

— Могла. Но мы даже не знаем, входила ли эта женщина к Эве.

— Знаю. Поэтому проверим другие квартиры и время появления людей на лестнице. И отдельно — следы самой коробки.

Ингрид задержалась возле машины, прежде чем открыть её.

— Вы всё-таки связываете два события.

— У нас исчез предмет. У свидетельницы есть наблюдение о человеке с сумкой. Это два разных факта. Связь между ними пока только в моей записной книжке.

— Хорошо, что вы не предлагаете сразу объявлять розыск коробки у всех женщин в тёмных пальто.

— Представляете, сколько жалоб мы получили бы к обеду?

Она усмехнулась, но ответила уже серьёзно:

— Теперь к Далю. И там тоже попробуем обойтись без готового обвинения.

. . .

Юридическая фирма Хенрика Даля занимала верхний этаж нового здания недалеко от Акер-Брюгге. Внизу пахло чистящим средством и кофе из небольшого автомата; на улице у причала туристы пытались разобраться в расписании паромов. В лифте было так тихо, что слышно было, как Элиас закрывает блокнот.

В кабинете Даля из широких окон виднелась гавань. Сам хозяин выглядел так, словно ещё утром знал, сколько минут уделит этой беседе: высокий, с коротко подстриженными седыми волосами, в светлой рубашке без складок. Дорогие часы на запястье блеснули, когда он указал на стулья. На столе лежали две папки, выровненные по краю стеклянной подставки.

— Мне сказали, вы хотите поговорить о Йонасе Вике, — произнёс он.

— В том числе, — ответила Ингрид. — Речь о документах, которые вы запрашивали в Финляндии в 2001 году.

Она положила перед ним копию карточки. Даль бросил взгляд на заголовок, не притронувшись к бумаге.

— За годы практики я работал с большим количеством материалов. Не уверен, что помню именно этот запрос.

— Здесь указана дополнительная сравнительная таблица. Вы помните, для чего она понадобилась спустя три года после вынесения приговора?

— Возможно, мы уточняли экспертные вопросы. Тогда приговор оставался в силе. Проверять документы не запрещено.

— Разумеется. Поэтому мы и спрашиваем, кто инициировал проверку.

Даль отодвинул один из стульев ногой и сел. Элиас назвал своё имя и пояснил, что помогает норвежским коллегам. Реакция адвоката была едва заметной: он внимательнее посмотрел на фамилию Виртанена, затем снова на Ингрид.

— В карточке упомянуто распоряжение Акселя Брандта, — сказал Элиас. — Сохранилась ли у вас его копия?

— Не знаю. Весь архив ранних лет у нас не в кабинете.

— Мы можем направить официальный запрос, — сказала Ингрид. — Сейчас я пытаюсь понять, кто получал материалы и что с ними произошло.

— Я не занимался выдачей и регистрацией. Это делал помощник.

— Кто именно?

— Марианне. Фамилию нужно поднять в архиве фирмы. Вы ведь понимаете, сколько времени прошло?

— Понимаю. Мы не просим вас вспоминать каждую подпись, — ответила Ингрид. — Но вы можете назвать основание, по которому тогда обращались к финской стороне?

— Если найду документацию. Без неё я могу только предполагать.

Элиас заметил, что на вопрос о третьей позиции Даль не стал спорить с формулировкой, а попросил показать журнал целиком. Это было разумно для адвоката и не свидетельствовало ни о чём, кроме знания процедуры.

— В возвратной карточке значатся два документа вместо трёх, — сказал Элиас.

— А у вас есть доказательство, что третью копию вообще передали моему представителю?

— Пока нет.

— Тогда мы с вами одинаково плохо понимаем эту запись.

Ингрид не стала оспаривать сказанное. Она перешла к другому вопросу:

— Вы знали Эву Нюгорд?

— По работе.

— Когда виделись последний раз?

— Не могу назвать дату.

— После освобождения Вика вы общались?

— Насколько помню, нет.

— В апреле вы звонили Арне Сольбергу. Он рассказал, что вы интересовались его рабочими записями по делу Кристин Фосс.

Даль перевёл взгляд на окно. Паром отходил от причала, оставляя в воде расходящиеся полосы.

— Старые адвокаты иногда придают обычному разговору особое значение, — сказал он. — Я мог спросить что-то по процедуре.

— Что именно?

— Без собственных записей не скажу. Вы их запросите, полагаю.

Он посмотрел на часы. Ингрид спросила, есть ли у него возможность продолжать беседу, и напомнила, что разговор добровольный: при желании он может согласовать другую встречу с защитником или представителем фирмы. Даль коротко улыбнулся.

— Я сам адвокат, инспектор.

— Это не исключает права пользоваться помощью другого.

Улыбка исчезла, но он не возразил.

— Последний вопрос, — сказал Элиас. — Вы когда-нибудь разговаривали с Кристин Фосс?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да. А почему это должно было случиться?

— Сольберг утверждает, что вы спрашивали, сохранились ли у него записи разговора с ней. Если это так, нас интересует, что именно вы пытались найти.

Впервые за встречу Даль не ответил сразу. Он аккуратно придвинул папку к краю стола, хотя та и без того лежала ровно.

— Я не обязан восстанавливать перед вами каждую профессиональную беседу пятнадцатилетней давности, — произнёс он. — И не хотел бы, чтобы предположение другого человека превратилось у вас в моё признание.

— Мы зафиксируем вашу позицию, — ответила Ингрид. — А документы запросим отдельно.

Когда они встали, Даль проводил их до двери. Уже в коридоре он обратился к Ингрид:

— Если вы собираетесь заново разбирать дело, будьте осторожны с теми, кто теперь называет себя невиновным.

— Вы о Йонасе Вике?

— Я о людях, которые рассказывают вам истории спустя пятнадцать лет.

В лифте Ингрид сняла с запястья резинку для волос и снова надела, прежде чем заговорить.

— Что мы узнали?

— Он не подтвердил и не опроверг получение третьего документа. Назвал помощницу, но не фамилию. Не вспомнил основание запроса. А на вопрос о Кристин ответил гораздо определённее, чем на остальные.

— И всё это ещё не ложь.

— Именно. Если мы будем относиться к каждой его паузе как к улике, он заслуженно потребует, чтобы с нами разговаривал кто-нибудь другой.

— Он смотрел на часы, когда речь шла о документах. Заметили?

— Да. Но, возможно, у него просто действительно была встреча.

Ингрид улыбнулась краешком губ.

— А я собиралась спросить, можно ли по дорогим часам определить виновность.

— Можно определить только, что у вас нет привычки покупать такие вещи.

— Это верно. Идём. Нора обещала запись с соседнего здания.

. . .

На экране в комнате видеонаблюдения двор у гаража Рууда выглядел плоским и серовато-тым. Нора остановила запись, дала изображению загрузиться и провела курсором по узкому проходу между служебной дверью и стоявшим у стены фургоном.

— Эта камера принадлежит соседнему зданию, — объяснила она. — У неё другой угол, поэтому мы видим выход, который вчера оставался за кадром.

Два человека появились почти одновременно. Более крупный, возможно Рууд, двигался медленнее и держал голову опущенной. Второй, в тёмной куртке с капюшоном, шёл рядом. Они пересекли двор и скрылись за припаркованным светлым фургоном. Через несколько секунд автомобиль тронулся.

— Можно увидеть, кто сел внутрь? — спросила Ингрид.

— Нет. Кузов заслоняет двери. И водитель не попадает в кадр. Теоретически в машине мог находиться третий человек.

Нора приблизила несколько кадров. На одном из них из рукава фигуры в капюшоне показалась кисть. Элиас попросил вернуть исходное изображение, прежде чем увеличение окончательно превратит пальцы в размазанные квадраты.

— Рука кажется тонкой, — сказал Юнас.

— Пол по этому кадру не установим, — ответила Ингрид. — И мы ещё не доказали, что крупный мужчина — Рууд. Нужны другие камеры и проверка одежды.

Нора кивнула. Государственный номер фургона частично скрывала грязь; марку и владельца уточняли. Ингрид поручила сохранить исходный файл, время записи и копию с отмеченными кадрами отдельно, чтобы никто позднее не принял обработанную версию за оригинал.

К концу дня установили, что светлый коммерческий фургон числился за небольшой фирмой по обслуживанию зданий и был сдан в аренду. Человек, указанный в документах как водитель, сообщил, что перевозил инструменты и пассажиров не помнит. Он не был допрошен по существу: требовались маршрут, сведения об аренде и записи камер вдоль дороги.

Ингрид отложила телефон. Она только что снова пыталась связаться с Далем и получила сообщение: «Сейчас занят. Свяжусь завтра».

— Он, пожалуй, самый занятой человек в Осло, — заметила она, показывая экран Элиасу.

— Возможно, он просто не хочет говорить без документов.

— Тогда подготовим документы. И вопросы, на которые нельзя ответить одним словом.

Она закрыла папку. В соседней комнате кто-то ел у рабочего компьютера, не отрываясь от экрана. Было уже поздно, а перед ними лежал список дел на завтра: архив фирмы Даля, сотрудница Марианне, другие квартиры на площадке Эвы, управляющая компания гаража и маршрут фургона. Из этих пунктов ещё не складывался обвинительный акт. Только рабочий день, который не закончился к ужину.

. . .

Рагнхильд Эвенсен сидела у окна, когда позвонили. За день она успела дважды переложить рождественские открытки и постирать маленькое кухонное полотенце, которое вовсе не требовало стирки. После разговора с полицией она решила больше не смотреть в глазок без причины. Но привычки, выработанные за много лет, не исчезают от одного решения.

Было почти девять. За дверью стоял человек в тёмной одежде. Лица она не различила: на площадке горела только лампа у лестницы.

— Кто там?

Ответа не последовало. Человек поднял руку, и Рагнхильд увидела белый конверт. Его оставили у порога. Шаги пошли вниз; несколько ступеней скрипнули, затем хлопнула дверь подъезда.

Рагнхильд дождалась тишины и только тогда сняла цепочку. Конверт был без адреса. Она принесла его на кухню, раскрыла за краешек и вынула фотографию. Старый снимок, пожелтевший по углам: за столом четверо мужчин и женщина. Деревянные стены позади них, чьи-то поднятые бокалы. Эва на фотографии отсутствовала.

Имена Рагнхильд не знала. Но одного мужчину увидела когда-то вживую — он приходил к Эве зимой, несколько лет назад. После того визита соседка попросила её никому о нём не говорить. Рагнхильд тогда не стала спрашивать почему.

На обороте короткая надпись: «Она вспомнила слишком поздно».

Женщина опустилась на стул. Долго смотрела на слова, пытаясь понять, к кому они обращены — к Эве, к ней самой или к незнакомому человеку на фотографии. Потом позвонила Ингрид.

— Мне что-то оставили под дверью, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Я не знаю, кто. Здесь фотография. И один из людей на ней бывал у Эвы.

— Вы сейчас одна?

— Да.

— Закройте дверь. Ничего больше не трогайте и не открывайте незнакомым. Мы приедем.

Элиас в управлении уже выключал ноутбук, когда Ингрид поднялась из-за стола и взяла ключи. На этот раз она не стала объяснять по дороге; он узнал только, что Рагнхильд получила фотографию пяти человек. Остальные сведения они решили зафиксировать непосредственно у свидетельницы.

Рагнхильд впустила их после того, как Ингрид назвала себя. Конверт лежал рядом с чашкой, фотография — в прозрачном бытовом пакете. Рагнхильд объяснила, что сама переложила снимок, стараясь не касаться изображения. Ингрид записала это: контакт с предметом уже был, и скрывать его не имело смысла.

Элиас наклонился к столу, не доставая фотографию из пакета. Четверо мужчин и одна женщина. Мужчина справа показался ему знакомым, но он дождался, пока Рагнхильд сама ответит на вопрос Ингрид.

— Кого вы узнали?

Свидетельница указала на того же мужчину.

— Его. Он приходил к Эве. Был снег, я хорошо помню мокрые следы на лестнице. Эва попросила меня не говорить об этом визите.

— Когда это было?

— Не назову год. Несколько лет назад. Зимой.

— Вы слышали их разговор?

— Только одну фразу. Эва сказала: «Ты обещал, что это никогда не всплывёт».

Ингрид не предложила ей фамилию. Лишь попросила описать человека таким, каким Рагнхильд его помнила, прежде чем они покажут ей какие-либо другие снимки. Женщина назвала прямой нос, причёску, манеру держаться на пороге. Элиас узнал на снимке Хенрика Даля — моложе, чем сегодня днём, но с теми же чертами лица. Его собственное узнавание было отдельным обстоятельством, не заменявшим опознания свидетельницы.

— Это не обязательно тот, кто принёс конверт, — сказала Ингрид, когда Рагнхильд закончила. — И нам ещё предстоит выяснить, когда сделан снимок.

— Я понимаю, — ответила Рагнхильд. — Но мне кажется, Эва меня предупредила. Тогда, давно. А я ничего не сделала.

Элиас посмотрел на старую рождественскую фотографию в рамке на шкафу. Четыре женщины, бумажная скатерть и стаканы после праздника. Иногда люди всё же что-то делают: сохраняют незначительный снимок, отвечают на звонок, спустя годы находят силы исправить показания. Просто это не всегда похоже на помощь в тот момент, когда происходит.

После осмотра конверт и фотографию передали криминалистам с описанием того, кто к ним прикасался. Ингрид поручила проверить происхождение бумаги, место и время съёмки, личности всех изображённых. Сначала — без предположения, что речь обязательно идёт о пятерых из файла Эвы.

В управлении Элиас поставил рядом две копии: список «Пятеро» и новый снимок. Имена не совпадали с лицами автоматически. Он указал на единственную женщину за столом.

— Если это те самые пятеро, где Эва? — спросил он.

— Возможно, она фотографировала. Или вообще не была там, — ответила Ингрид. — А может, перед нами не люди из файла.

— Тот, кто принёс снимок, мог рассчитывать, что мы их свяжем.

— Или рассчитывал, что Рагнхильд узнает Даля и наконец заговорит. Это пока две разные цели.

Ингрид сняла со стены свободную магнитную полоску и положила её под фотографией, не прикрепляя фамилии к другим лицам.

— Завтра начнём с самого снимка, — сказала она. — Не с догадки о том, кто должен на нём быть.

. . .

Хенрик Даль получил сообщение поздно ночью. Телефон вибрировал на стеклянном столе в его кабинете. За окнами, над гаванью, ещё держалось неяркое летнее свечение; в соседних зданиях почти все окна были погашены.

«Они нашли фотографию».

Даль перечитал сообщение и ответил: «Какую?»

На этот раз ждать не пришлось.

«Ту, которую ты должен был уничтожить».

Он потянулся к бокалу, но не отпил. Потом набрал: «Нам нужно поговорить».

Экран оставался тёмным достаточно долго, чтобы он успел открыть список контактов и закрыть его. Наконец пришёл ответ:

«Ты уже однажды обещал, что никто ничего не узнает».

Даль положил телефон экраном вниз. В кабинете шумела вентиляция, с улицы донёсся короткий гудок автомобиля. Он выдвинул нижний ящик стола. Среди старых визиток и запасного зарядного устройства лежал маленький ключ без бирки. Даль взял его в ладонь, постоял у окна и только потом спрятал в карман.

Глава 5. Часы мертвеца

Мари Рууд сняла коробку с верхней полки кухонного шкафа и сразу поставила на стол, словно боялась передумать. Картон размяк по углам, на крышке ещё держалась наклейка с медвежонком и воздушным шаром. Дочь давно выросла из тех ботинок, для которых её когда-то покупали. Теперь в коробке хранилось то, о чём Мари почти не думала: остатки жизни отца, не поместившиеся в обычные семейные воспоминания.

Она освободила место среди квитанций и детских рисунков, которые утром разбирала перед работой. В раковине лежала невымытая кружка. За открытым окном сосед передвигал на балконе складные стулья; жаркий день обещал смениться дождём, но пока в комнате было душно.

— Я не открывала её после того звонка, — сказала Мари. — В мае он вдруг спросил, не выбросила ли я вещи из старого дома. Я ответила, что не знаю. Он попросил посмотреть и оставить всё как есть.

Ингрид Мёэн не торопила её. Она сидела напротив, положив на стол закрытый блокнот, а Элиас Виртанен остался у кухонной двери. Мари было тридцать пять. В двадцать она проводила Томаса из дома, а потом научилась поддерживать с ним отношения открытками, редкими разговорами и вопросами, на которые можно ответить «всё нормально».

— Почему именно в мае? — спросила Ингрид.

— Я тоже спросила. Он сказал: надо разобрать документы, пока они не пропали. Поначалу я подумала, что у него неприятности со здоровьем. Но он рассердился, когда я об этом заговорила.

— Вы помните, он хотел забрать коробку или просто узнать, что она у вас?

Мари подумала.

— Сначала узнать. Потом сказал, что приедет. Не приехал.

Она сняла крышку. Под сложенным куском серой ткани лежали служебные удостоверения с выцветшими фотографиями, две медали за выслугу, тонкая пачка снимков, связка ключей и мужские наручные часы. Металлический браслет местами потемнел, на стекле через цифру семь шла трещина. Мари осторожно отодвинула ткань, не беря часы в руки.

— Вы прежде их видели? — спросил Элиас.

— У папы было несколько пар часов. Он мог менять их. Эти не помню.

— Вы знаете, как они попали к нему?

— Нет. И мне странно, что теперь надо отвечать даже на такой вопрос.

В ответе не было враждебности. Только усталость человека, которому сообщили, что исчезновение отца снова превращает её кухню в место для полицейских разговоров.

Ингрид придвинула коробку ближе к лампе и попросила Мари пока не перемещать вещи. При их осмотре на месте она отметила расположение предметов, а Элиас сфотографировал коробку с разрешения хозяйки. Часы лежали тыльной стороной вверх. Гравировка была неглубокой, но цифры различались без увеличения.

12.08.1998.

— Дата вам что-нибудь говорит? — спросила Ингрид.

Мари покачала головой.

— Может, какой-то рабочий юбилей? Отец любил отмечать такие вещи. Даже когда дома никто не хотел праздновать.

Элиас взглянул на Ингрид. Кристин Фосс нашли восьмого августа девяносто восьмого. А двенадцатого, если верить материалам дела, Томас Рууд обнаружил возле бетонной стены часы Йонаса Вика.

— Это другие часы, — тихо сказал он, чтобы Мари не пришлось додумывать за них. — Не те, которые тогда нашли рядом с местом преступления.

— Но вы смотрите на них так, будто они оттуда.

— На них стоит дата, которую нам предстоит проверить.

Мари опёрлась ладонями о край стола.

— Я устала узнавать про отца по вашим вопросам. Он ведь и раньше так делал. Исчезал на день, на два. Телефон выключал. Мама говорила, что у него работа.

— Это было после дела Кристин? — спросила Ингрид.

— После него он вообще стал другим. Днём сидел с газетой, а ночью ходил проверять дверь. Не знаю, кого ждал. Мама пыталась с ним говорить, он срывался на неё. Потом извинялся, иногда приносил цветы. И всё повторялось.

— Вы слышали от него что-нибудь о старом расследовании?

— Один раз. По телефону. Я не помню, кто звонил. Отец стоял в коридоре, думал, я сплю. Сказал: «Если это всплывёт, ты первым от меня откажешься».

Ингрид записала фразу отдельно, не превращая её в показание о преступлении.

— Вы можете сказать, когда это было?

— Я ещё училась. Наверное, вскоре после убийства. Но я тогда не считала годы. Просто запомнила, что он говорил гораздо тише, чем обычно. И что утром у нас опять не было разговоров за завтраком.

— Вы когда-нибудь спрашивали его, что он имел в виду?

— Нет. — Мари поправила на столе салфетку, которой никто не пользовался. — Когда тебе двадцать, кажется, что можно уйти из дома и больше никогда не возвращаться к таким вещам. Но вот вы здесь.

Они не стали заставлять её восстанавливать точное число по памяти школьницы. Ингрид объяснила, как будут оформлены добровольная передача коробки, перечень вещей и отдельная упаковка часов. Мари внимательно прочла бумаги, спросила, можно ли получить копию, и лишь после этого подписала. За её спиной продолжал скрипеть соседский стул. Обычный звук, на который никто из троих уже не обращал внимания.

Когда они уходили, Мари задержала Элиаса у двери.

— Если он жив, вы найдёте его раньше, чем кто-нибудь решит, что он виноват?

— Мы ищем человека, а не подтверждение заранее выбранной версии, — ответил Элиас. — Но не стану обещать вам сроков.

— Хорошо. Хотя бы это.

. . .

Ингрид вела машину сама. Рядом с коробкой, уложенной в транспортную упаковку и отмеченной для передачи на учёт, лежала копия добровольного согласия Мари. На перекрёстках собирались короткие очереди; город жил своим обеденным временем, и из открытых окон кафе пахло кофе и разогретым хлебом. После утренней духоты над крышами потянулись серые облака.

— Двенадцатое августа, — сказала Ингрид, остановившись на красный свет. — Человек хранит часы с датой, когда его подразделение нашло чужие часы. Можно назвать совпадением.

— Можно. Но мы обязаны спросить, что именно эта дата для него значила.

— Вы опять не хотите произносить слово «подбросил»?

— Произносить можно. Только не записывать в графу «установлено».

Она сняла одну руку с руля, чтобы поправить прядь волос, выбившуюся из-за уха.

— Мари сказала, отец звонил в мае. Вскоре после того, как о деле Вика снова начали говорить. Теперь он исчез. Вы тоже видите связь?

— Вижу повод проверить звонки, его поездки и кому он мог доверить вещи. Связь есть в нашей версии. Доказательства появятся, когда сопоставим даты.

— Иногда ваши ответы раздражают.

— Я заметил.

— Не настолько, чтобы попросить вас уехать, — сказала она после небольшой паузы и сама усмехнулась. — Пока.

В управлении уже ждали новые фотографии и запросы по гаражу Рууда. На столе у Норы Санд стояли две пластиковые чашки с остывшим кофе. Юнас Эйде проверял номер арендованного фургона по списку частичных совпадений. Никто не поднялся им навстречу: к середине дня людям было важнее закончить начатое.

— Есть имя женщины с фотографии, — сказала Нора, повернув монитор. — Та, что сидит с краю.

Рядом с пожелтевшим снимком пяти человек за столом открылся более поздний портрет женщины с короткими тёмными волосами.

— Лив Берге. Журналистка. В девяносто восьмом — городская газета, несколько публикаций о Кристин Фосс, в том числе разговор с её матерью. Сейчас работает самостоятельно, пишет для разных редакций. Живёт здесь, в Осло.

Ингрид сняла куртку, но так и осталась стоять.

— А остальных сверили не по одному похожему лицу?

— По нескольким источникам, — ответила Нора. — Вот Даль. Рядом Аксель Брандт. Здесь Томас Рууд. Пятый мужчина пока без имени; качество слишком плохое, чтобы объявить идентификацию. Отдали исходник специалисту.

Юнас подошёл ближе.

— Выходит, на одном ужине были прокурор, полицейский, Даль, журналистка и неизвестный.

— Выходит, они однажды сидели за одним столом, — поправила Ингрид. — Когда, зачем и при каких обстоятельствах — другой вопрос.

Элиас взял распечатку файла Эвы, обозначенного словом «Пятеро», и положил рядом со снимком. Эвы за столом не было. Он уже видел, как легко следствие пытается соединить два перечня только потому, что в каждом одинаковое число людей.

— Пока мы не знаем, относится ли эта фотография к тому файлу, — сказал он.

— Возможно, кто-то рассчитывал, что мы решим обратное, — добавила Нора.

— А возможно, послал её из-за Даля, — ответила Ингрид. — Не будем выбирать замысел отправителя, пока даже не знаем, кто он. Юнас, свяжись с Берге. Пригласи на беседу. И найди оригинал фотографии, если он у кого-то сохранился.

Юнас записал поручение. По пути к столу он остановился:

— А Брандт?

— Пока проверяем время съёмки. И никому не показываем снимок с подписанными фамилиями, если хотим получить независимые узнавания.

. . .

Оригинальные часы Йонаса Вика оставались на учёте среди вещественных доказательств старого дела. Доступ к ним требовал оформления и согласования повторного исследования; Ингрид взяла эту работу на себя. Элиас попросил не открывать запечатанную упаковку ради сравнения с новым предметом, пока не будет уточнена история обоих.

В папке 1998 года сохранилось несколько снимков. На одном часы Вика лежали между мелкими камнями возле бетонной стены: круглый корпус, чёрный ремешок, инициалы «J. V.» на крышке. В протоколе обнаружившим значился Томас Рууд.

Элиас разложил рядом схему первого осмотра, схему повторного и фотографию, сделанную двенадцатого августа. Обозначения не совпадали до миллиметра, но место у стены было одно и то же. В первой схеме стояла пометка об очищении участка от посторонних предметов.

Протокол девятого августа сообщал, что новых предметов, представляющих интерес, не обнаружено. На третьем документе появился крестик — часы Вика.

Он пересчитал даты по календарю: восьмое, девятое, двенадцатое. Между повторным осмотром и находкой было три дня.

Значит ли это, что часы принесли позже? Нет. Они могли лежать там раньше, скрытые камнями или пропущенные людьми. Но слово «очищен» в акте требовало проверки: что именно сделали на площадке и кто подписывал схему?

Элиас попросил копии служебных записей об использованном оборудовании, список участников осмотров и фотографии до перемещения предметов. Затем позвонил Софи в Хельсинки.

— Ты занята?

— Достаточно, чтобы считать это рабочим звонком. Что у тебя?

— Старый осмотр. Металлические часы среди камней возле стены. Участок дважды проверяли, предмет обнаружили через три дня. Как сформулировать вопрос эксперту, чтобы не подсказывать ему ответ?

Софи некоторое время молчала — вероятно, открывала блокнот.

— Начни с условий поверхности и методики. Камни могли закрывать предмет. Кто обследовал, чем, при каком освещении? Если применяли металлоискатель, важно знать настройки и схему прохода. А если его не было, не надо делать вид, будто он обязан был что-то показать.

— В одном отчёте написано «участок очищен».

— Это не равно «каждый сантиметр проверен прибором». Запроси оригинальные листы, пояснения участников и журнал оборудования, если он сохранился.

— А если часы были на поверхности?

— Тогда вероятность пропуска меньше. Но человек, который утверждает, что это невозможно, продаёт тебе красивую историю вместо экспертизы.

Элиас записал последние слова не дословно, а как напоминание отделить вероятности от фактов.

— Спасибо.

— А теперь скажи, чем кончился ваш вчерашний поздний рабочий вечер.

— Почему это имеет отношение к часам?

— Никакого. Просто ты перестал отвечать на вопросы о городе одним словом. Я решила проверить.

— В Осло хорошая еда.

— Поразительное открытие. А коллеги?

Элиас посмотрел на стеклянную перегородку кабинета Ингрид. Она разговаривала с сотрудницей, придерживая папку локтем, и одновременно пыталась открыть дверь ключ-картой.

— Работают много, — ответил он.

— Значит, ещё не всё потеряно.

Софи засмеялась и вернулась к делу. Элиас пообещал прислать ей обезличенное описание схемы после согласования с норвежскими коллегами, если потребуется техническая консультация. Он положил трубку прежде, чем она успела задать ещё один личный вопрос.

. . .

Лив Берге пришла после обеда. Ей было сорок два; короткие каштановые волосы были уложены без особой тщательности, на сумке потёрся ремень, а взгляд человека, привыкшего первым задавать вопросы, выдавал раздражение от смены роли. Прежде чем сесть, она спросила, почему её вызвали именно сейчас.

— Нам передали фотографию, — ответила Ингрид. — Мы хотим установить, где и когда её сделали. Вы согласны поговорить?

Лив положила телефон экраном вниз.

— Даль звонил мне вчера. Спрашивал, сохранились ли у меня снимки с одного ужина. Я подумала, вы тоже до него добрались.

— Что именно он спрашивал?

— Есть ли старые негативы. Я сказала, что не знаю. Он не пояснил, зачем они ему понадобились.

Элиас подвинул к ней копию, не называя никого из изображённых. Лив посмотрела и почти сразу указала на край стола.

— Здесь я.

— Вы помните место?

— Загородный дом Брандта. Осень девяносто восьмого. С какой-то стороны от Осло, я тогда ехала с коллегой. Адреса не сохранила.

— До суда над Йонасом Виком?

— Да.

Ингрид попросила описать вечер своими словами. Лив начала не с преступления, а с того, как неловко чувствовала себя за столом: чужой дом, люди старше её, разговоры о том, что следует печатать и каких слов лучше избегать в заголовках. На кухне всё время кто-то звенел посудой, а в комнате было слишком тепло. Несколько таких деталей ничего не доказывали, но позволяли понять, что у неё есть собственное воспоминание, а не только вчерашний звонок Даля.

— Брандт пригласил меня как журналистку, — сказала она. — Я писала о деле, и он хотел обсудить, что будет опубликовано. Сейчас это звучит сомнительно. Тогда я думала, что получаю доступ к человеку, который знает больше других.

— Кто ещё присутствовал? — спросил Элиас.

— Брандт, Рууд, Даль. — Она по очереди показала мужчин. — И тот, у окна.

— Его фамилия?

— Не вспомню.

— Чем он занимался?

— Кто-то говорил, что он связан с документами или экспертизой. Но это могло относиться к другому гостю. Я не записывала присутствующих.

Ингрид обратила внимание на оговорку. В дальнейшую проверку следовало вынести обе версии — специалист по документам и человек, которого журналистка могла просто перепутать.

— Вы знали его до встречи?

— Нет. По крайней мере не помню, чтобы знала.

— А потом встречались?

— Я бы не узнала его на улице сейчас. Это честный ответ.

Лив убрала руку со снимка. Несколько секунд она внимательно рассматривала лицо Кристин Фосс на отдельной фотографии, лежавшей в папке Ингрид.

— В тот вечер говорили не только о Вике, — сказала она.

— О чём ещё?

— О Кристин. О том, что она собиралась сделать перед смертью.

Ингрид пододвинула блокнот, но не перебила.

— За несколько дней до убийства она позвонила в редакцию. Хотела встретиться со мной. Я прежде писала о злоупотреблениях в молодёжном учреждении, и она сказала, что один человек пользуется своим положением. Имени не назвала. Мы договорились увидеться на следующий день. Она не пришла.

— Вы звонили ей? — спросил Элиас.

— Несколько раз. Ответа не было. Потом появились сообщения об убийстве.

— Вы рассказали об этом следствию?

— Рууду. Я тогда ещё считала, что если полицейский что-то записывает, оно обязательно остаётся в деле.

Ингрид не сказала, что такого сообщения в просмотренных папках нет. Сначала попросила назвать обстоятельства передачи: где они виделись, кто присутствовал, было ли письменное обращение. Лив вспомнила короткий разговор, но не смогла уверенно назвать ни дату, ни помещение. Ингрид всё записала, не заполняя пробелы собственными предположениями.

— Он обещал проверить, — продолжила Лив. — Позже позвонил Брандт. Сказал, что мои слова могут помешать расследованию, что подозреваемого уже установили. Ещё сказал, что Кристин была эмоционально нестабильна и могла преувеличивать. Я не знала, правда ли это.

— Но публикации не было, — заметил Элиас.

— Не было.

— Почему?

Лив откинулась на спинку стула. За дверью кто-то спросил, свободен ли аппарат для копий. Она дождалась, пока шаги удалятся.

— Мне было двадцать семь. Я хотела стать журналисткой, которой доверяют серьёзные люди. Брандт говорил уверенно, очень спокойно. Объяснял, что непроверенная история может причинить боль родителям погибшей. Наверное, часть его слов была разумной. Мне было удобно в это поверить.

— Вы сохранили записи разговора с Кристин?

— Искала после того, как Даль вчера позвонил. У меня остались старые блокноты, но не знаю, цел ли нужный. Я проверю. И не стану утверждать, что там обязательно есть её имя.

— Проверим вместе в установленном порядке, — сказала Ингрид. — И нам понадобится уточнение по звонку Брандта.

Лив посмотрела на фотографию пятого мужчины.

— Он за столом почти не разговаривал. Это всё, что я могу добавить. Не знаю, почему именно его сейчас не могу вспомнить.

Когда она вышла, Ингрид закрыла дверь, чтобы разговор в коридоре не отвлекал.

— Брандт мог знать, что Кристин собиралась обратиться к прессе, — сказала она. — Но пока это слова Берге.

— И Рууд мог получить сообщение, которого нет в изученных материалах.

— «Мог» — правильное слово. Найдём её записи, журналы поступивших сообщений, другие копии дела. Лив могла ошибиться. Могли потерять бумагу. А могли убрать намеренно.

Элиас задержался у стола, где осталась копия фотографии.

— Пятый мужчина тебя не беспокоит?

— Беспокоит то, что все остальные стали определёнными слишком быстро. Нора проверит источники опознания. И нам не нужен человек, которого мы назначим загадочным только потому, что не нашли фамилию.

— Согласен.

Ингрид сложила документы в папку. Она не выглядела довольной полученными ответами, но у них впервые появился конкретный маршрут проверки старого журналистского сообщения. По сравнению с догадкой это было немало.

. . .

Ближе к вечеру поступила служебная записка о предварительном осмотре часов из коробки Рууда. Специалист описал гравировку как выполненную отдельно от заводской маркировки. Дата могла быть нанесена уже после изготовления корпуса; установить, когда именно это произошло, по первичному осмотру не представлялось возможным. Никакого заключения о связи часов с убийством Кристин записка не содержала.

Ингрид читала её, стоя возле стола Элиаса.

— Если мы будем ждать от каждого предмета признания, — сказала она, — работать придётся до пенсии.

— Этот уже сообщил дату. Осталось выяснить, почему она нужна была Рууду.

Элиас открыл журнал регистрации лаборатории 1998 года. Рядом лежал протокол обнаружения часов Вика. В одном документе часы числились поступившими утром двенадцатого августа. В другом их находка была оформлена во второй половине того же дня.

Ингрид несколько раз проверила строки. Цифры не менялись.

— Протокол могли написать позже фактического осмотра, — сказала она.

— Да. Могли ошибиться при регистрации, внести данные задним числом или перепутать часы в журнале. Мы ещё даже не видели оригиналы обеих записей.

— И всё же запись об утреннем поступлении есть.

— Есть копия записи. Это важно различать.

Она положила лист на стол так, чтобы не закрыть время.

— Тогда завтра Юнас найдёт оригинал журнала и сведения о сотруднике, принимавшем предмет. Попробуем установить, когда его доставили и кто был при оформлении. Составим отдельную хронологию, не называя ни одну запись ложной заранее.

— И поговорим с Виком. У него могут быть сведения о том, когда часы исчезли.

Ингрид кивнула. На другом конце кабинета кто-то уже опустил жалюзи. За окном стоял летний вечер; в стекле отражались лампы и люди, которые собирались домой, оставляя рабочие куртки на спинках стульев.

— Вы ели сегодня? — спросил Элиас.

— Йогурт утром и половину бутерброда, когда Юнас искал распечатки. Это считается?

— Как показание — нет. Как причина раздражения — вполне.

Она рассмеялась неожиданно громко, потом потёрла запястье, усталое от постоянных записей.

— Побаливает? — спросил он.

— Когда пишу много. Врач велел чаще делать перерывы. Ужасно непрактичный совет для полиции.

— Он, вероятно, рассчитывал, что вы его проигнорируете и всё равно придёте снова.

— Не исключено.

Ингрид убрала бумаги и выключила настольную лампу. В коридоре они не спешили к лифту. За дверью комнаты отдыха сотрудник обсуждал по телефону школьные занятия ребёнка, пытаясь договориться, кто утром отвезёт его к бабушке. Элиас подумал, что такие вопросы, отложенные ради работы, никуда не исчезают. Они просто ждут человека дома.

— Вы когда-нибудь хотели начать жизнь в другом городе? — спросила Ингрид.

— Несколько раз. Почему?

— Сегодня Лив рассказывала, как сделала выбор, который потом годами объясняла себе чужими словами. Иногда я думаю, что некоторые вещи тоже надо было решать раньше. Не обязательно в работе.

Он не стал просить её назвать эти вещи.

— Я переезжал, — сказал Элиас. — Помогало не всегда. Но иногда полезно хотя бы узнать, чего именно не можешь оставить позади.

— Это очень финский ответ.

— А норвежский?

— Мы сначала купили бы домик у моря, а потом долго спорили, где поставить стол.

Лифт приехал. Они вошли, и Ингрид впервые за день перестала смотреть на часы над дверью. Элиас поймал себя на том, что ему не хочется заканчивать разговор, хотя говорить было больше не о чем.

— Вам ведь сорок восемь? — спросил он, когда двери снова открылись.

— Сорок восемь. Вы ведёте собственное дело о моей биографии?

— Просто помню служебные сведения.

— Очень романтично, — сухо сказала она, но улыбнулась.

Они разошлись у выхода. Ингрид направилась к машине, Элиас — к остановке, откуда можно было добраться до гостиницы. Он не оглянулся сразу. Когда всё же посмотрел, она уже открывала дверцу, но подняла руку на прощание. И этого оказалось достаточно, чтобы обычный конец рабочего дня запомнился ему яснее многих важных разговоров.

. . .

В ту же ночь Хенрик Даль снова открыл нижний шкаф в кабинете. Маленький ключ, который он носил в кармане с предыдущего вечера, с трудом повернулся в замке. За окнами ещё сохранялась светлая полоса над крышами; вентиляция работала громче, чем днём, потому что в коридорах стало пусто.

Внутри лежала тонкая папка без надписи. Он выложил на стол три листа. Копия старого медицинского заключения, фотография Кристин Фосс и короткая записка, сложенная пополам. У первого листа оторвался уголок; Даль попытался расправить его и оставил в покое.

Он позвонил по номеру, который не был подписан именем. Ответили почти сразу.

— Нам нужно встретиться, — сказал Даль.

— Мы уже говорили об этом.

— Тогда речь шла о фотографии. Теперь они нашли часы.

На другом конце ненадолго замолчали.

— Какие?

— Не надо. Ты знаешь, о чём я.

— Хенрик, ты не можешь звонить каждый раз, когда полиция задаёт вопрос.

Даль посмотрел на запись, лежавшую перед ним.

— Я больше не собираюсь отвечать за это один.

Собеседник что-то сказал тихо. Даль не перебил, хотя слова явно ему не понравились.

— Я слышал тебя. Встретимся лично.

Он отключил вызов и положил первые два листа обратно в папку. Записка осталась на столе. Шесть слов, которые он когда-то счёл достаточной инструкцией:

«Часы должны появиться после второго осмотра».

Даль прочитал их ещё раз. В тексте не было имени того, кто должен был это сделать. Не было объяснения, почему записку сохранили. Он сложил бумагу по прежнему сгибу, но в папку не вернул. Утром он решит, куда её убрать. Сейчас не хотелось снова поворачивать ключ в замке.

. . .

Утром Ингрид получила сообщение от Юнаса ещё до того, как успела снять плащ.

«Есть подтверждение по журналу лаборатории. Часы Вика действительно зарегистрированы до времени, указанного в протоколе обнаружения. Проверяем оригиналы и возможные исправления».

Элиас вошёл в кабинет с двумя бумажными стаканами кофе. Ингрид протянула ему телефон, не объясняя ничего заранее. Он прочёл сообщение и поставил один стакан на свободный край стола.

— Нам нужно установить, кто фактически доставил часы, — сказал он.

— По старым бумагам — Рууд. Но это пока запись, которую надо сверить.

— Кто принял предмет. Когда отметку внесли в журнал. И почему протокол обнаружения показывает другое время.

— Ты уже думаешь, что его подбросили?

— Думаю, что порядок событий нельзя восстановить по одной копии документа. Если Рууд ошибся, это надо установить. Если запись переписали позже — тоже.

Ингрид открыла папку с делом Вика и нашла лист, который накануне отложила в сторону. Пятнадцать лет назад часы с инициалами «J. V.» стали одним из предметов, связанных с обвинением. Теперь сами записи о них могли оказаться не менее важными, чем металл и ремешок.

— Поедем к Йонасу, — сказала она. — Пусть расскажет, когда и где потерял свои часы. С самого начала. Без наших версий.

Элиас кивнул и придвинул к себе лист с двумя отметками времени. Между ними оставался промежуток, который не могли объяснить ни часы, ни подпись под протоколом. Он запомнил место расхождения, прежде чем отложить бумагу. Теперь им предстоял разговор с Йонасом — без подсказанного ответа.

Глава 6. Человек после тюрьмы

Через три недели после освобождения Йонас Вик купил на вокзале часы за сто девяносто крон. В отделе электроники было людно; за его спиной мальчик упрашивал мать купить наушники, кассирша жевала жвачку и спрашивала, нужен ли чек. Йонас долго выбирал между двумя одинаковыми пластиковыми корпусами, хотя разница заключалась лишь в цвете кнопок. Ему казалось неприличным занимать столько чужого времени из-за дешёвой вещи.

В тюрьме у него не было часов. Утро начиналось, когда открывали двери, обед — когда приносили тележку, а вечер определялся звуком ключей в коридоре. Сначала он считал дни. Потом перестал: считать оказалось легче, чем ждать ответа на вопрос, зачем отбывать срок за смерть человека, которого он не убивал.

На свободе отсутствие распорядка оказалось не подарком, а отдельной работой. В понедельник Йонас пришёл в муниципальную контору за полчаса до открытия и простоял под дождём, не заметив таблички с часами приёма. В среду забыл, что назначенную встречу можно перенести обычным звонком. Он по-прежнему спрашивал разрешения там, где достаточно было сказать о своём намерении.

Новые часы были нужны прежде всего ради дня недели. В тюрьме вторник отличался от четверга без всякого календаря, а здесь каждая суббота внезапно становилась похожа на вторник. Йонас несколько раз просыпался до рассвета, одевался и только потом понимал, что никто не ждёт его на проверке.

Теперь часы лежали на кухонном столе, рядом с надорванной упаковкой батареек, купленных не того размера. Экран погас вчера. Йонас мог бы сходить в магазин, но пока оставил всё как есть. Из окна виднелись мастерская внизу, остановка и полоса парковочных мест, на которой машины менялись в течение дня. За пятнадцать лет он привык наблюдать, как люди уходят, а теперь наблюдал, как они приезжают.

Серый «Вольво» остановился у мастерской чуть в стороне от подъёмника. Из него вышли мужчина и женщина. Женщина подняла голову, сверяясь с номером дома; мужчина отступил с проезда, пропуская автомобиль клиента.

Йонас узнал обоих. Элиас Виртанен и Ингрид Мёэн.

Первым побуждением было отойти от окна и выключить свет, хотя утро стояло светлое. Он знал, что полиция уже не может войти в его квартиру так, как приходила за ним пятнадцать лет назад. Всё же тело отреагировало раньше рассудка: плечи собрались, пальцы стиснули край занавески.

На кухне лежали две тарелки. Йонас убрал одну в шкаф, потом вернул на стол. Сын вчера действительно приходил. Не было смысла устраивать комнату так, будто в ней никто, кроме хозяина, никогда не бывал.

Он открыл дверь до того, как Ингрид нажала звонок.

— Вы рано, — сказал он.

— Мы не договаривались о времени, — ответила она. — Если неудобно, можем приехать позже.

Йонас посмотрел на стоящего за ней Элиаса. Тот держал в руках тонкую папку, а не диктофон или пакет для изъятого.

— В прошлый раз вы тоже сказали, что не будете возвращаться к моей виновности.

— И не будем, — сказала Ингрид. — Сегодня вопрос о часах.

— Я уже рассказал всё про часы.

— У нас появились два документа, которые противоречат друг другу. Хотим понять, что именно вы помните, а не подогнать ваш рассказ под них.

Он помедлил, пропуская мимо себя людей, которые могли снова потребовать от него объяснений. На этот раз выбор открыть дверь всё-таки принадлежал ему.

— Проходите. Обувь можно не снимать. Пол ещё не мыл.

В квартире пахло хлебом, который Йонас купил по дороге из магазина. На газетном листе подрезали сыр. Рядом лежала раскрытая страница с фотографией Эвы Нюгорд; увидев взгляд Элиаса, Йонас перевернул газету. Не из вежливости. Ему хватило собственного лица в старых вырезках.

Ингрид села у стола. Элиас выбрал стул напротив окна, так что солнечный свет не падал Йонасу в глаза. Папка открылась на копиях двух листов, но следователь не стал сразу разворачивать их к хозяину.

— В журнале лабораторной регистрации стоит одно время поступления часов с вашими инициалами. В протоколе обнаружения — другое, более позднее, — сказала Ингрид. — Мы выясняем, кто, когда и на каком основании внёс эти записи.

Йонас отвёл взгляд от бумаг.

— Вы хотите сказать, что часы кто-то принёс заранее?

— Это один из вариантов. Есть и другие: ошибка записи, позднее оформление протокола, исправление времени. Пока мы не установили порядок действий, делать вывод нельзя.

— Пятнадцать лет вы объясняли мне, что всё записано правильно. Теперь всё вдруг может быть ошибкой.

— Понимаю, почему это звучит издевательски, — сказала Ингрид.

— Нет, — перебил он. — Не понимаете. В суде из-за этих часов люди переставали меня слушать. Им не нужны были остальные слова.

В мастерской внизу ударили железом по железу. Йонас не вздрогнул, но быстро повернул голову, будто ждал продолжения звука. Элиас заметил его движение и ничего не сказал.

— Я не прошу вас снова доказывать, что вы невиновны, — сказал он. — Нам нужны проверяемые обстоятельства пропажи. Те, которые существовали независимо от судебного дела.

— Вы тоже не верите, что их подбросили?

— Я допускаю такую возможность. Но если мы назовём её установленным фактом раньше времени, любой адвокат разобьёт этот вывод на первом же вопросе. А ошибка снова ударит по вам.

Йонас усмехнулся без удовольствия.

— Разумно. Наверное, именно это я должен был услышать пятнадцать лет назад.

Элиас выдержал паузу, не пытаясь оправдывать чужую работу.

— Можем начать с места, где часы пропали?

Йонас принёс из кухни стакан воды, хотя никто не просил. Выпил половину стоя, поставил его слишком близко к краю стола и придвинул обратно.

— На работе. Мастерская под домом. Я снимал часы, когда лез к двигателю. Ремешок цеплялся за кромку, а запястье всё время пачкалось маслом. Положил на верстак, рядом с ящиком для инструментов.

— В тот день вы их больше не надевали?

— Нет. После работы вернулся, часов не было.

— Сколько дней оставалось до смерти Кристин?

— Несколько. Я всегда говорил: до. Точную дату тогда не записал.

— Кто был в мастерской?

— Оле, хозяин. Два механика. Стажёр ещё. Клиенты приходили и уходили. Дверь летом стояла открытой, если не работал компрессор.

— Стажёра помните по имени?

— Матс Хольм. Племянник Оле. С тех пор не видел.

Ингрид повторила имя и попросила уточнить, кто помогал искать пропажу.

— Матс, — сказал Йонас. — Заглянул под верстак, вытащил ящик с тряпками. Мы даже сливную решётку проверили. Тогда я ругался из-за часов. Сейчас смешно вспоминать.

Он отставил стакан.

— Нет, не смешно. Всё время думаю, что должен был в тот день оставить их дома. Или сообщить о пропаже. Или купить новые. Найти один правильный поступок, после которого ничего бы не случилось.

— Вы не могли знать, что случится, — произнесла Ингрид.

— А кто-то, возможно, знал. Вот это вы и пытаетесь проверить?

Она не стала отвечать за результат, которого ещё не было.

Элиас спросил, говорил ли Йонас о пропаже Томасу Рууду при первом допросе.

— Сказал сразу. Он спросил, где часы, и я ответил, что потерял в мастерской.

— Он показывал вам фотографию предмета?

— Нет. Я бы запомнил.

— А гравировку упоминал?

Йонас прижал язык к внутренней стороне щеки, возвращаясь мысленно в комнату с серым столом и плохо закрывавшимся окном. За годы он видел её столько раз во сне, что уже не был уверен, какие мелочи там были в действительности.

— Кажется, да. Спросил, мои ли инициалы на задней крышке.

Элиас не спешил записывать. Ингрид подала Йонасу распечатку страницы стенограммы.

— Здесь есть ваши слова о пропаже. О том, что Рууд назвал инициалы раньше предъявления, записи нет.

Йонас прочёл отрывок, двигая лист поближе к свету. Потом вернул его.

— На суде я пытался объяснить, что он уже всё знал.

— Вы уверены, что говорили именно о гравировке? — уточнила Ингрид.

Долгое время Йонас смотрел на белое поле внизу страницы.

— Нет. Уверен только, что он расспрашивал о часах. Я тогда ещё надеялся, что их найдут в мастерской. Может, инициалы появились в памяти позже, когда мне сотни раз показывали ту фотографию.

— Мы так и запишем, — сказал Элиас. — Что вы допускаете смешение воспоминаний.

— Прокуратура обрадуется.

— Нам важно получить точный рассказ, а не удобный.

Йонас выпрямился. Он не благодарил: слишком часто за доброжелательными словами следовали вопросы, ответы на которые уже считались неправильными.

Ингрид закрыла папку и спросила, получал ли Йонас после освобождения угрозы или необычные звонки.

— Журналисты до сих пор звонят. Одни спрашивают, каково мне начинать новую жизнь, другие уверены, что я должен признаться и оставить семью Кристин в покое. Писали незнакомые люди, будто знают меня лучше сына.

— А участники старого дела? Кто-нибудь связывался?

— Не называли себя.

Он встал за водой, снова остановился у кухонного стола. Там стояла тарелка с половиной бутерброда, хлеб по краю подсох.

— Вчера сын приходил, — сказал он неожиданно. — Пытались поужинать. Он спросил, почему я всё время возвращаюсь к Кристин.

Ингрид не открывала блокнот.

— Что вы ответили?

— Что для него прошло пятнадцать лет, а для меня в каком-то смысле ничего не прошло. Он был мальчишкой, когда меня увезли. Теперь разговаривает со мной так, будто я не умею оплачивать счета и пользоваться автобусом. И бывает прав.

— Ссора из-за расследования?

— Из-за того, что он хочет отца, которого можно пригласить в гости, а не человека, которого журналисты ждут у подъезда. Он ушёл, пока чайник кипел. Бутерброд остался.

Йонас взял со стола тарелку, но не убрал. Снизу донёсся визг пневматического ключа. Он резко обернулся к двери, затем увидел в руках посуду и коротко выдохнул.

— На свободе никто не запрещает мне выйти на улицу, — сказал он. — Только я иногда выбираю остаться дома.

Ингрид спросила, не удобнее ли сделать перерыв. Йонас отрицательно качнул головой.

— Несколько недель назад звонила женщина. Номер не определился. Я сказал, что больше не разговариваю с журналистами, а она спросила, помню ли Кристин.

Элиас снова взял ручку.

— Она назвала себя?

— Нет. Я ответил, что помню. Тогда она сказала: «Вы должны помнить и то, что она боялась». И отключилась.

— Дословно?

— Эту фразу помню хорошо. Она меня разозлила. Будто я обязан был знать всё, что чувствовала Кристин, когда мне самому никто ничего не говорил.

— Вы сохранили сведения о вызове?

— В телефоне, наверное. Я почти не умею с ним обращаться.

— Мы можем объяснить, как сохранить запись в журнале вызовов и передать её для проверки, — сказала Ингрид. — Без вашего разрешения ничего из телефона сейчас брать не будем.

Йонас достал аппарат из ящика с письмами и чеками. Экран был в трещине от падения, которое он не мог вспомнить. Когда Ингрид показала, где искать историю звонков, он проследил за её пальцем так внимательно, будто учился чему-то более сложному, чем простое движение по экрану.

Перед уходом Элиас попросил разрешения спуститься в мастерскую. Йонас указал на дверь под навесом.

— Если Оле до сих пор ведёт журналы, спросите про них. Тогда он всё записывал. Мне казалось, у него в бумагах даже время, когда лампа над верстаком перегорала, можно было найти.

— Вы сами не хотите пойти с нами? — спросила Ингрид.

— Пока нет. Там меня когда-то все знали другим человеком.

Он проводил их до порога. Когда дверь закрылась, Йонас не сразу вернулся в комнату. Прислушался к шагам на лестнице, дождался, пока хлопнет наружная дверь. Только потом поставил на кухонный стол вторую тарелку — ту, которую утром едва не спрятал.

. . .

Автомастерская занимала первый этаж и половину двора. Под навесом стоял разобранный двигатель, рядом сушились на солнце тряпки, чёрные от масла. Внутри шумела вытяжка. Оле Хольм, коренастый седой мужчина с мелкими порезами на пальцах, только что вылез из-под поднятой машины и щурился, пытаясь рассмотреть удостоверение Ингрид на свету.

— Йонас наверху? — спросил он прежде, чем они успели объяснить цель визита.

— Дома. Мы с ним разговаривали, — сказала она.

— Как держится?

— Об этом лучше спросить его самого. Нам нужны сведения о пропаже часов в августе девяносто восьмого.

Оле повесил тряпку на металлический край стола. Сначала посмотрел на Ингрид, потом на Элиаса. В помещении работали ещё двое механиков; хозяин кивнул им, и один убавил громкость радио.

— Я помню часы. Простые, с чёрным ремешком, — сказал Оле. — Йонас каждый день снимал их перед работой. Когда пропали, мы решили, что они завалились за ящики.

— Он говорил, что положил их на верстак, — уточнил Элиас.

— Так и было. Я сам видел, как он там копался. Только не знаю, видел ли часы после того, как он их снял. Это разные вещи.

Ингрид отметила оговорку. Оле говорил с той осторожностью, которая появляется не от страха перед полицией, а от желания не повторить старую ошибку.

— В поисках участвовал Матс Хольм?

— Племянник. Стажировался у нас летом. Сейчас в Ставангере, на грузовых машинах.

— У вас остался его адрес или телефон?

— Могу найти через сестру. Поговорю с ней сегодня.

— Нам нужно связаться с ним самостоятельно, — сказала Ингрид. — И оформить его показания без подсказок о нашей версии.

Оле кивнул.

— У Йонаса всегда была привычка класть инструменты точно на место. В тот день он все полки перебрал. Злился на себя, потому что считал, что сам куда-то переложил часы. Потом пришёл разговор о Кристин, а ещё позже — полиция. Всё смешалось.

— Можете назвать дату пропажи?

— День — нет. До смерти девушки, это помню. У меня был журнал заказов, может, по машинам удастся восстановить. Но сначала нужно найти его в старом шкафу. После ремонта мы часть коробок вывезли на склад.

— Не перебирайте записи ради нас, — сказал Элиас. — Лучше сообщите, где они лежат. Если понадобится изъятие или осмотр, оформим отдельно, чтобы порядок хранения был понятен.

— Вы боитесь, что я лист испорчу?

— Боюсь, что мы через месяц не сумеем объяснить, откуда взяли нужную дату.

Оле долго смотрел на него, а потом неожиданно усмехнулся.

— Вот с этим у ваших коллег в прошлый раз было хуже.

Ингрид спросила, обращалась ли к нему полиция в 1998 году.

— Приходили. Один записывал, другой стоял возле двери. Я рассказывал, что часы искали ещё до убийства. Не помню, кто именно спрашивал. Рууд мог быть, но утверждать не стану.

— На суд вас приглашали?

— Нет. Сначала думал, ещё позовут. Потом услышал приговор по радио.

Оле прислонился бедром к верстаку. На рабочей поверхности проступили старые круги от жестяных банок; возле тисков по-прежнему лежала деревянная подкладка, которую он сделал ещё до ремонта.

— Часы тогда никто не считал дорогими, — добавил он. — Но если Йонас потерял их до смерти Кристин, почему они потом оказались в материалах следствия? Это меня больше всего мучило.

— Этот вопрос остаётся открытым, — ответила Ингрид. — И важно, чтобы вы не меняли воспоминание, пытаясь на него ответить.

Когда они вышли, над двором стоял горячий воздух, от прогретого асфальта пахло пылью. В переулке грузовик пытался развернуться между припаркованными машинами. Ингрид остановилась возле «Вольво», не торопясь садиться за руль.

— Уже два свидетеля говорят, что часы пропали до гибели Кристин, — сказала она.

— Два рассказа спустя пятнадцать лет. Если журнал сохранился, появится возможность проверить дату независимо.

— Ты совершенно не умеешь радоваться хорошим новостям.

— Умею. Просто пока это направление, а не результат.

Ингрид открыла дверь, но не села.

— Йонас вздрогнул от инструмента. Как будто снова оказался в комнате, из которой нельзя выйти.

Элиас посмотрел на окна над мастерской. На одном висела выцветшая занавеска, на другом стояла цветочная банка без растения.

— Не будем объяснять за него то, что он сам не сказал, — ответил он. — Пятнадцать лет заключения не сделали его удобным свидетелем. И не должны.

— Ты прав. Я просто думаю о его сыне. О том, сколько у них осталось незнакомых друг другу лет.

Элиас ничего не ответил. Когда машина отъехала, Оле вышел под навес и вернулся к двигателю. Для него рабочий день продолжался, как продолжался в августе девяносто восьмого. Тот день всё ещё нельзя было вернуть, но можно было найти оставшуюся от него бумагу.

. . .

В управлении Нора ждала их с распечатками старых газет. На экране её компьютера одна за другой открывались страницы, пожелтевшие при сканировании по краям.

— Пятого мужчину на фотографии я пока не установила, — сказала она. — Сравнила с архивами прессы и документами старого дела. Ни одно совпадение не выдержало проверки.

— Значит, оставляем без имени, — сказала Ингрид.

— Зато нашла публикацию Лив Берге. Она вышла за неделю до смерти Кристин Фосс.

Нора передала им распечатку. В статье говорилось о жалобах на сотрудников частного молодёжного центра, получавшего муниципальное финансирование. Имена заявителей редакция не раскрывала. Под фотографией здания значилась дата, но о Кристин там прямо не говорилось.

— Лив рассказывала, что Кристин хотела сообщить ей о злоупотреблениях со стороны взрослого, — напомнила Ингрид.

— Это может быть тот же центр, — сказала Нора. — А может, и нет. Пока совпадают время и тема публикации.

Элиас попросил показать сведения об учреждении. Центр закрыли в начале двухтысячных, по сообщениям тогдашней прессы — после выявления финансовых нарушений. В сохранившемся списке попечительского совета стояла фамилия Акселя Брандта.

Ингрид взяла распечатку ближе к свету.

— Мы знали о его интересе к старому расследованию. Но членство в совете само по себе не делает его тем человеком, которого боялась Кристин.

— Зато объясняет, почему его документы могут понадобиться следствию, — сказал Элиас.

— Я запросила материалы о финансировании и закрытии центра, — добавила Нора. — Отдельно попрошу сведения о жалобах. Если часть архива закрыта для доступа, нужно выяснить законное основание получения, а не обходить ограничения.

Элиас посмотрел на фотографию Кристин, прикреплённую к доске. На снимке она была молодой женщиной в обычном летнем платье; ничего в лице не объясняло, почему её имя пятнадцать лет произносили вместе с именем обвиняемого мужчины. Между газетной статьёй и убийством пока оставался промежуток, заполненный предположениями.

— Найдите, кто в тот год отвечал за рассмотрение жалоб, — попросил он. — И кому Лив могла передать информацию от источника. Не сам источник, если она не согласится говорить, а движение документов.

— Хорошо, — сказала Нора. — Ещё выясню, сохранился ли журнал мастерской Оле. Два разных архива, но оба могут дать нам даты, которых сейчас не хватает.

. . .

Под вечер в маленькой комнате для совещаний остались Элиас и Ингрид. С улицы доносились гудки машин; кто-то в соседнем кабинете долго ругался с принтером, пока тот не выплюнул пачку пустых листов. На столе рядом с остывшим кофе лежали увеличенные фотографии двух часов.

Элиас положил изображение часов Йонаса Вика слева, Томаса Рууда — справа.

— Напомним себе, что это два предмета, — сказал он. — И два разных вопроса.

Ингрид посмотрела на задние крышки.

— У часов Вика инициалы «J. V.». Те самые, которые позже фигурировали в деле. А на часах Рууда — дата двенадцатого августа девяносто восьмого.

— Четыре дня после смерти Кристин.

— И день, который указан в протоколе обнаружения часов Вика, — добавила она. — Но не доказательство того, что вещи связаны.

Элиас развернул лист с предварительным описанием специалиста.

— На крышке часов Рууда гравировка частично проходит по старой царапине. Специалист предполагает, что надпись появилась после того, как вещью уже пользовались. Окончательного заключения пока нет.

— Значит, дата не обязательно была нанесена при покупке.

— Да. Нам нужно установить, кто и когда мог сделать гравировку. Если сохранился продавец или мастер, это будет проверяемее любой догадки.

Ингрид провела ногтем по краю распечатки, не касаясь самого изображения.

— Рууд сохранил дату, связанную с находкой часов, которая обернулась обвинением. Зачем?

— Мы можем придумать полдюжины объяснений. Подарок, личный знак, попытка помнить, попытка забыть. Ни одно пока не подтверждено.

— А ты всё-таки думаешь, что для него это был день, когда что-то изменилось.

— Думаю. Но написать это в протоколе не могу.

Ингрид слабо улыбнулась. В последние дни ей всё чаще приходилось отличать то, во что она верила, от того, что могла отстаивать перед другим следователем. Элиас не делал эту работу приятнее, зато и не позволял ей притворяться завершённой.

Они ещё раз составили перечень проверок: оригинальные лабораторные журналы, журнал мастерской, личность того, кто доставлял часы в 1998 году, происхождение второй гравировки и показания людей, присутствовавших при первом допросе Йонаса. Список не выглядел как близкая развязка. Скорее как работа на несколько следующих дней.

Телефон Ингрид зазвонил, когда Элиас собирал фотографии в папку. На экране высветился Юнас, их коллега из полиции, — не Йонас Вик.

— Мы связались с Матсом Хольмом, — сообщил Юнас. — Работает в Ставангере. Он подтверждает, что в августе девяносто восьмого помогал искать часы в мастерской Оле.

— Дату назвал?

— Нет. Говорит, до гибели Кристин, но точный день не помнит. Нам ещё предстоит получить оформленные показания.

Ингрид включила громкую связь с согласия собеседника. Элиас подвинулся ближе.

— Есть что-то ещё, — сказал Юнас. — Матс вспомнил посетителя. В тот день в мастерскую заходил мужчина в гражданской одежде. Матс решил, что это полицейский: посетитель сказал, что ищет владельца недавно ремонтировавшегося автомобиля.

— Матс проверял удостоверение? — спросила Ингрид.

— Не помнит. В то время не счёл визит необычным. Может попытаться описать лицо, но мы договорились не показывать ему фотографии заранее.

— Куда посетитель проходил? — спросил Элиас.

Юнас посмотрел в записи или просто замолчал, уточняя формулировку.

— По словам Матса, к верстаку, на котором обычно работал Йонас. Был ли там в тот момент сам Йонас и видел ли кто-нибудь часы — он не уверен.

Ингрид повторила последние слова, чтобы убедиться, что правильно поняла.

— Мы не знаем, был ли это настоящий полицейский, — сказала она после звонка. — И не знаем, взял ли он что-нибудь.

— Но теперь есть человек, которого можно опросить об этом посещении отдельно от рассказа Йонаса, — ответил Элиас.

Ингрид села обратно, хотя уже собиралась уйти.

— Если часы действительно исчезли раньше, зачем кому-то было их брать? Ведь Кристин ещё жила.

— Вполне возможно, человек взял их по другой причине. Или вообще не брал. Сначала нужен доступ к верстаку, время и подтверждение личности.

— А если это было сделано намеренно?

— Тогда придётся установить, для чего часы понадобились до убийства. Пока мы не вправе исходить из того, что кто-то заранее планировал смерть Кристин.

Она задумалась, глядя на две фотографии. В деле Йонаса часы давно стали символом его вины, хотя когда-то были обычной вещью механика, снимаемой перед работой. Теперь следователи пытались восстановить тот день не по символам, а по людям, дверям и записям.

— Может быть, мы слишком поздно начинаем считать события, — сказала Ингрид.

— С дня смерти?

— Да.

Элиас вернул снимки в папку.

— Тогда начнём раньше. С мастерской и тех, кто в неё входил.

. . .

Ночью Йонас проснулся от стука в дверь. Сначала ему показалось, что кто-то проверяет камеру, и он уже собирался ответить, что не спит. В спальне было темно; за окном глухо проехал автобус, а на тумбочке не светились часы.

Стук повторился. Три негромких удара, одинаковых, будто человек отсчитывал их про себя.

Йонас надел брюки, прошёл по прихожей, стараясь не задеть обувь у стены. Он спросил, кто пришёл. Ответа не было. В глазке лестничная площадка казалась пустой; только от лампы над дверью на плитке лежал вытянутый прямоугольник света.

Из-под двери выступал белый угол конверта. Почта в этом доме не приходила ночью.

Йонас открыл дверь ровно настолько, чтобы подцепить бумагу пальцами, и быстро запер замок. Внутри не было письма. На фотографии Кристин Фосс стояла возле автомобиля, а рядом с ней — молодой мужчина, повернувшийся к камере боком. Лица разглядеть не удавалось. На заднем плане виднелась часть машины, достаточно отчётливая, чтобы Йонас узнал её по форме и цвету.

Он перевернул снимок.

«Ты искал не того человека».

Слова были написаны без подписи. Йонас прочёл их ещё раз, поставил фотографию на стол, потом снова взял. Он не знал, кто сделал снимок, откуда он взялся и почему появился именно сегодня. Но автомобиль был ему знаком — и это знание пришло раньше, чем он успел вспомнить, откуда.

Он сел на пол у кухонного шкафа. Фотография лежала у него на коленях, а за стеной соседи продолжали разговаривать о чём-то своём. Йонас пытался восстановить день, когда видел эту машину, не смешивая его с судебными заседаниями и газетными фотографиями. В какой-то момент он понял, что впервые за долгое время ему хочется позвонить следователям не для того, чтобы снова оправдываться.

Не сейчас, решил он. Утром. Сначала нужно как следует рассмотреть снимок.

. . .

В семь сорок утра Элиас Виртанен уже сидел в управлении. У дежурного закончилась бумага для принтера; он просил коллегу принести новую пачку и одновременно диктовал кому-то номер дела. В коридоре пахло мокрыми зонтами, хотя на улице пока не было дождя.

Элиас разложил перед собой последовательность материалов 1998 года. В протоколе обнаружения часов стояло двенадцатое августа — четыре дня после смерти Кристин Фосс. Лабораторный журнал показывал иную последовательность регистрации; её ещё требовалось подтвердить по оригиналам. Йонас утверждал, что потерял часы раньше гибели девушки. Оле помнил поиски. Матс согласился рассказать о человеке, который проходил к верстаку.

Они не составляли пока непрерывной истории. Между этими свидетельствами оставались пробелы: у кого часы были после пропажи, кто их привёз, в какое время и почему описание в документах расходилось. Но вопросы уже можно было задавать не одному Йонасу, а нескольким независимым людям.

Элиас взял телефон и набрал Ингрид. Она ответила не сразу.

— Элиас? Который час?

— Семь сорок. Прости, что разбудил.

— Я собиралась спать ещё двадцать минут. Что случилось?

— Посмотрел снова материалы по часам. Нужно поговорить с Йонасом Виком, прежде чем мы покажем ему какие-либо новые версии. И проверить, кому принадлежала машина, которая фигурировала в прежних показаниях.

— Ты звонишь из-за часов или из-за машины?

— Пока не знаю, связаны ли они. Именно поэтому хочу начать с его собственного рассказа.

Ингрид шумно выдохнула; послышался стук поставленной на стол чашки.

— Буду через двадцать минут. И кофе сегодня покупаешь ты.

— Договорились.

Элиас выписал телефон мастерской Матса Хольма на обороте старого чека. Протоколы 1998 года так и остались раскрытыми, но утро он решил начать не с них. Человек, работавший с машинами, мог помнить то, что не попало ни в один журнал; только сначала надо было услышать его собственные слова.

Глава 7. Незнакомый номер

В ванной Йонаса Вика плохо закрывалась форточка. Сколько он ни поворачивал старую ручку, между рамой и подоконником оставалась щель, и с улицы тянуло запахом нагретого асфальта и пыли. По тротуару внизу кто-то катил мусорный бак. Колёса гремели на каждом стыке плитки.

Йонас подставил подбородок зеркалу, осторожно провёл бритвой вдоль челюсти и снова задел кожу. Не сильно: маленький порез, каких раньше он почти не замечал. Теперь даже кровь раздражала его своей внезапностью. Он оторвал кусочек туалетной бумаги, прижал к подбородку, посмотрел на своё отражение. В тюрьме зеркала были другими. Узкими, из мутного небьющегося материала. Трудно было привыкнуть к тому, что здесь он видел себя целиком.

Телефон за стеной завибрировал. Замолчал, прежде чем он успел вытереть руки, и тут же начал снова.

На экране вместо номера ничего не было. Подобные звонки повторялись уже несколько недель. Один раз кто-то молчал, пока Йонас не повесил трубку; в другой раз он слышал движение воздуха и чей-то приглушённый кашель. Женщина, позвонившая поздно вечером, спросила, помнит ли он Кристин Фосс. Он ответил, что помнит. Тогда связь оборвалась.

Йонас посмотрел в сторону гостиной.

Фотография, подсунутая ночью под дверь, лежала на столе лицевой стороной вверх. Он почти не спал, пытаясь понять, кто мог хранить её все эти годы. Кристин стояла у тёмно-зелёной машины. Рядом с ней — молодой мужчина, повернувшийся так, что камера не захватила лица. На обороте чёрными буквами было выведено: «Ты искал не того человека».

На третий вызов Йонас ответил.

— Вик.

— Вы получили фотографию?

Женский голос был негромким, без заметного акцента. На последних словах слышалось усилие — словно собеседница следила, чтобы не сказать лишнего.

— Кто говорит?

— Машину узнали?

Йонас подошёл к столу и коснулся уголка снимка. Бумага была гладкой, недавней печати; изображение на ней выглядело старым.

— Откуда она у вас?

— Вы знаете, чья это машина. Не надо делать вид, что нет.

— Я не делаю вид.

— Тогда почему пятнадцать лет молчали?

В соседней квартире включили воду. За стеной звонко ударила о раковину посуда. Йонас отчётливо слышал всё это, а собственного ответа долго не мог подобрать.

— Меня не спрашивали о машине, — сказал он наконец.

— Это неправда.

— Я рассказал адвокату, когда узнал, чья она. Он сказал, что этого недостаточно. Вы кто?

Ответом был короткий шум, будто телефон прикрыли ладонью. Женщина произнесла:

— Вспомните, кто сидел за рулём.

Разговор прекратился.

Йонас ещё несколько секунд держал телефон возле уха. Когда он опустил руку, порез на подбородке снова закровил. Капля упала на ворот чистой рубашки, приготовленной для выхода в магазин.

Он не стал переодеваться. Сел, развернул фотографию к свету, а затем набрал номер, который ему оставила Ингрид Мёэн.

. . .

Возле полицейского управления две женщины спорили у припаркованного велосипеда: одна указывала на сломанный замок, другая, в форме курьера, пыталась достать из корзины промокший пакет. День обещал быть тёплым. После ночной сырости воздух уже наполнился запахом кофе из открытой двери пекарни.

Элиас Виртанен ждал Ингрид под козырьком входа, перечитывая заметки о мастерской Оле Хольма. За день до этого Матс подтвердил, что помогал искать часы Йонаса, но ни даты, ни личности посетителя назвать не смог. Теперь Элиас пытался отделить рассказ двух людей от того, что было занесено в дело пятнадцать лет назад.

Ингрид появилась с бумажным стаканчиком, из-под которого торчала сложенная салфетка. Волосы она собрала наспех; на запястье осталась тонкая красная полоска от резинки.

— Через двадцать минут, — напомнил он.

— Двадцать три, — отозвалась она. — Если собираетесь вычесть три минуты из моего рабочего дня, оформите заявление.

Он убрал блокнот.

— Кофе ещё горячий?

— Уже нет. Зато это моя собственная вина.

Она отпила и увидела раскрытую папку у него в руке.

— Вы снова за часы?

— И за человека, который мог заходить к верстаку. Прежде чем показывать Матсу чьи-либо фотографии, нужно получить от него описание без подсказок.

— Юнас договорился о подробном опросе. И хочет проверить, сохранились ли у мастерской старые журналы.

— Хорошо. Я ещё раз поговорил бы с Йонасом. В материалах мелькала машина возле склада, а мы так и не выяснили, что он о ней помнил сам, до газет и суда.

Ингрид уже собиралась ответить, но завибрировал её телефон. На экране высветилось имя Юнаса Эйде. Она нажала на вызов, отступив в сторону от входящих сотрудников.

Элиас видел, как она перестала следить за велосипедистами и выпрямилась.

— Он сам позвонил? Когда именно? — Она выслушала ответ. — Не трогайте фотографию без оформления. Мы приедем, возьмём её и запишем показания.

Ингрид убрала телефон.

— Йонас Вик получил ночью снимок Кристин. С неизвестным мужчиной и автомобилем. А утром ему позвонила женщина, спрашивала о машине и о том, почему он молчал пятнадцать лет.

— Он узнал автомобиль?

— Говорит, что да. Хотел объяснить лично.

Элиас посмотрел на папку с материалами старого дела. У него было искушение сразу сопоставить эти сведения с машиной из прежних показаний. Он заставил себя закрыть папку: сначала — рассказ человека, который видел фотографию, потом — сравнение.

— Поехали, — сказал он.

. . .

Йонас встретил их в коридоре. На подбородке белел маленький прямоугольник пластыря, поверх рубашки он накинул старый серый кардиган, хотя в квартире было душно. На кухонном столе стоял неразмешанный кофе; сахар осел на дне плотным белым слоем.

— Я ничего не выдумал, — сказал он, ещё не успев пригласить гостей в комнату.

— Мы пришли записать, что вы помните, — ответила Ингрид. — Остальное будем проверять отдельно.

Она спросила, когда обнаружили конверт, кто мог видеть лестничную площадку, сохранил ли Йонас упаковку. Он рассказал о трёх ударах в дверь, о пустой площадке и надписи на

обороте. Конверт, смятый после беспокойной ночи, он всё-таки не выбросил: положил возле телефона. Ингрид попросила разрешения забрать его вместе со снимком и отметила обстоятельства передачи в протоколе.

Элиас сидел у окна, не торопя хозяина. Йонас помнил телефонный разговор почти слово в слово, но, когда дошёл до фразы «Это неправда», запнулся.

— Она так сказала? — уточнил Элиас.

— Да. Будто знала, кому я что говорил.

— Голос раньше слышали?

— Не узнаю. Во всяком случае, уверен сказать не могу.

— Возраст по голосу?

Йонас повёл плечом.

— Женщина. Не девочка. Больше ничего. В тюрьме меня научили не угадывать людей по голосу через дверь.

Ингрид подняла глаза от блокнота.

— Вы упоминали адвоката. Давайте разделим две вещи. До суда вы рассказывали кому-то о машине?

— Нет. Тогда мне было не до неё. После суда пришла газетная вырезка, и я вспомнил, что видел похожую машину возле склада. Я говорил Сольбергу.

— А в самом начале расследования?

— Меня спрашивали, где я был, почему ссорился с Кристин, почему мои часы оказались там. Про мальчишку за рулём не спрашивали. Я тогда и не знал, кого видел.

Элиас попросил подробно описать снимок, не переворачивая его и не показывая увеличений. Когда Йонас заговорил об автомобиле, он придвинул к себе лист бумаги.

— Тёмно-зелёный «Сааб». По-моему, девятисотый. Я видел такой возле старого склада за несколько дней до того, как нашли Кристин.

— Вы были возле склада? — спросила Ингрид.

— Искал её. Она перестала отвечать на мои звонки. Хотел выяснить, что случилось.

— В какой день?

Йонас потёр лоб.

— Два или три дня до смерти. Сейчас точнее не скажу. Я помню, что день был рабочий; из мастерской ушёл раньше обычного. Может, время получится проверить.

— Вы видели Кристин?

— Нет. За рулём сидел парень. Молодой. Тогда мне показалось — школьник.

— Пятнадцать? Шестнадцать?

— Может быть. Вряд ли сильно старше. Он сидел низко, я видел его сбоку, через ветровое стекло.

— Лицо вы запомнили?

— Нет настолько, чтобы сейчас кого-то опознать. Я стоял на другой стороне дороги. Увидел машину, потом ушёл.

Элиас отметил последнее, подчеркнув: свидетель не опознавал водителя. Через пятнадцать лет чужое лицо могло легко занять место старого, плохо сохранившегося воспоминания.

— Когда выяснили, кому принадлежал «Сааб»? — спросил он.

— После суда. Мне прислали вырезку из газеты. Там был Брандт возле точно такой же машины.

— Вы помните номерной знак?

— Нет.

— Значит, могли узнать модель и цвет, но не обязательно сам автомобиль.

Йонас тяжело опустился в кресло.

— Я понимаю, к чему вы ведёте. Может, это была другая машина. Я тоже об этом думал все годы. Но если вы спросите, что я помню, — я помню именно её.

— И мы запишем именно это, — сказала Ингрид. — Кто прислал вырезку?

— Ни подписи, ни адреса. В тюрьме вещей было мало, а потом меня переводили. Вырезка не сохранилась.

— Арне Сольберг её видел?

— Кажется, да. Я приносил ему письмо. Он сказал: даже если машина принадлежала семье прокурора, это не ставит Кристин рядом с ней и не доказывает, кто сидел внутри.

Элиас записал фамилию адвоката и потребность проверить, существует ли копия его переписки с клиентом. Сам Сольберг мог подтвердить прежний рассказ Йонаса, но не наблюдал ни автомобиля, ни водителя.

— Назовите фамилию, которая была в газетной статье, — попросил он.

— Брандт. Аксель Брандт.

Ингрид закончила писать, прежде чем заговорила.

— Он работал в прокуратуре и участвовал в вашем деле.

Йонас кивнул.

— Вот почему я не мог выкинуть это из головы.

— Вы когда-нибудь встречали его сына? — спросила она.

— Нет.

— У Брандта есть сын Мартин. В девяносто восьмом ему было пятнадцать.

Йонас поднял голову, стараясь разглядеть её лицо.

— Вы хотите сказать, это он?

— Нет, — ответила Ингрид. — Я сообщаю возраст, который мы можем проверить. Ваше описание мальчика за рулём ещё не означает, что вы видели Мартина.

Вик отвернулся к окну. Там на подоконнике стоял горшок с засохшей геранью; кто-то оставил его ещё до его возвращения. Неказистая вещь принадлежала квартире, в которой он всё ещё чувствовал себя временным жильцом.

— Я не знаю, кто это был, — произнёс он. — Но мне нужна была Кристин. Я думал, если доберусь до неё, мы хотя бы поговорим.

Элиас спросил, о чём.

— В последний раз она сказала странную вещь: «Ты веришь, что некоторым людям всё позволено?» Я рассердился. Сказал, чтобы не читала столько газет.

— Когда был этот разговор?

— До того, как перестала отвечать. День не назову. Мы ссорились из-за мелочей, а я считал, что у нас ещё будет время.

Йонас медленно провёл пальцем по пластырю. Он хотел продолжить, но только потянулся к чашке с кофе и отпил холодную, чрезмерно сладкую жидкость.

Элиас не стал спрашивать, считает ли тот себя виноватым. Пятнадцать лет чужих вопросов уже научили Йонаса отвечать на такое раньше, чем он успевал подумать.

Они ещё раз уточнили место возле склада: поворот дороги, ворота, откуда мог быть виден автомобиль, и сторону, с которой Йонас подходил. На отдельной схеме он обозначил приблизительную точку наблюдения. Ингрид оставила пометку: проверить по картам и планам 1998 года; память о расположении объектов может быть неточной.

Когда фотографии и конверт были упакованы, Йонас провожал их до двери.

— Вы скажете, если найдёте женщину?

— Если сможем установить её и будем вправе сообщить вам, — ответила Ингрид.

Он принял эту осторожную формулировку без возражений. Раньше любые обещания казались ему лучше молчания. Теперь обещаний он не любил.

. . .

В машине Ингрид убрала заполненный блокнот в сумку. У светофора мимо них проехал автобус, на задней двери которого крупными буквами предлагали летние поездки на побережье. Люди на остановке стояли в лёгких куртках, подставляя лица солнцу, появившемуся между облаками.

— Сольберг говорил ему вполне разумные вещи, — заметила она.

— Да. Без номера и документов это всего лишь сходный автомобиль. Даже подтверждённый владелец ещё не отвечает на вопрос, кто был за рулём.

— Но Брандт вёл дело Вика. Если его семья была связана с местом, адвокат наверняка пытался бы это использовать.

— Судя по словам Йонаса, попытался хотя бы проверить. Нужно спросить, что именно он проверял и сохранились ли ответы.

Ингрид держала руль одной рукой. Другой поправила вентиляцию: из решётки шёл горячий воздух.

— С Акселем будет трудно разговаривать, — сказала она. — Он знает процессуальные границы лучше многих следователей. И до сих пор знаком с людьми, которые решают, какие запросы получат внимание первыми.

— Тогда не будем приходить к нему с догадкой о фотографии.

— Я и не собиралась.

Она посмотрела на него коротко, без улыбки. Элиас понял, что она защищает не только следствие. В этом городе ей потом предстояло продолжать работать независимо от того, окажется он прав или уедет в Хельсинки.

— Сначала документы на машину, — согласился он. — Потом разговор.

. . .

Нора устроила импровизированное рабочее место у большого монитора. Сбоку лежала линейка, пакет для вещественных доказательств и лист с отметками о том, кто и когда получил фотографию от Вика. На экране Кристин стояла у зелёного автомобиля, а из-за увеличения бумажные царапины казались белыми нитями.

— Отпечаток свежий, — сказала Нора. — По бумаге и способу печати он никак не похож на вещь, пролежавшую с девяносто восьмого года в конверте. Но без сравнительных образцов я не назову ни принтер, ни место печати.

— Само изображение старое? — спросил Элиас.

— Возможно, было снято на плёнку. Видны зерно и дефекты, характерные для старого носителя, а потом файл могли оцифровать. Это предварительное наблюдение, не заключение о происхождении негатива.

Ингрид подошла ближе.

— Автомобиль?

— Внешне соответствует «Саабу 900». Номер закрыт не полностью, но читаемых символов недостаточно для надёжного совпадения.

— Архив регистрации?

— Запрос отправлен. Пока не пришёл ответ, не будем подгонять изображение под фамилию Брандта.

Элиас попросил вывести фигуру рядом с Кристин. Молодой человек был в тёмной спортивной куртке, голова отвернута. На рукаве виднелся светлый знак: круг, а внутри нечто похожее на треугольник.

— Логотип? — спросила Ингрид.

— Может быть. Клуб, школьная секция, производитель одежды. Здесь несколько пикселей и следы печати. Увеличение не добавит сведения, которых на снимке нет.

Элиас вспомнил похожую эмблему в старых материалах о молодёжном центре. Не исключено, что память подсказывала ему то, что хотелось увидеть. Он попросил Нору найти независимые изображения формы и не ограничиваться одним человеком.

— Мы будем искать, кому продавали такие куртки? — спросила она.

— Сначала разберёмся, что за знак. Если он общий для десятков людей, нужно сразу это отметить.

Нора вернула на экран фотографию целиком. Элиас обратил внимание на руки Кристин: она держала их перед собой, пальцы переплетены, плечо немного отведено от спутника. По позе нельзя было установить ни страх, ни согласие, ни характер отношений. На этом снимке было слишком много пространства для чужих объяснений.

. . .

Юнас Эйде встретил их у двери комнаты связи с распечаткой и пометками на полях. На соседнем столе пищал неисправный зарядный блок; сотрудник технического отдела уже третий раз пытался убрать звук.

— По соединениям Эвы Нюгорд пришли дополнительные сведения, — сказал Юнас. — Один номер звонил ей семь раз за две недели до смерти. Два разговора состоялись, пять вызовов остались без ответа. Последняя попытка — в день убийства.

— Кто оформил номер? — спросила Ингрид.

— Предоплаченная карта. В тех данных, которые мы получили, владельца установить не удалось. Выясняем, есть ли у оператора дополнительные регистрационные сведения и можно ли их законно запросить.

Элиас посмотрел на столбец времени.

— Где работала карта?

— Сеть позволяет установить лишь районы обслуживания базовых станций. Два соединения проходили через станции в Грюнерлёкка, остальные — по разным частям города. Для человека, который едет по Осло, это почти ничего не говорит о конкретном адресе.

— И мы не знаем, звонил один и тот же человек? — спросила Ингрид.

— Знаем только, что использовали одну карту. Кто держал телефон в руках, из детализации не видно.

Юнас перевернул лист. На второй странице была одна строка, отделённая от остальных датой смерти Эвы.

— После убийства с этого номера состоялся ещё один разговор. Сорок семь секунд. Абонент — Томас Рууд.

Ингрид наклонилась к документу.

— Когда?

— Вечером накануне его исчезновения. В период, когда, согласно служебным сведениям, он мог находиться в офисе.

Элиас вспомнил записи о странном поведении Рууда после одного из звонков. Но время ещё нужно было сопоставить с журналом проходов, показаниями коллег и доступными данными его аппарата.

— Достаточно, чтобы проверить этот разговор отдельно, — сказал он. — Не достаточно, чтобы назвать звонившего.

— Или решить, что Эву и Рууда убрал один человек, — добавила Ингрид.

Юнас согласился.

— После разговора с Руудом активности по номеру пока нет. Карта могла быть выключена. Мы не можем утверждать, что её уничтожили.

Он показал ещё один столбец: запрос по остальным соединениям и возможным контактам карты находился в работе. Неизвестно было и то, имел ли этот номер отношение к сегодняшнему звонку Йонасу с неотображённого номера.

Элиас попросил не объединять два звонка в одну версию только из-за близости событий. Женский голос Вика, женщина, которую Рагнхильд видела на лестнице, и пользователь предоплаченной карты оставались тремя отдельными неизвестными. Они могли совпасть. Но пока не было даже основания поставить между ними знак равенства.

— Сверь с оператором временные метки, — сказала Ингрид Юнасу. — И с офисом Рууда. Пусть проверят, кто видел его после разговора.

На доске следствия прибавилась ещё одна линия, но не имя.

. . .

Сообщение от криминалистов пришло ближе к вечеру. На внутренней стороне дверцы одного из кухонных шкафов Эвы Нюгорд обнаружили участок нарушенной пыли — небольшой прямоугольник, по размерам похожий на след от коробки или другой вещи с плоским основанием.

В комнате совещаний Ингрид вывела снимок на экран. Юнас рассматривал его, прищурившись.

— Синяя коробка? — предположил он.

— Пыль не хранит цвет предмета, — ответила Ингрид. — И мы не знаем, когда его переставили.

— Да, — признал он. — У нас есть рассказ о синей коробке и след прямоугольного предмета. Пока они друг друга не подтверждают.

Элиас попросил приложить к материалам фотографии всего шкафа, а не только крупный план. След на полке ничего не говорил о том, кто взял предмет и был ли это вообще предмет Эвы. После недели поисков легко начинало казаться, что любая пустота имела определённую форму.

— Проверим по имеющимся снимкам квартиры и показаниям, стояло ли здесь что-нибудь раньше, — предложил он.

Ингрид закрыла изображение.

— И попросим повторно осмотреть доступные места хранения. Только без предположения, будто мы уже знаем, что ищем.

За стеной кто-то засмеялся, не подозревая, какой вес в соседнем кабинете придают пыльному прямоугольнику. Элиас поймал себя на том, что весь день ни разу не вышел на улицу без дела.

— Вы обедали? — спросила Ингрид, заметив его взгляд на часы.

— Мне кажется, был кофе.

— Кофе не считается. Пойдёмте, пока я не начала оформлять вас как потерпевшего от собственной работы.

. . .

Кафе в двух кварталах от управления было почти пустым. В углу сидели пожилые супруги, склонившиеся над одной газетой. Из кухни пахло тушёным луком, хлебом и чем-то пряным; на стойке официантка пересчитывала чистые чашки. За окном свет ещё держался на верхних этажах домов, хотя фонари уже зажглись.

Ингрид выбрала столик у стены, откуда можно было видеть дверь.

— Профессиональная привычка? — спросил Элиас, заметив её выбор.

— Нет. Здесь не качается ножка стула.

Они заказали суп и хлеб. Элиас ел осторожно, обжигая язык, и почувствовал, насколько давно хотел просто посидеть без папки перед собой. Ингрид сняла часы, положила их рядом с тарелкой и некоторое время молча смотрела, как официантка пытается убедить старика у окна заказать десерт.

— Вы ведь не любите, когда о вас спрашивают, — сказала Ингрид.

— Зависит от вопроса.

— Хорошо. Почему вы приехали именно в Осло? Не в смысле приказа или письма Эвы.

Элиас подвинул хлебную корзинку ближе к ней.

— Думал, что смогу посмотреть на старое дело со стороны. А потом оказалось, что его нельзя отделить от людей, которые ещё живут с ним каждый день.

— Это ответ следователя. Я спрашивала человека.

Он улыбнулся в край чашки.

— У человека были примерно те же причины. И некоторое любопытство.

Ингрид рассмеялась. Не громко; смех вырвался прежде, чем она успела его сдержать.

— В Хельсинки все такие уклончивые?

— Нет. У нас есть куда более прямолинейные люди. С ними обычно трудно работать.

Она покачала головой. Официантка принесла ещё воды, и разговор на несколько минут ушёл к обычным вещам: как долго Элиас выбирает квартиру, когда приезжает в чужой город; почему Ингрид по-прежнему помнит запах старого книжного магазина, который закрыли ещё в её детстве; как мало можно понять о человеке по его аккуратно составленному служебному досье.

— Я когда-то собиралась уехать, — сказала Ингрид, отломив кусочек хлеба. — Во Францию. Или в Италию. Не было даже города, только представление, что утром открываешь окно и слышишь чужую речь.

— Что помешало?

— Сначала работа. Потом казалось глупым уезжать именно тогда, когда начинаешь в ней что-то понимать. А потом уже не хотелось объяснять всем, что это не бегство.

Элиас подумал, что она говорит о чём-то большем, чем неслучившееся путешествие. Однако у них не было оснований делить вечер на признания. Он рассказал, как в молодости перепутал две трамвайные остановки в Хельсинки и опоздал на важное собеседование. Ингрид попыталась выяснить, получил ли он ту работу, и только после его смущённой улыбки поняла, что речь шла о полиции.

Когда официантка убрала тарелки, Ингрид спросила:

— Вы скучаете по дому?

— По тому, что там всё понятно без объяснений. Какая дверь в управлении заедает. Кто по утрам приходит раньше остальных. Когда можно молчать, не обидев человека.

— Значит, по людям.

Элиас посмотрел на неё.

— Вероятно.

Она приняла ответ и не стала расспрашивать о тех, кого он не назвал. Это оказалось важнее любого утешения.

На улице пахло сырой липой. Возле её автомобиля Ингрид остановилась и, перебирая ключи, перешла к тому, что ждало их утром.

— Я хочу поговорить с Акселем Брандтом, — сказала она. — И отдельно с Мартином.

— Мартин по-прежнему в Осло?

— Да. Работает в архитектурной фирме. По доступным нам сведениям, судимостей нет. Я проверю адрес и свяжусь с ним официально.

— У него есть право отказаться от разговора, — заметил Элиас.

— Разумеется. И мы не будем устраивать ему очную ставку с чужой памятью без оснований.

Он кивнул. Днём это был обычный рабочий разговор; теперь у машины, когда мимо шли люди с покупками, он прозвучал как договорённость беречь то, что ещё не успели испортить.

Ингрид открыла дверь, но прежде чем сесть, обернулась.

— Спасибо за ужин.

— Это вы меня привели.

— Потому и благодарю. Обычно я плохо выбираю компанию после тяжёлого дня.

На этот раз он рассмеялся первым. Она села за руль, подождала, пока проедет велосипедист, и выехала на улицу. Элиас некоторое время оставался на тротуаре, держа в руке чек, который машинально забрал со стола. Потом сложил его и направился к гостинице.

. . .

Томас Рууд не видел дневного света несколько суток. Если, конечно, не ошибался в счёте. В комнате с плотными шторами он пытался определять время по шагам за дверью и по тому, когда ему приносили воду, но всё повторялось не так, как накануне. На настенных часах стрелки стояли на одном месте.

В этот раз перед ним положили фотографию Кристин Фосс. Он уже видел её здесь. Бумага успела загнуться на одном углу, и этот маленький дефект раздражал сильнее, чем сам снимок: Рууд хотел разгладить его, но руки оставались на коленях.

Рядом появился предмет на чёрном ремешке. Наручные часы. На задней крышке при свете лампы можно было прочесть инициалы: J. V.

— Это не те, — сказал он.

Человек напротив ничего не ответил.

— Часы, которые вы ищете, были другими. Я их помню. Эти я видел только потом, в материалах дела.

Он старался не смотреть на руки собеседника. Рууд давно заметил, что человек редко повышал голос и не торопился; от этого он ждал следующего вопроса с ещё большим страхом. В комнате пахло медицинским спиртом и простым мылом. Рууд не мог сказать, шли ли запахи от человека или от самой комнаты.

— Я не видел его лица, — выговорил он. — Того, кто принёс часы. Я сказал вам всё, что знаю.

Собеседник слегка подался вперёд. Рууд услышал движение одежды.

— Тогда вспомни голос.

Рууд закрыл глаза. Он попытался восстановить день, от которого его столько лет отделяли чужие протоколы. В какой-то момент ему показалось, что он действительно слышит тот голос — но он не был уверен, не создало ли его воображение недостающую часть воспоминания.

. . .

В гостинице Элиас не сразу включил верхний свет. Он оставил ключ-карту на тумбочке, открыл окно и постоял возле него. Во дворе кто-то неумело выводил на гитаре несколько аккордов; из соседнего номера доносился ровный стук работающего телевизора.

Телефон подал короткий сигнал. Нора прислала ответ на запрос по автомобилю.

«Архивная регистрация: Saab 900. Владелец до 1999 года — Аксель Брандт. Дальше уточняю передачу и даты. Фото модели соответствует, номер на снимке читается не полностью».

Элиас сел за стол. Прежнее воспоминание Йонаса обрело независимую опору: в семье Брандтов действительно был автомобиль такой марки. Но между регистрацией и виденным у склада мальчиком оставались годы чужого молчания, расстояние и ошибка памяти.

Следом пришёл ещё один файл: архивная фотография Мартина Брандта, сделанная в 1998 году. Худощавый подросток смотрел прямо в объектив, руки засунуты в карманы. На нём была спортивная куртка со светлым знаком на рукаве — круг и треугольная фигура внутри.

Знак был похож на тот, что виднелся на одежде человека рядом с Кристин. Не лицо. Не рост. Даже не обязательно та же куртка.

Элиас написал Норе: «Установить, кому ещё выдавали такую форму. Указать, что совпадение эмблемы не является идентификацией».

Потом набрал Ингрид. Она ответила на улице; в трубке шуршали шины по мокрому покрытию.

— Уже новая версия? — спросила она.

— Скорее два документа. Автомобиль нужной модели действительно был зарегистрирован на Акселя Брандта. И есть фотография Мартина в куртке с похожей эмблемой.

— Такой же, как на снимке Кристин?

— Похожей. Пока не знаем, насколько она распространена. В следующем разговоре с Мартином нельзя выдавать это за доказательство, что он стоял рядом с ней.

Ингрид попросила переслать оба файла, но какое-то время не говорила ничего.

— Если Йонас действительно видел эту машину у склада, Аксель мог узнать об этом ещё во время процесса, — произнесла она.

— Мог. Но сначала спросим Сольберга, что он сообщил прокурору. И проверим, было ли что-то в деле.

— А потом поговорим с Брандтами.

— Да.

В гостиничном окне отражалась жёлтая лампа. Элиас закрыл ноутбук. Он вспомнил Йонаса с пластырем на подбородке и слова о Кристин: «У нас ещё будет время». В старых делах каждый новый документ неизбежно приходил слишком поздно для того, кому мог помочь пятнадцать лет назад.

. . .

Ночью телефон, которым звонили Эве Нюгорд, снова появился в сети. Из центральной части Осло с него отправили два сообщения.

Первое пришло Хенрику Далю в кабинет, где он задержался после ухода сотрудников.

«Ты знаешь, где он».

Даль прочитал фразу дважды. Он потянулся к телефону, но за окном загрохотали мусорные контейнеры, и он отложил аппарат. Ответить было нечего.

Второе сообщение пришло почти сразу.

«Если не скажешь, следующая фотография будет твоей».

Он проверил замок кабинета. Потом открыл ящик стола: под блокнотами лежал небольшой ключ, который накануне долго держал в ладони.

За папками книжного шкафа скрывался металлический сейф. Даль отодвинул их, вставил ключ и повернул его. Дверца поддалась не сразу.

На полке внутри лежала синяя деревянная коробка.

Глава 8. Подземный этаж

Осло. 15 июля 2013 года.

Накануне вечером Хенрик Даль открыл сейф в своём кабинете и достал синюю деревянную коробку. Положил её в портфель вместе с бумагами, которые давно обещал себе разобрать дома. В служебном лифте пахло полиролью и чьим-то дешёвым одеколоном. Хенрик стоял, прижимая портфель к боку, и смотрел на меняющиеся красные цифры над дверью. Последние десять лет он почти не замечал, сколько времени проводит в этом здании. Сегодня путь до первого этажа показался ему бесконечным.

Дома коробка заняла середину кухонного стола. Он не включил верхний свет: оставил гореть лампу у окна. За стеклом ещё держалась бледная полоска летних сумерек. На соседнем балконе сушились детские полотенца; ниже, во дворе, кто-то передвигал мусорный контейнер, и колёса со скрипом перескакивали через стыки плитки. Хенрик услышал каждый звук, пока развязывал серую ткань, в которой хранил коробку.

Когда-то он купил её без особой причины. Вещь из тех, что берут в магазине, потому что нравятся тяжёлая застёжка и потёртая синяя краска. Потом в неё стали складывать то, чему нельзя было найти места среди обычных документов. Хенрик провёл пальцем по крышке. На углу открылась тонкая трещина, оставшаяся ещё с тех лет, когда коробку часто доставали. Теперь он не открывал её так давно, что перестал доверять собственной памяти.

Под крышкой лежали несколько фотографий, пожелтевший конверт и маленькая диктофонная кассета. Он перебрал снимки за края, не вынимая их из пачки, затем положил обратно. Одна из фотографий была сделана на улице, в солнце, от которого люди щурились. Он помнил тот день, но не мог вспомнить, кто нажал на кнопку фотоаппарата. На дне, прикрытая краем конверта, лежала сложенная вдвое записка.

«Если когда-нибудь начнут задавать вопросы, вспомни, кто первым предложил молчать».

Хенрик прочёл её стоя. Потом сел и перечитал ещё раз. Он знал эти слова почти наизусть, но сейчас они выглядели не предупреждением из прошлого, а ответом на вопросы, которые Ингрид Мёэн задавала ему в последние дни. Пятнадцать лет он объяснял себе, что то расследование закончилось решением суда; позднее — что отмена приговора уже исправила всё, что можно исправить. Смерть Эвы Нюгорд сделала обе эти мысли неприлично удобными.

На кассете была бумажная наклейка, пожелтевшая по краям: «Кристин. Июль». Он не стал её слушать. Последний раз услышанные с неё голоса не изменились в его памяти, хотя почти всё остальное за годы успело потускнеть. Хенрик достал телефон, нашёл Акселя Брандта и задержал палец над значком вызова.

Аксель ответил после нескольких длинных гудков.

— Хенрик? Что случилось?

— Нам нужно поговорить. Не завтра и не через неделю.

В трубке что-то стукнуло — возможно, Аксель отложил книгу или поставил стакан.

— Ты видел время?

— Я нашёл то, что ты велел уничтожить.

За окном закрылась автомобильная дверь. Хенрик прислушивался к улице, хотя знал, что Аксель находился совсем в другом месте.

— Не говори об этом по телефону, — произнёс Брандт. Голос у него остался ровным, только слова стали короче.

— Тогда приезжай ко мне в офис. Я покажу.

— Нет. Сегодня туда не возвращайся.

— Почему?

— За тобой могут наблюдать.

— Ты что-то знаешь?

— Я пытаюсь выяснить. Не пользуйся этим номером для разговоров о прошлом. И, Хенрик, не делай ничего с вещами, пока мы не встретимся.

Связь оборвалась раньше, чем Даль успел спросить, когда именно они встретятся. Он положил телефон на стол экраном вниз. На кухне было слишком тепло. Вода в раковине едва заметно капала из крана; Хенрик сделал несколько шагов, подтянул вентиль, но звук не прекратился. Вернувшись, он вынул кассету и убрал во внутренний карман пиджака. Коробка осталась под лампой. Он хотел спрятать её, однако не мог заставить себя снова накрыть тканью то, к чему наконец решился прикоснуться.

. . .

Утро понедельника в управлении началось с мокрых следов у входа и очереди к кофейному автомату. На улице прошёл короткий дождь; солнце уже пробивалось между тучами, и с одежды людей поднимался влажный запах. Элиас Виртанен стоял у окна в коридоре, пытаясь разобрать мелкие цифры в распечатке телефонных соединений. В бумажном стаканчике остывал кофе, по вкусу напоминавший картон, в котором его продавали.

— Вы так и собираетесь питаться? — спросила Ингрид Мёэн.

Она подошла с тканевой сумкой через плечо и протянула ему бумажный пакет. Внутри оказались булочка с сыром и яблоко. На щеке у неё ещё блестела капля дождя; светлые пряди выбились из собранных волос. Элиас посмотрел сначала на пакет, потом на неё.

— У нас в Хельсинки сотрудников обычно не кормят за государственный счёт.

— Это не государственный счёт. Я зашла в пекарню по дороге. И не хочу, чтобы вы упали в обморок над материалами дела.

Он поблагодарил её без привычной шутки. Ингрид заметила это, но не стала спрашивать. Они отошли от автомата, пропуская дежурную смену, и расположились у свободного стола возле окна. Булочка была ещё чуть тёплой. Элиас машинально подвинул распечатку подальше от крошек.

— Нора закончила с эмблемой? — спросил он.

— Почти. Это знак спортивной секции молодёжного центра. В конце девяностых куртки такой модели выдавали десяткам подростков. У Мартина Брандта была такая — его фотографию мы видели. Но это ничего не говорит о том, кто стоял рядом с Кристин.

— Хорошо. Значит, пока у нас автомобиль, зарегистрированный на его отца, и изображение человека в распространённой куртке. Две вещи, которые не следует склеивать в одно доказательство.

Ингрид вынула блокнот. Мартин согласился прийти после обеда; по телефону говорил спокойно, хотя попросил уточнить, будет ли разговор официальным допросом. Она объяснила, что его хотят опросить как человека, возможно, знакомого с Кристин Фосс. Аксель Брандт, узнав о встрече, попытался договориться, чтобы присутствовать при ней.

— Он взрослый, — заметил Элиас.

— Я ему напомнила. Мартин сказал, что придёт один.

— Отец знает, какие вопросы мы собираемся задать?

— Мы не рассказывали ему подробностей. Он мог догадаться по фотографии, мог узнать от сына. Пока это не имеет значения.

Элиас отложил половину булочки. В коридоре послышались быстрые шаги. Юнас Эйде остановился перед столом. В руках он сжимал связку ключей, которую, очевидно, не успел убрать после выхода из машины. Лицо у него было серым от недосыпания.

— Ингрид. Нашли человека, похожего на Томаса Рууда.

Она поднялась раньше, чем он договорил.

— Где?

— Нижний уровень подземной парковки при старом административном здании на востоке города. Рабочий спустился проверить электропитание перед реконструкцией. Мужчина не подаёт признаков жизни.

Ингрид взглянула на Элиаса. Тот уже сложил распечатки в папку.

— Место закрыли? — спросила она.

— Да. Кари Странд с группой едет туда, первые сотрудники выставили оцепление.

— Поехали.

На пути к машине Ингрид набрала дежурного и попросила передать в группу, что до их приезда никто не должен перемещать предметы возле тела без необходимости. Потом позвонила Мари Рууд. Ответил автоответчик. Ингрид сбросила вызов: сообщать дочери такую новость прежде официального установления личности было бы жестоко и неправильно. Она убрала телефон, оставив себе напоминание связаться с семьёй сразу после подтверждения.

. . .

Бывший административный корпус стоял среди зданий, которым не повезло пережить собственное назначение. Двери первых этажей закрывали металлические жалюзи, на стекле соседнего офиса белели следы от снятых букв. Перед въездом в подземный гараж собралась вода. Полицейская машина занимала часть полосы, а рабочие в оранжевых жилетах курили у ограждения, не глядя друг на друга.

Внутри было прохладнее, чем на улице. Вода проступала сквозь бетон у нижней ступени и собиралась в узких трещинах. Запах ржавчины смешивался с запахом сырой пыли, а где-то далеко гудел временный генератор. На лестничной площадке сотрудник записал время прибытия Элиаса и Ингрид, показал, где можно пройти, и предупредил, что следователи будут находиться только на обозначённом маршруте.

Переносные светильники высветили у стены одинокий стул. Сидевший на нём мужчина был одет в светлую рубашку со смятым левым рукавом. Голова опущена к груди, левый рукав смят у запястья. Рядом на полу находился прозрачный пластиковый стакан; чуть дальше — фотография женщины у воды. Стакан и снимок уже были обозначены номерными метками, но никто не трогал их.

Элиас остановился на границе освещённой площадки. Несколько дней назад Томас Рууд сидел напротив него в собственном кабинете и пытался подобрать слова о часах. Элиас помнил, как тот поправлял манжету, когда нервничал. Теперь рука лежала на колене неподвижно, манжета закрывала запястье. Ни одно из этих воспоминаний не помогало ответить, когда и как он умер.

Кари Странд выпрямилась от тела, сняла перчатки и подошла к ним. Прежде чем заговорить, она проверила, закрыта ли плёнкой аппаратура, которую её коллеги готовили для съёмки.

— По внешним признакам мужчина соответствует Рууду, но личность ещё нужно подтвердить, — сказала она. — Я не буду называть причину смерти до вскрытия. Есть обстоятельства, из-за которых мы рассматриваем насильственный вариант, и всё.

— Признаки того, что его привезли сюда после смерти? — спросила Ингрид.

— Пока рано. Мы ещё не закончили осмотр пола и одежды. И отсутствие очевидных следов борьбы не означает, что борьбы не было. Не прикасайтесь ни к чему.

Элиас попросил разрешения осмотреть обстановку с обозначенной дорожки. Ингрид подтвердила, что он работает с её группой, и Кари показала, откуда открывается общий вид. Он подошёл не ближе, чем позволяли ограждения.

Фотография Кристин Фосс лежала изображением вверх. Девушка стояла на причале, щурясь от ветра, с бумажным стаканчиком в руках. Элиас видел похожий снимок в материалах дела; этот отпечаток выглядел свежее, но возраст бумаги нельзя было установить взглядом. Он попросил Кари отдельно сфотографировать оборот и края после первичной фиксации.

Возможно, там не окажется ничего. Однако тот, кто оставил снимок рядом с Руудом, выбрал именно эту фотографию — и пока никто не знал почему.

— Ингрид, — позвал он, указывая взглядом на стену.

За стулом, на сером бетоне, темнели пять отдельных вертикальных полос. Четыре были близки по длине; пятая заметно длиннее остальных. Между полосами оставались узкие просветы. В ламповом свете вещество казалось почти чёрным. В квартире Эвы Нюгорд они уже видели похожий знак, но белая стена и другой угол освещения не позволяли сравнивать рисунки по памяти.

— Это похоже на знак у Эвы, — произнесла Ингрид.

— Похоже, — согласилась Кари. — Не говорите «такой же». Нам нужно снять размеры, посмотреть последовательность нанесения штрихов, состав вещества и поверхность. Пока перед нами два изображения с общими элементами.

Элиас присел у края маршрута, не приближаясь к стулу. Пятая линия оказалась примерно на высоте плеч сидящего человека. В квартире Эвы рисунок находился выше. Это могло объясняться ростом того, кто его наносил, высотой мебели, положением руки; могло вообще ничего не значить.

— Его хотели показать Рууду? — тихо спросила Ингрид.

— Не знаем, видел ли он знак, — ответил Элиас. — Даже не знаем, когда его нарисовали. Но хотели, чтобы его увидел кто-то ещё. Вряд ли так тщательно оставляют повторяющийся рисунок случайно.

Кари сделала пометку в планшете. Ингрид задержала взгляд на стуле. Мужчина, которого они искали, наконец нашёлся, но не мог рассказать, кто принёс часы, куда исчезли лабораторные листы и почему в деле Кристин пятнадцатилетней давности понадобилась ещё одна смерть.

Когда специалисты попросили освободить участок, они поднялись к лестнице. Наверху было светлее; через открытую дверь пахнуло тёплым асфальтом.

— Эва и Рууд фигурировали в списке «Пятеро», — сказала Ингрид. — У обоих была связь с процессом Вика.

— И оба мертвы. Этого достаточно, чтобы проверить остальных и обеспечить им безопасность. Но не для того, чтобы утверждать, будто все пятеро участвовали в подлоге.

— Следующий в списке — Даль.

Она уже набирала номер. Сначала личный, затем рабочий. Оба раза без ответа. Секретарь сказала, что Хенрик накануне задержался допоздна и утром не появлялся. Ингрид попросила немедленно сообщить, если он выйдет на связь, и направила группу проверить его домашний адрес и офис. Просьбу передали как проверку безопасности возможного следующего адресата угроз, а не как распоряжение задержать его.

Аксель Брандт ответил быстро. Ингрид представилась и спросила, связывался ли с ним Хенрик Даль в последние сутки.

— Вчера вечером он позвонил, — ответил Брандт.

— О чём вы говорили?

— О старом деле. Хенрик был взволнован.

— Вы видели его после разговора?

— Нет.

— Нам необходимо встретиться с вами. Сегодня.

— Я могу приехать в управление в течение часа. Это связано с Томасом Руудом?

Ингрид не подтвердила смерть до уведомления семьи и официальных процедур. Сказала лишь, что появились обстоятельства, требующие уточнить события 1998 и 2001 годов. Брандт не настаивал. Он уточнил адрес кабинета и закончил разговор вежливо, почти буднично.

— Он знал, о чём спросить, — заметил Элиас.

— Его мог предупредить кто угодно. Или он просто понимает, что исчезновение Рууда связано со старым делом.

Ингрид взглянула на чёрный экран телефона. Ни один из ответов Брандта не помог узнать, где сейчас Хенрик. Это и было самым неприятным.

. . .

Пока в гараже заканчивали работу с первыми следами, Нора проверяла сведения о неизвестном номере. В кабинете было душно, хотя окно оставалось приоткрытым. Сквозь щель доносился звон велосипеда с улицы, из соседнего помещения — стук принтера. На экране Норы строки соединений выстраивались в аккуратную таблицу, от которой хотелось получить столь же аккуратный ответ.

— После последнего сообщения Далю эта SIM-карта больше не регистрировалась в доступных нам записях сети, — сказала она. — Возможно, телефон выключили. Возможно, карточку вынули. Но мы не знаем, кто именно держал аппарат и был ли он всё время в одних руках.

Элиас попросил открыть последовательность сообщений. Нора показала времена поступления, номера, с которыми связывались, и отдельные запросы оператору, ещё оставшиеся без ответа. Смерть Рууда не превратила неустановленного абонента в установленного преступника. Неясным оставалось даже то, совпадал ли телефонный номер отправителя угроз с человеком, которого сняла камера у гаража.

— Из резервной копии телефона Рууда удалось извлечь текст, который он получил вскоре после нашего первого разговора с ним, — добавила Нора. — Обычного номера отправителя в сохранённых данных нет. Технические сведения о сервисе ещё запрашиваем.

На экране появилась фраза:

«Ты ведь помнишь, что произошло после того, как нашли часы?»

Элиас перечитал её. Вопрос был построен не так, как вопрос об убийстве Кристин. «После» означало, что кто-то придавал особое значение действиям сотрудников уже после обнаружения вещественного доказательства: регистрации, передаче, лабораторному осмотру. Но могло означать и что-то совершенно иное, известное только Рууду и отправителю.

— Нам снова нужен журнал лаборатории, — сказал Элиас. — Не только выписки. Сведения о том, кто принимал предмет, когда его передавали дальше и как оформляли приложение.

— Уже запросила, — ответила Нора. — И копии регистрационных записей, если сохранились. Будем сверять с тем, что у нас есть, а не подгонять журнал под эти слова.

На столе у неё лежало забытое яблоко. Элиас узнал своё — Ингрид оставила его здесь, когда они уезжали. Он взял плод, помыл в маленькой раковине у дверей и ел стоя, пока Нора объясняла сотруднику по телефону, что «как можно скорее» в запросе означает сегодня, а не когда-нибудь на следующей неделе.

. . .

Аксель Брандт приехал точно в обещанное время. Пятьдесят пять лет, высокий, прямой, с сединой у висков и ясной, почти безупречной дикцией. Тёмно-синий костюм он носил без галстука; на запястье часы с неброским металлическим браслетом. Оставив телефон в выключенном состоянии на краю стола, Брандт дождался приглашения сесть. Он вёл себя как человек, которому много раз приходилось объяснять другим пределы полномочий и задаваемых вопросов.

— Я слышал, что Томас Рууд найден, — сказал он.

Ингрид не стала спорить с формулировкой.

— Откуда вам это известно?

— У меня остались знакомые в полиции. Мне позвонили.

— Мы будем выяснять, откуда произошла утечка. Сейчас важно другое: вы разговаривали с Хенриком Далем вчера вечером. Он сообщил, где находится?

— Нет. Хенрик хотел встретиться. Я посоветовал ему не обсуждать по телефону то, что он пытался мне рассказать.

— Что именно?

Брандт чуть сдвинул ладони на столе. В правой руке он держал сложенные очки.

— Он говорил о старых материалах. Был взволнован. Я не понял, что именно нашёл.

— Он сказал, почему хотел встретиться именно с вами?

Аксель посмотрел на неё внимательнее. Этот взгляд мог означать многое: узнавание, удивление, осторожность юриста, услышавшего вопрос, на который не следовало отвечать наугад.

— Мы знакомы много лет, — сказал он. — Возможно, Хенрик счёл, что я смогу ему помочь. Но он не объяснил, о какой помощи идёт речь.

Ингрид отметила ответ. Не дала ему развить тему — сначала вернулась к делу Вика. Аксель подтвердил, что участвовал в обвинении пятнадцать лет назад. Когда она спросила, как он относится к отменённому приговору, он аккуратно разграничил судебное решение и личное мнение.

— При новом рассмотрении Йонас Вик был оправдан. Это факт. Судебная система обязана исправлять ошибки, если они выявлены.

— Вы считаете, что тогда ошиблись? — спросила Ингрид.

— Я считаю, что иной судебный исход требует серьёзно пересмотреть основания первого решения. Но не буду задним числом приписывать себе знания, которых у меня в 1998 году не было.

Элиас слушал его, замечая не столько выдержку, сколько способность оставаться в безопасных пределах. И всё же такое поведение само по себе ничего не доказывало. Осторожный человек мог быть виновен, невиновен или просто слишком хорошо помнить, что небрежная фраза в протоколе живёт дольше, чем говоривший её человек.

— Йонас провёл в заключении почти пятнадцать лет, — сказал Элиас. — Вы разговаривали с ним после оправдания?

— Нет.

— Почему?

Аксель перевёл на него взгляд.

— Не уверен, что он хотел бы меня видеть.

Ответ прозвучал неожиданно просто. Элиас не стал его комментировать.

Ингрид положила на стол копию архивной регистрационной карточки из Финляндии. В 2001 году по распоряжению Брандта Даль запрашивал дополнительные экспертные материалы. Это подтверждалось журналом отправки и соответствующей записью на норвежской стороне. Но между списком переданных документов и содержимым дела оставалось расхождение.

— Для чего вы поручили Далю сделать запрос? — спросила она.

— Нас интересовала корректность одного из приложений. Какого — сейчас не скажу без всей переписки.

— Даль утверждает, что не помнит подробностей. Вы, кажется, помните сам запрос.

— Он касался материалов дела, в котором я участвовал. При этом я не обязан помнить по пунктам каждую бумагу.

— Почему в норвежском деле отсутствует итоговое финское заключение, на результаты которого есть ссылка?

— Возможно, отдельного итогового заключения не существовало. Мог быть предварительный материал, который позднее описали слишком уверенно.

— Это вы помните или предполагаете?

Брандт впервые поправил рукав пиджака.

— Предполагаю. И потому не хотел бы, чтобы вы записали эту версию как моё свидетельство о том, чего я видел собственными глазами.

— Мы и не запишем.

Ингрид выдержала короткую паузу, давая ему возможность дополнить ответ. Аксель не воспользовался ею. Она перешла к другому листу — фотографии Кристин возле автомобиля.

— Ваш «Сааб 900»?

Брандт узнал машину сразу. Он назвал модель и подтвердил, что автомобиль находился у семьи до конца девяностых. Но лицо подростка рядом с Кристин на снимке было неразличимо, а куртку с эмблемой молодёжного центра носили многие.

— Мартин мог пользоваться автомобилем? — спросила Ингрид.

— Иногда мы тренировались на закрытой территории. Ему было пятнадцать, и, разумеется, я не разрешал ему просто ездить по городу.

— В те дни он был знаком с Кристин Фосс?

— Я об этом не знал.

— То есть сейчас вы допускаете, что они могли быть знакомы?

— Мой сын занимался в центре. Кристин, насколько вы говорите, там бывала. Могли пересекаться. Но я не собираюсь утверждать, будто знал об их отношениях.

В тот день Брандт ни разу не повысил голос. Он ответил на все вопросы и ни разу не произнёс фразы, которую можно было бы легко опровергнуть. Это раздражало Ингрид меньше, чем она ожидала. Хорошо подготовленный опрашиваемый — не преступление; плохой вопрос следователя тоже ничего не доказывает.

Когда Аксель ушёл, она остановила диктофонную запись и ещё раз просмотрела отмеченные места.

— Больше всего мне не нравится его объяснение финского документа, — сказала она. — Он назвал версию об отсутствии заключения прежде, чем мы показали все расхождения.

— Но предположение могло возникнуть у любого юриста, видевшего неполное дело, — ответил Элиас. — Надо выяснить, каким был запрос и что реально пришло. А потом уже сравнивать его слова с документами.

Ингрид откинулась на спинку кресла. За окном двое подростков пытались удержать на ходу одну доску для скейтборда, передавая её друг другу и смеясь. Они были примерно того возраста, в котором Мартин Брандт мог познакомиться с Кристин. Пятнадцать лет — почти вся жизнь для человека, которому тогда было пятнадцать.

— Хорошо, — сказала она. — Сначала документы. Потом объяснения.

. . .

Мартин Брандт пришёл без отца. Он держал в руке телефон, но убрал его в карман, прежде чем сел. Худощавый, с тёмными волосами, собранными в беспорядочную прядь над лбом, Мартин выглядел усталым. Простая светлая рубашка была застёгнута не на ту пуговицу у воротника. Возможно, он торопился; возможно, переоделся в последнюю минуту. Ингрид не собиралась делать из этого выводов.

— Отец сказал, вы хотите спросить меня о деле Кристин, — произнёс он. — Столько лет прошло. Я не уверен, что сумею помочь.

— Мы объясним, что именно проверяем, — ответила Ингрид. — Если не помните, так и говорите. Нам не нужны догадки вместо воспоминаний.

Она положила перед ним копию фотографии. Мартин сначала посмотрел на машину, потом на девушку. Его пальцы, лежавшие на краю стола, медленно поджались.

— Кристин Фосс, — сказал он.

— Вы её знали?

— Немного. Она приходила в молодёжный центр. Помогала с праздниками, иногда оставалась после занятий.

— С кем общалась?

Он задумался и назвал нескольких ребят из спортивной секции. Про двоих сразу оговорился, что мог спутать имена. Ингрид записала их отдельно, с пометкой о ненадёжности давнего воспоминания. Кристин на фотографии была живой, беззаботной на вид девушкой, но Мартин говорил о ней так, будто каждое слово требовало разрешения у самого себя.

Элиас указал на фигуру у «Сааба».

— Вы узнаёте человека?

— Нет. Лица не видно.

— Это могли быть вы?

Мартин наклонился ближе. На снимке куртка распадалась на тёмные и светлые пятна. Он рассмотрел эмблему на рукаве, потом перевёл взгляд на автомобиль.

— Могли, — сказал он наконец. — У нас у многих была такая форма. Машина отцовская, я её помню. Но я не знаю, когда сделан снимок.

— Вы ездили на ней в августе девяносто восьмого?

— Отец иногда учил меня управлять машиной. На пустой площадке. Точные даты я не назову.

— А возле старого склада бывали? — спросила Ингрид и назвала место.

Мартин поднял голову. Он словно прислушался к самому слову «склад», затем отвёл взгляд к двери. В коридоре в этот момент прошла женщина с папками, послышался скрип подошв. Мартин дождался, пока шаги стихнут.

— Мы там иногда встречались, — сказал он.

— Кто «мы»?

— Ребята из центра. Там было место, где можно было разговаривать без взрослых.

— Кристин приходила туда с вами?

Он провёл ладонью по лицу.

— Я не хочу сейчас говорить о ней.

— Почему? — мягко спросил Элиас.

Мартин опять посмотрел на снимок. Девушка держала голову чуть набок, будто обращалась к кому-то за пределами кадра. Его нижняя губа дрогнула, но он не заплакал.

— Потому что она умерла. А вы спрашиваете так, как будто я могу изменить что-то, вспомнив одну поездку.

Ингрид отодвинула фотографию, не закрывая её. Предложила воду и перерыв. Мартин согласился выйти в коридор. Когда за ним закрылась дверь, Элиас не стал повторять, что тот «явно испугался»: страх не имел имени и мог относиться к чему угодно — к давней потере, к отцу, к собственным поступкам или к подозрению, которого он ещё не понимал.

— Он подтвердил знакомство, о котором отец сказал, что не знал, — заметил Элиас. — Но это не опровергает слова Акселя. Сын мог не рассказывать ему о Кристин.

— И Мартин признал, что бывал у склада, но не сообщил, был ли там в нужный день, — добавила Ингрид. — Нам надо найти других ребят из центра. И проверить, кто действительно пользовался той машиной.

Они договорились не продолжать расспросы, пока Мартин не оправится от первой реакции. Его ответы зафиксировали как добровольные показания; давить на него, подменяя уверенность архивной фотографией, не было ни юридического, ни человеческого смысла. Уходя, Мартин попросил сообщить ему, если они найдут что-нибудь новое о Кристин. Ингрид пообещала, что свяжется с ним в пределах того, что сможет раскрыть.

. . .

Ближе к вечеру позвонила Кари Странд. Ингрид включила громкую связь; Элиас отложил материалы по молодёжному центру.

— Первые данные вскрытия Рууда есть, — сказала Кари. — Но результаты ещё предварительные. Мы обнаружили признаки, которые могут соответствовать воздействию вещества, вызвавшего тяжёлое нарушение сердечной деятельности. Токсикология только начата. Я не стану называть конкретный препарат и тем более окончательную причину смерти.

— Мог ли он принять вещество сам?

— Пока мы не установили ни вещество, ни путь введения. На предплечье есть небольшой прокол. Он требует отдельного исследования; происхождение нельзя определить по одному внешнему виду.

— Время смерти? — спросил Элиас.

— Ориентировочно в течение последних суток до обнаружения. Интервал приблизительный. И ещё: на внутренней стороне левого запястья есть след от давления узкого предмета. С обычными наручниками я бы его сейчас не связывала — данных недостаточно.

После разговора Ингрид закрыла папку. Солнце уже опустилось за соседнюю крышу, и свет в кабинете стал серым, хотя до настоящей темноты было далеко.

— Если он умер только вчера, — сказала она, — значит, сколько-то времени после исчезновения Рууд оставался жив. Мы проверяли камеры, искали фургон, разговаривали с его дочерью. А где-то в это время он мог ждать, что мы найдём его.

Элиас не стал возражать словом «мог». Порой точность, необходимая в протоколе, звучала как жестокость в разговоре с человеком, который только что услышал о ещё одной смерти.

— Мы не знаем, в каком состоянии он был и могли ли успеть, — сказал Элиас. — Но будем проверять весь промежуток между исчезновением и обнаружением. Не только ради того, чтобы восстановить его последние часы.

— Ради чего ещё?

— Ради того, кто сейчас находится в опасности.

Ингрид протёрла ладонью глаза. На столе стояла почти полная чашка чая, остывшая за время опросов. Ей хотелось сказать, что она привыкла к таким делам, но это было неправдой. Она привыкла действовать, пока всё ещё можно исправить. Когда исправлять становилось нечего, оставалось слишком много пространства для мыслей.

— Я звонила Мари, — сказала она. — После подтверждения личности. Она попросила не приезжать к ней сегодня. Сказала, что сегодня не хочет никого видеть.

— Правильно, что вы позвонили сами.

— Она спросила, страдал ли он. Я не смогла ответить.

— Потому что не знаете.

Ингрид кивнула. На этот раз её не раздражал ответ. Элиас тихо придвинул к ней чай, чтобы она не уронила чашку, пытаясь взять следующую папку. Они вернулись к делу, когда Ингрид сама открыла документы.

. . .

Поздним вечером стол в комнате для совещаний был занят двумя рядами фотографий: квартира Эвы Нюгорд и нижний уровень парковки. Между снимками лежали листы с масштабами, заметками криминалистов и указанием, что некоторые сравнения остаются предварительными. Ингрид принесла настольную лампу, потому что свет с потолка давал блики на глянцевой бумаге.

На первый взгляд знаки казались одинаковыми: пять параллельных вертикальных линий, последняя длиннее остальных. Но стоило разложить изображения рядом, как различия стали заметнее. У Эвы промежуток между четвёртой и пятой линиями был уже, чем у Рууда; окончания коротких штрихов не совпадали по высоте. На бетоне полосы выглядели неровнее, однако различия могли объясняться пористой поверхностью или способом нанесения вещества.

— Если мы измеряем распечатанные фотографии, можем сравнивать только после проверки масштаба и ракурса, — напомнила Ингрид.

— Поэтому я прошу исходные файлы и данные о съёмке, — сказал Элиас. — Не хочу получить точность, которой у нас нет.

Он показал ей отметку Кари: в квартире Эвы отдельные следовые признаки предварительно позволяли предположить направление нанесения сверху вниз. Для знака в подземном гараже такого заключения ещё не было. Ни общее число полос, ни сходство композиции не давали права объявлять одного исполнителя.

— Два убийства, два похожих знака, — проговорила Ингрид. — Удобнее всего было бы считать это одной рукой.

— И опаснее всего, если окажется, что мы сами сделали работу за того, кто оставил рисунки.

— Вы допускаете подражание?

— Допускаю, что один человек мог скопировать другого, что оба знака оставил один человек и что мы ещё не видим третьего объяснения. Пока надо собрать то, что можно проверить: состав вещества, расположение штрихов, возможную последовательность, следы на инструментах. Даже если потом окажется, что рисунки одинаковы, это не будет доказательством убийства само по себе.

Ингрид убрала фотографии в прозрачные папки. В коридоре хлопнула дверь дежурной комнаты. На стене висел календарь с фотографией фьорда, слишком голубого для этого понедельника. Элиас заметил, что она несколько раз возвращается взглядом к снимку мёртвого Рууда, но не просил перестать работать. Он знал: после тяжёлого дня настойчивость иногда помогает человеку дойти до двери, за которой наконец можно остаться одному.

На улице пахло влажной листвой и тёплым камнем. Небо над Осло ещё сохраняло длинную синеву летнего вечера. Машины проезжали с включёнными фарами, но между домами оставался свет, и в окнах верхних этажей отражались бледные облака. Ингрид остановилась у своей машины. Элиас собирался пожелать спокойной ночи, когда она повернулась к нему.

— Я сорвалась после звонка Кари, — сказала она. — На вас. Хотя вы не сказали ничего неправильного.

— Вы думали о человеке, которого могли ещё найти живым.

— Я была зла, потому что мне хотелось знать наверняка. Хоть что-нибудь.

Элиас посмотрел на её руки. Она держала ключи так крепко, что ребристый край вдавился в ладонь. Он хотел осторожно коснуться её пальцев, чтобы она ослабила хватку, но не сделал этого. Между ними ещё было слишком много несказанного и слишком мало времени вне работы.

— Я тоже хочу, — признался он. — Просто в тот момент это прозвучало бы как вывод из протокола.

Ингрид усмехнулась одними губами.

— Иногда вы говорите так, будто выбираете каждое слово на весах.

— В Хельсинки мне тоже это ставят в вину.

— Не всегда это недостаток.

Она открыла дверь, но не села сразу. Рядом прошёл мужчина с велосипедом, придерживая руль одной рукой и разговаривая по телефону. Его голос удалился за угол, оставив им несколько секунд почти обычного городского покоя.

— До завтра, Элиас.

— До завтра, Ингрид.

Она уехала. Он прошёл полквартала в сторону гостиницы и остановился у витрины закрытого книжного магазина. За стеклом стоял выцветший путеводитель по Норвегии с закладкой между страницами. Элиас смотрел не на книгу: он думал о том, что утром она принесла ему завтрак, а к вечеру они научились понимать паузы друг друга. Он давно не позволял себе строить из подобных мелочей обещания. Но от одного воспоминания о её усталом лице у

машины ему становилось неуютно — так бывает, когда понимаешь, что судьба другого человека уже перестала быть для тебя чужой.

. . .

Хенрик Даль сидел в автомобиле на улице напротив своего закрытого офиса. Он приехал туда, хотя Аксель просил не возвращаться, и теперь не мог объяснить самому себе зачем. Окна здания были тёмными; у входа оставался гореть один светильник. Синюю коробку он оставил дома, а кассету, вынутую из неё, привёз с собой. Пластиковый футляр лежал в кармане, прижимаясь к боку при каждом повороте.

На телефоне появилось сообщение с незнакомого номера:

«Рууд больше ничего не расскажет».

Хенрик прочитал фразу и на несколько секунд потерял ощущение собственного дыхания. Он ещё не знал, объявили ли официально о смерти Томаса. Если отправитель узнал об этом из полиции, сообщение было жестокой шуткой. Если же нет, кто-то располагал сведениями, которых у постороннего человека быть не должно. Ни один вариант не давал ему утешения.

Второе сообщение пришло раньше, чем он успел включить двигатель:

«Теперь твоя очередь вспомнить».

На противоположном тротуаре стояла фигура в тёмной куртке с поднятым капюшоном. Из-за света за её спиной лица не было видно. Хенрик смотрел, пытаясь понять, обращено ли внимание человека к его машине или просто к пустой улице. Фигура не двигалась. Он завёл двигатель и выехал с парковочного места так резко, что колесо ударилось о край бордюра.

Через несколько кварталов, остановившись на светофоре, он получил третье сообщение:

«Ты забыл одну вещь».

Хенрик повернулся, чтобы достать кассету из кармана, и заметил на заднем сиденье белый конверт. Он не помнил, чтобы оставлял его там. Конверт лежал между двумя квитанциями за парковку, как будто кто-то специально подвинул бумаги, чтобы он был заметен. Хенрик ощупал дверной замок, проверяя, действительно ли закрыл машину у офиса. Это ничего не объясняло: конверт мог попасть в салон в другое время, а мог лежать здесь с утра. Именно невозможность назвать момент пугала больше всего.

Он открыл конверт. Внутри была фотография Кристин Фосс. На обороте чернели пять вертикальных линий. Под ними было написано:

«Третий не должен молчать».

Позади коротко просигналила машина. Хенрик поднял голову: светофор уже горел зелёным. Он убрал фотографию обратно в конверт, но пальцы не слушались. Кассета оставалась в кармане, синяя коробка — дома, а Аксель, которому он звонил ночью, так и не сказал, что нужно делать.

Он тронулся с места лишь после второго сигнала. В зеркале заднего вида не было видно человека в капюшоне. Хенрик не знал, был ли тот связан с сообщениями. Знал только одно: Эва и Рууд теперь мертвы, а кто-то требовал от него рассказать о прошлом. До этой ночи он считал молчание способом пережить случившееся. Теперь оно казалось причиной, по которой его нашли.

Глава 9. Чужая кровь

Пока рубашка Томаса Рууда лежала в запечатанном пакете, она была одним из десятков предметов, доставленных с подземной парковки. На лабораторном столе, под холодным светом ламп, её человеческая обыкновенность стала почти невыносимой. Отложенный воротник, след от ремня безопасности на плечевой части, нитка, вытянувшаяся у третьей пуговицы. Вещь мужчины, который утром мог застегнуть её перед зеркалом, рассчитывая вечером вернуться домой.

Кари Странд стояла рядом с ассистентом и сверяла номер пакета с описью. Она попросила не снимать с одежды другие частицы, пока не будут сделаны общие снимки. В подобных делах порядок действий значил больше, чем скорость; одна небрежно сдвинутая складка могла лишить следователей возможности понять, на какой стороне ткани находился след.

Рубашку уже осматривали при поступлении. Тёмные загрязнения возле бокового шва внесли в описание, а буроватую полоску на внутренней стороне левой манжеты приняли за въевшуюся грязь. Сейчас, когда ассистент расправил рукав на чистой подложке и переместил направленный свет, Кари увидела на ткани ещё одну, почти круглую точку. Она располагалась в нескольких миллиметрах от полоски.

— Оставь так, — сказала она.

Ассистент убрал пальцы от манжеты.

— Это было в первом протоколе?

— Общее загрязнение — да. Отдельные участки — нет. Сейчас добавим описание и снимки.

Он подал масштабную линейку. Кари смотрела не столько на цвет пятен, сколько на их положение: внутри подогнутого края, где ткань обычно соприкасается с кожей. Рукав мог завернуться во время борьбы; кровь могла попасть туда задолго до похищения; сам Рууд мог поранить руку и потом забыть об этом. Гадать было проще, чем исследовать, и потому она не сказала ни одного из этих предположений вслух.

— Сначала реакция на предполагаемую кровь, затем подтверждение. И отдельный контроль для каждого взятия, — распорядилась она. — В журнале отметь, откуда именно отобран материал.

— Вы думаете, это не его?

— Пока я думаю только о том, что нам нужно узнать.

В соседнем помещении негромко работала вытяжка. За стеной кто-то смеялся над неудачно произнесённым названием реагента. Кари услышала этот смех и ощутила привычное раздражение не на сотрудников, а на то, с какой лёгкостью человеческое тело становилось рабочим материалом. Рууд лежал в морге. Снаружи уже появлялись версии о способе его убийства, хотя исследование тканей и токсикологический анализ ещё не были закончены. На предплечье имелось повреждение, похожее на прокол, на запястьях — следы давления. Ни то ни другое пока не давало права назвать препарат, орудие или последовательность действий.

Кари сделала отметку в рабочем журнале и позвонила Ингрид Мёэн.

— На одежде Рууда нашлось то, что мы вчера недооценили. Есть подозрение на кровь. Я не хочу обсуждать это по телефону как установленный факт, но фотографии вам стоит увидеть.

. . .

Мусоровоз остановился под окнами гостиницы в семь двадцать. Элиас проснулся не от грохота контейнеров, а от мужского голоса, повторявшего кому-то внизу одно и то же слово — с раздражением, которое не требовало перевода. По мокрому асфальту прошуршали колёса, затем металл ударил о металл, и разговор оборвался.

В комнате пахло вчерашним кофе и нагретой зарядкой телефона. На стуле лежала снятая ночью рубашка. У прикроватной лампы — копии документов 1998 года. Он привёз их из управления, уверяя Ингрид, что лишь просмотрит несколько дат. Половину ночи потратил на фамилии, регистрационные номера и время передачи часов Йонаса Вика.

На одной из копий подпись ответственного за приём вещдока расплылась после многократного копирования. Первый штрих напоминал букву «Н», но Элиас знал, как легко мозг дорисовывает знакомую фамилию там, где ничего нельзя прочесть уверенно. Он отложил лист. Для вывода нужен оригинал журнала, а не его бессонное желание закончить ряд.

Когда-то он считал, что после тяжёлого дела достаточно уехать из города, чтобы не видеть его во сне. Потом выяснилось, что память не интересуется расписанием поездов. Ночью Рууд сидел перед ним в своём кабинете, живой и сердитый. Элиас спрашивал о часах, а тот отвечал так, словно они обсуждали совершенно другой предмет. Слова не удержались после пробуждения. Осталось выражение лица — усталость человека, которому уже поздно говорить.

Телефон завибрировал на тумбочке. Ингрид прислала два сообщения подряд.

«Кари нашла на рубашке Рууда возможные следы крови. Приезжайте в управление. Лаборатория покажет снимки».

«И позавтракайте. Вчерашний кофе не считается».

Элиас посмотрел на часы. На первом этаже гостиницы завтрак заканчивался через сорок минут. Он натянул джинсы и пошёл вниз, захватив копию протокола. В маленьком зале у окна сидела пожилая пара с картой Осло, расчерченной карандашом. Женщина пыталась выяснить у мужа, каким трамваем ехать до музея; мужчина соглашался с любым вариантом, не отрываясь от хлеба с сыром.

На улицах тоже всё шло своим чередом. Развозили продукты, на остановке толпились школьники с летними спортивными сумками, велосипедист задел зеркалом припаркованный фургон и долго разглядывал царапину. Городу не было никакого дела до того, что за одну неделю кто-то заставил двух людей ответить за события пятнадцатилетней давности. Элиас закончил кофе, не раскрыв протокол, и вышел под моросящий дождь.

В лаборатории Ингрид встретила его у двери. Тёмные волосы она собрала небрежно; несколько прядей выбились из заколки. На рукаве плаща белело высохшее пятно от дождевой воды — такое появляется после поездки в машине с не до конца закрытым окном.

— Завтракали? — спросила она.

— Да.

— Серьёзно?

— Я даже сел за стол.

Она недоверчиво посмотрела на него, но улыбнулась, и они вошли внутрь.

Кари разложила перед ними снимки, не доставая саму одежду из хранения. На общей фотографии рубашка казалась чистой. На увеличении манжета превращалась в сероватое поле нитей, между которыми лежали две тёмные отметины.

— Предварительная реакция соответствует присутствию крови, — сказала Кари. — Подтверждающее исследование и сравнение с образцом самого Рууда ещё выполняются. Я не хочу, чтобы в служебной сводке появилась фраза «чужая кровь», пока мы её не обосновали.

Ингрид поднесла фотографию к свету.

— Почему пятно именно там?

— Этого я не знаю. Внутренняя сторона манжеты могла оказаться снаружи, если ткань подвернули. Рукав могли сжать. Он мог соприкоснуться с окровавленной поверхностью. Даже если источник окажется другим человеком, время переноса определить по одному пятну мы не сможем.

— На запястьях есть повреждения, которые могли кровоточить? — спросил Элиас.

— Следы сдавления есть. Явного соответствующего ранения пока не обнаружено. Это разные наблюдения, и объединять их в одну сцену борьбы рано.

За стеклом ассистент подписывал очередную пробирку. Руки двигались размеренно, с той аккуратностью, которая не выглядит героической и редко попадает в полицейские отчёты.

— По токсикологии? — уточнила Ингрид.

— Пока без окончательного ответа. Прокол на предплечье описан, материал взят. Сроки зависят от того, что удастся обнаружить. Я сообщу результат, когда он будет подтверждён.

Кари переложила другой снимок поверх первого. На стене квартиры Эвы Нюгорд виднелись пять отдельных вертикальных линий, пятая — длиннее остальных. Рядом лежала фотография такого же по строению знака возле тела Рууда.

— Общая конструкция похожа, — сказала Кари. — Но смотрите на промежутки между штрихами, их начала и окончания. На одном снимке расстояние между двумя последними линиями больше. Это может быть положением руки, поверхностью или другим способом нанесения. Пока у нас нет основания утверждать, что знаки сделаны одним человеком.

— И нет основания утверждать обратное, — заметила Ингрид.

— Верно. Лабораторное сравнение материала и исследование следов нанесения идут отдельно. Не заставляйте символ отвечать вместо них.

Элиас задержался у двух фотографий. Пять черт легко превращались в обозначение одной воли, если смотреть на них издалека. Вблизи появлялись неровности. Человек, который хотел подражать чужому знаку, мог промахнуться. Человек, рисовавший один и тот же знак в разных обстоятельствах, тоже. Пока обе возможности оставались открытыми.

. . .

В кабинете Ингрид пахло бумажными папками и мокрой шерстью. Кому-то пришло в голову включить обогреватель, хотя июль держался мягкий; теперь воздух стал душным, а окна пришлось распахнуть. С улицы влетал запах дождя и дизельного выхлопа. На доске висели фотографии Эвы и Рууда, копия таблицы с компьютера Эвы и несколько листов с маршрутами фургона.

Ингрид стояла у карты, скрестив руки. Она провела пальцем от офиса Рууда к заброшенной парковке, где нашли тело. Между точками лежал город с сотнями помещений, пригодных для того, чтобы несколько дней скрывать человека, если никто не знает, что искать.

— Мы возвращаемся к девяносто восьмому всякий раз, когда не знаем, куда идти сегодня, — сказала она.

— Тогда давайте останемся в две тысячи тринадцатом.

— Рууда вывели через служебную дверь гаража. Мы не видели его лица на последующих записях и не знаем, сколько времени он провёл в дороге. Тело появилось в другом месте. Где-то между этими событиями его удерживали.

Она не говорила так, будто это был единственный возможный маршрут. Элиасу нравилась её способность держать на доске пустоты, не пытаясь немедленно закрасить их.

— Помещение могло находиться недалеко от офиса, — ответил он. — Подвал, склад, техническая комната. Не обязательно квартира.

— И не обязательно собственность преступника. Аренда на день, чужой ключ, доступ по работе.

Ингрид раскрыла папку с данными о гараже. Механический замок служебной двери не меняли несколько лет. В журнале числились три ключа. Один будто бы вернул уволившийся сотрудник, но приём никто не оформил отдельной записью, по которой можно было бы установить номер ключа.

— Если тот сотрудник вернул оригинал, копия всё равно могла остаться, — сказала она. — Если он не вернул, ключ мог лежать у кого угодно. Проверять придётся оба варианта.

— А сам фургон?

— Юнас поднял документы аренды. Водитель утверждает, что по окончании смены поставил машину на стоянку. Время проверяют по видеозаписям и пропускным данным. Не будем исходить из того, что водитель лжёт, только потому, что его ответы нам неудобны.

Элиас нашёл на схеме промышленные кварталы к востоку от предполагаемого маршрута. На подробной карте соседствовали действующие мастерские, склады и здания, о назначении которых в городском реестре ничего не говорилось.

— Нам нужны не все подвалы Осло. Начнём с помещений, куда можно было попасть без взлома. Люди с ключами от гаража, с доступом к фургону, со служебными помещениями по пути.

— Это я и собиралась сказать Юнасу, — ответила Ингрид, набирая номер.

Она оставила на громкой связи короткое сообщение с перечнем задач, избегая слова «убежище». Потом сняла с доски старую фотографию молодёжного центра.

— И ещё одна вещь, — сказала она. — Если смерть Рууда — только месть за 1998 год, преступник мог знать о его нынешнем распорядке достаточно мало. Но похищение из гаража требует подготовки. Мне нужен список людей, которым этот распорядок был известен, а не список всех, кто когда-либо ненавидел Рууда.

Элиас кивнул. До сих пор они собирали прошлое. Теперь предстояло собирать часы настоящего: кто видел машину, кто открывал служебную дверь, где стоял фургон после смены, кто мог принести еду человеку, оставленному в подвале. От этих мелочей чаще всего зависела возможность подтвердить красивую версию.

. . .

Лив Берге получила письмо, когда пыталась закончить короткую заметку о сокращении финансирования городских библиотек. В редакции небольшого интернет-издания было жарко, несмотря на открытое окно. На подоконнике остывала овсяная каша коллеги; рядом жужжала муха. Лив дважды перечитала одну и ту же строку и уже потянулась к чашке, когда в почте появилось сообщение без имени отправителя.

Тема: «Кристин».

Обычное слово, которое делало ненужными все остальные объяснения.

Лив открыла вложение не сразу. Сначала посмотрела адрес. Бесплатный почтовый сервис, набор букв, не похожий на имя. Она переслала ссылку на исходное сообщение себе в рабочую папку — старая привычка не удалять то, что может понадобиться редактору или следователю. Только потом щёлкнула по фотографии.

Снимок был сделан у молодёжного центра. Камера стояла далеко от входа или использовала дешёвую оптику: лица подростков расплывались, велосипед возле стены казался слишком светлым. Один мальчик поднял руку, прикрывая глаза от солнца. За его плечом стояла Кристин Фосс. Лив узнала не столько черты, сколько манеру держаться — чуть подавшись вперёд, готовая вмешаться в чужой спор.

Под фотографией была строчка: «Вы ведь знали, почему она хотела с вами встретиться».

Лив пересела подальше от окна. На столе осталась недописанная заметка; строки на экране потеряли смысл. В 1998 году Кристин звонила ей дважды. Первый раз они говорили меньше минуты, потому что в редакции не оказалось свободного телефона. Во второй Лив успела записать имя и номер, но не записала самого важного.

«У меня есть история. Серьёзная. Только не по телефону».

Лив помнила, как ответила: «Если вы хотите, чтобы мы этим занялись, нужны доказательства». Она произнесла это без грубости, даже старалась говорить профессионально. Кристин спросила: «А если доказательство есть, но я не знаю, кому его показывать?»

После смерти девушки Лив повторяла этот разговор в голове столько раз, что некоторые слова утратили звучание. Полиции она рассказала о звонке, но не о последнем вопросе. Тогда ей казалось, что она не скрывает существенного: никакого доказательства она не видела,

никакого обещания встретиться не давала. Годы спустя именно это оправдание стало самым трудным для произнесения.

Коллега подошёл спросить, будет ли готов текст до обеда. Лив повернула экран от него.

— Нет. Мне нужно закончить другое дело.

Она набрала номер Хенрика Даля. Сигнал проходил снова и снова; Лив представила, как телефон вибрирует у него на столе рядом с аккуратно сложенными папками. Наконец он ответил.

— Лив, я занят.

— Мне прислали фотографию Кристин у центра.

— Откуда?

— Если бы я знала, не звонила бы тебе. Кто-то пишет, что мне было известно, зачем она хотела со мной встретиться.

На том конце ударил о поверхность какой-то предмет. Лив различила короткий скрежет — возможно, ножку стула по полу.

— Ты показывала письмо полиции?

— Пока нет.

— Тогда не пересылай никому больше и ни с кем не обсуждай. Сначала сохрани оригинал.

— Хенрик, это угрозы? Или ты опять собираешься рассказать мне только ту часть истории, которую считаешь безопасной?

Он выдохнул в трубку.

— Я не знаю, кто читает нашу переписку и кто слушает разговоры. Это всё, что я могу сказать по телефону.

— Ты просишь меня бояться?

— Я прошу тебя наконец отнестись к опасности серьёзно.

Лив хотела спросить о кассете, о которой когда-то слышала от него обрывочную фразу, но Даль уже отключился. Она ещё некоторое время держала телефон возле уха. Потом открыла папку с материалами дела Кристин и добавила новое письмо к сохранённым сообщениям. На этот раз она не собиралась решать в одиночку, что существенно, а что нет.

. . .

К полудню Юнас Эйде вернулся с копиями записей и с той усталостью, которая появляется у человека, безуспешно добивавшегося от нескольких сотрудников одного и того же журнала. На стол он положил две распечатки: время, указанное водителем фургона, и отмеченные камерой проезды похожего автомобиля.

— Машина действительно арендована через компанию по обслуживанию зданий, — сказал он. — Водитель утверждает, что вернул её вечером. В журнале есть запись о возврате. Позже камера на соседней улице сняла фургон похожего типа, двигавшийся к промышленной зоне.

— Номер читается? — спросила Ингрид.

— Только часть. Цвет и форма совпадают, но такого мало. Я запросил записи стоянки и сведения о выдаче ключей. Пока никто не подтвердил, что это именно арендованная машина.

Элиас взял карту. Улица на записи действительно вела к кварталам мастерских и старых складов. Она также вела к десяткам жилых домов.

— Не оставляй на схеме одну стрелку, — попросил он. — Нам потом покажется, что машина могла ехать только туда.

Юнас криво улыбнулся.

— С этой картой я вообще перестану спать.

— Зато не придётся объяснять суду, куда исчезли остальные дороги, — ответила Ингрид.

Они обсудили запросы по арендаторам и зданиям, доступным после окончания рабочего дня. Юнас вынул второй лист.

— Бывший сотрудник гаража утверждает, что лично отдал механический ключ управляющему. Управляющий говорит, что не помнит такого разговора. Подтверждения передачи нет.

— Сам сотрудник помнит время и место? — спросила Ингрид.

— Утверждает, что после смены, в служебной комнате. Дату называет приблизительно.

— Зафиксируй оба объяснения отдельно. Нужно проверить график работы и любые записи об увольнении. Не превращай отсутствие подписи в доказательство, что ключ украли.

Когда Юнас ушёл, Элиас остался возле двери.

— Если похитителю помогали, мы можем искать не одного человека, — произнёс он.

— Или одного с хорошей подготовкой. В обоих случаях проще начать с доступа, чем с мотива.

Ингрид вернулась к столу. Поверх маршрутов лежал старый снимок молодёжного центра. Элиас провёл взглядом по размытым фигурам; похожих курток там могло быть сколько угодно. Их интерес к семье Брандтов ещё нуждался в фактах.

Мартин Брандт работал в архитектурной мастерской на третьем этаже бывшей фабрики. Через широкие окна было видно реку; на подоконнике стояли два горшка с травами, которые никто не поливал. Внутри пахло древесной стружкой, клеем и свежей бумагой. На длинных столах возвышались белые макеты домов с вырезанными дверями и окнами — город в масштабе, где любую ошибку можно было исправить новым листом картона.

Элиас с Ингрид приехали без предварительного звонка. Мартин вышел из-за стеклянной перегородки с рулоном чертежей под мышкой. Он был одет просто: светлая рубашка, тёмные брюки, потёртые ботинки. Под глазами лежали тени, не скрытые загаром.

— Вы снова о фотографии? — спросил он, прежде чем они представились сотруднице у входа.

— О молодёжном центре, — ответила Ингрид. — Появились вопросы, которых мы раньше не задавали. Здесь неудобно говорить?

Мартин оглянулся: двое коллег смотрели на них с той подчёркнутой занятостью, которой люди прикрывают любопытство.

— Во дворе есть столы. Пойдёмте туда.

У здания шумела вентиляция. В дальнем углу стоял металлический контейнер, переполненный обрезками упаковочного картона. Мартин достал пачку сигарет. Пальцы на мгновение задержались на прозрачной плёнке, прежде чем он её оторвал.

— Три года не курил, — сказал он. — Теперь снова.

Ингрид не спросила почему. Она положила на стол блокнот, оставив его закрытым.

— Вы занимались спортом при центре в конце девяностых?

— Да. Несколько лет. Там был зал, потом его отремонтировали.

— Кристин помогала проводить занятия?

— Иногда. Устраивала что-то для младших. Вечно всех собирала, даже тех, кто приходил просто погреться.

— Вы с ней разговаривали?

Мартин втянул дым и отвёл сигарету в сторону.

— Я говорил вам: мы были знакомы. Она не была моей девушкой, если вы это ищете.

— Мы этого не спрашивали, — заметил Элиас. — Она когда-нибудь обращалась к вам за помощью?

— С чем?

— Возможно, её тревожило то, что происходило в центре. Мы проверяем сведения о злоупотреблении положением одного из взрослых.

Мартин посмотрел на Ингрид. Взгляд был короткий, но внимательный: он пытался определить, произнесли ли следователи уже известное им или только подводили к ответу.

— Вы опять пришли из-за отца.

— Ваш отец участвовал в работе попечительского совета, — ответила она. — Это установленный факт. Всё остальное требует проверки.

— А люди всё равно решат, что он что-то скрыл. Они всегда так решают.

Элиас опёрся ладонью о край стола.

— А вы что думаете?

Мартин погасил сигарету, хотя она ещё почти не сгорела. В металлической пепельнице лежали влажные от дождя окурки.

— Отец уверен, что всё можно решить за других. Даже когда они уже давно выросли. Особенно тогда.

— Это относится и к 1998 году?

Мартин не ответил. Из открытого окна мастерской доносился голос сотрудницы, которая искала не тот комплект чертежей. Он поднял голову на звук, словно вспомнил, что в нескольких метрах от них существует работа, где предметы имеют ясные размеры и фамилии владельцев.

— Мне нужно вернуться.

Ингрид закрыла блокнот. Она понимала, что ещё три вопроса подряд не сделают его смелее. Они обменялись контактами, подтвердили, что при необходимости оформят его показания официально, и пошли к воротам.

— Инспектор Мёэн, — окликнул Мартин.

Он стоял у стены, уже без сигарет.

— Кристин приходила туда не только на занятия. По вечерам тоже. Иногда всё уже закрывалось, а она оставалась.

— Вы видели, с кем она встречалась?

— С кем-то из работников. Наверное.

— Вы помните, с кем именно?

Мартин провёл ладонью по затылку.

— Нет. Я тогда не следил за каждым, кто входил и выходил.

— А почему вспомнили об этом сейчас?

— Потому что вы спросили, пыталась ли она получить помощь. — Он посмотрел на реку, на мутную воду у бетонного берега. — Может, пыталась. Мы тогда многого не замечали.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

По дороге к машине Ингрид сказала:

— Он не назвал ни одного имени. В отчёте оставим только то, что он видел или помнит, а не то, почему он, по нашему мнению, замолчал.

— Но о вечерах он вспомнил без подсказки.

— И это стоит проверить. Охрана, расписание, сотрудники центра. Может оказаться, что она просто помогала закрывать зал.

Элиас оглянулся на фабричное здание. Мартин уже стоял за стеклом у большого макета. Он передвинул крохотную белую стену, остановился и снова вернул её на прежнее место.

. . .

Результат пришёл не как внезапное откровение, а несколькими строчками внутреннего сообщения, сопровождавшего данные исследования. Кари перечитала их дважды, затем сверила номера проб, подписи при передаче материала и сведения о контрольном образце Рууда. Попросила ассистента проверить, не перепутаны ли обозначения участков ткани. Только после этого позвонила Ингрид.

Когда следователи вернулись, Кари сидела у рабочего компьютера с открытым протоколом предварительного исследования. Лабораторный халат висел на спинке кресла — она сняла его перед разговором, чтобы не носить из рабочей зоны бумаги и мелкие частицы.

— Теперь мы можем говорить о человеческой крови, — сказала она. — Подтверждающее исследование дало соответствующий результат. Предварительное сравнение исследованных генетических признаков исключает Рууда как её источник. Независимая проверка и окончательное заключение ещё не готовы.

Ингрид положила руку на край стола.

— Другой человек. Мужчина? Женщина?

— По полученным данным признаков Y-хромосомного материала в этой пробе не обнаружено. Это согласуется с женским источником. Но я прошу не писать «кровь женщины» как установленный портрет неизвестного человека. Образец мал, и результаты ещё будут проверять.

— Совпадение с кем-нибудь есть? — спросил Элиас.

— Подтверждённого совпадения нет. Мы направили запрос на сравнение по доступным законным процедурам. Даже если профиль окажется пригодным, отсутствие совпадения не говорит, что человек не имеет отношения к делу. Говорит лишь, что мы не нашли его в тех данных, которые проверили.

Элиас посмотрел на увеличенную фотографию манжеты. Пятно было таким маленьким, что можно было закрыть его кончиком пальца.

— Если Рууда удерживали, он мог поранить того, кто находился рядом.

— Мог, — ответила Кари. — Но кровь могла оказаться на ткани до похищения. Она могла попасть при ином контакте. Чтобы оценивать механизм, нужны данные о расположении и состоянии пятен, о повреждениях одежды, о других следах. Пока это не история борьбы, а чужой биологический материал на его рубашке.

Ингрид попросила уточнить, какие сравнительные образцы и какие предметы ещё исследуются. Кари перечислила их по журналу, не обещая результатов к определённому часу.

— И есть ещё волокна, — сказала она, открывая новую папку. — С одежды Рууда выделили несколько тонких синтетических нитей. По общим признакам материал напоминает серое волокно, изъятое на кухне Эвы Нюгорд.

— Они одинаковые? — спросила Ингрид.

— Мы этого ещё не установили. Такая ткань встречается повсюду: рабочая одежда, обивка, сумки. Сопоставление продолжается. Не стройте на одном цвете общую мастерскую убийцы.

Элиас вспомнил две чашки на столе Эвы и осколки третьей. Серое волокно, обнаруженное там, могло иметь сотни объяснений. Но теперь возникала проверяемая линия между двумя местами, которая не зависела от чьих-либо признаний и знаков на стенах.

— Значит, будем искать источник ткани, — сказал он.

Кари кивнула.

— И способы, которыми она могла попасть в оба места. Это две разные задачи.

Когда они вышли из лаборатории, Ингрид попросила не распространять предварительное заключение шире следственной группы. Элиас согласился. Газетная фраза «на жертве найдена кровь женщины» могла погубить осторожную работу за одно утро: незнакомые люди начали бы искать раненых знакомых, а настоящий источник крови успел бы подготовиться к вопросам.

. . .

К вечеру дождь усилился. На окнах управления появилась сплошная водяная плёнка; красные огни тормозящих машин расплывались, будто кто-то провёл по стеклу влажной кистью. Из коридора слышалось, как техник ругается с принтером: тот снова втянул сразу три листа.

Элиас сидел на краю стола и смотрел на доску, где рядом оказались снимки двух погибших и карта их последних дней. Ингрид принесла чай в бумажных стаканчиках. Один поставила ему, не спрашивая, нужен ли сахар. За неделю она успела запомнить эту мелочь.

— Мы привыкли думать о Рууде как о человеке, которого убили, — сказала она. — Но до этого он мог участвовать в подлоге. И неизвестно, какую роль играл в самом убийстве Кристин.

Элиас посмотрел на копии протоколов.

— Эва призналась, что поставила подпись под документом, в подлинности которого позднее усомнилась. Это не доказывает её осведомлённости обо всём, что происходило. По Рууду у нас показания и расхождения с часами. У Даля — пропавшие приложения и его собственное молчание. Ни одна из этих строк пока не заменяет расследование.

— Знаю. И всё же кто-то последовательно приближается к людям из старого дела. Каждому будто предъявляют то, о чём он предпочёл бы забыть.

Она достала фотографию знака. Линии на стене Эвы и на парковке Рууда напоминали отметки в списке, но Элиас уже не доверял подобным образам. Слишком удобно было назвать их счётом — и начать подгонять людей под количество штрихов.

— Месть? — спросил он.

— Одна возможность. Только месть предполагает, что человек знает, кого наказывает. А если он ошибается? Если в 1998 году ему рассказали историю, которая с самого начала была неполной?

Элиас повернул фотографию обратной стороной к столу.

— Тогда убийца может считать виновными не тех людей. Или считать виновными их за то, чего они не делали.

— И всё равно готов убивать.

Они вернулись к списку практических задач. Проверить, кто мог пользоваться арендованным фургоном. Установить сотрудников молодёжного центра, оставшихся после закрытия. Получить оригинал журнала передачи часов, а не очередную копию. Допросить управляющего гаражом отдельно от бывшего сотрудника. Сравнить волокна, когда криминалисты будут готовы говорить о конкретных признаках.

Работа выглядела прозаично — фамилии, подписи, ключи, расписания. На фоне двух убийств она могла показаться жалкой. Но именно такая проза отделяла расследование от рассказа, который следователь сочинил себе сам.

Ингрид потерла ладонью глаза.

— Нам нужно закончить на сегодня хотя бы один пункт.

— Мы подтвердили, что кровь не Рууда. С оговорками, но подтвердили.

— И убедились, сколько вопросов уместится в пятно размером с ноготь.

Элиас встал и отнёс пустой стакан в корзину. В коридоре уборщица провела мимо них тележку с мешками; колёса оставляли на линолеуме две влажные дорожки. Полиция тоже состояла из обычных помещений и обычных людей, которым завтра снова придётся открывать эти двери.

Они вышли из управления почти в десять. На улице дождь превратился в мелкую настойчивую морось, с которой зонт не помогал: влага попадала под воротник и оседала на лице. Под навесом возле входа курил сотрудник ночной смены. Увидев Ингрид, он убрал сигарету и отошёл к тротуару.

— Подвезти вас? — спросила она, доставая ключи от машины.

— До гостиницы можно дойти пешком.

— Можно. Но в этом городе дождь не выдаёт медаль за выносливость.

Элиас посмотрел на мокрые ступени. Уходить не хотелось, хотя говорить об этом вслух было ещё труднее. Он уже привык к её манере поправлять его выводы без раздражения и к тому, что на самые тяжёлые дни она оставляла немного места для шутки.

— Сегодня Мартин всё время смотрел мимо нас, — сказала Ингрид. — Не на двери и не на машину. На окна мастерской, где сидели коллеги. Он боялся, что его услышат, или боялся произнести что-то самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.